ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 32 АВГУСТ 1989

Знак беды

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!




ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 32 (3237)

5—12 АВГУСТА

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Дача купца П. А. Башенина в г. Сарапуле. (См. в номере материал «Золотая рыбка в дырявом неводе».)
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Л. Н. ГУДКОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 17.07.89. Подписано к печати 01.08.89. А 08889. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 959. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.



Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и Игоря ГАВРИЛОВА

НЕТЕРПЕНИЕ



Давно закончился кинофестиваль, но у подъезда Центрального Дома кинематографистов в Москве снова звучали аплодисменты. На сей раз москвичи адресовали их не кинозвездам, а народным депутатам СССР, которые в минувшую субботу и воскресенье стали участниками проходившего здесь собрания межрегиональной депутатской группы.

...Групповой уклон, фракция, оппозиция! У этих слов исторически сложившаяся зловещая окраска, от них и по сей день отдает трупным запахом эпохи, когда безжалостно подавлялось не только какое-либо инакомыслие, но и малейшее отступление от догм привычных и неоспариваемых стереотипов. К тому же мы слишком долго и упоенно говорили о монолитном единстве в партии и обществе, чтобы сегодня трезво и спокойно осознать существующие в них разногласия,— сама мысль об этом многим кажется крамольной.

Признаться, не только депутатам, но и нам, журналистам, не сразу было дано понять, а что же представляет собой межрегиональная депутатская группа, от каких корней питается ее идеология, в чем выражается сегодня ее политическое кредо. Не вносило ясность и разночтение в формулировках. Одни нейтрально называли ее блоком левых радикалов, другие более определенно высказывались о сообществе людей, составляющих систему противовеса основной массе депутатов, наконец, третьи трактовали ее как элитарный замкнутый круг недовольных и несогласных, чья непримиримость граничит с экстремизмом...

Как тяжело все-таки пробиваются зеленые побеги нового сквозь многослойную асфальтовую толщу годами наработанных стандартов! А если оценивать МДГ (вот и родилась, благодаря нашему сегодняшнему политическому мышлению, новая аббревиатура) с иных, более спокойных и выдержанных позиций? Не является ли происходящее ничем иным, как возвращением к цивилизации, элементарным и общепринятым в мире демократическим нормам и процедурам?

— Что же я предлагаю? — спросил с трибуны собрания депутат Сергей Станкевич.— Всего лишь признать то, что с очевидностью доказала мировая практика парламентаризма: депутатские группировки в составе законодательного органа — явление необходимое и, безусловно, полезное. Нужно сразу же узаконить в регламентах Съезда и Верховного Совета возможность свободно создавать и регистрировать такие группы. Из сострадания к тем, кого с давних времен мутит от слова фракция, давайте назовем их... хотя бы клубами — как в Словакии и Польше. Конечно, надо установить количественное ограничение: на официальный статус могут претендовать группы, составляющие, скажем, не менее одной пятой части от общего числа депутатов Съезда (450 человек). Надо предусмотреть все необходимое для нормальной полити-





ческой деятельности групп (клубов), в частности приоритетное участие их в дискуссиях и обязательное представительство во всех органах, формируемых депутатами, начиная с Верховного Совета. В конце концов исторически слежавшийся лед тронулся! Жизнь берет свое вопреки любым догматическим заклинаниям.

На улице полыхает жаркий полдень, а в зале атмосфера еще более накаленная. Кажется, что здесь проходит поле особо высокого напряжения, сотканное из электрических разрядов тревоги и озабоченности за все происходящее в стране. Радикальные меры сегодня не самоцель, они — жесткая и горькая необходимость. Только они, утверждают ораторы, могут вывести общество из кризисного состояния. Только с помощью их можно остановить инфляцию, локализовать самые горячие и болевые точки. Предельно четко сформулировал свою мысль драматург Александр Гельман: «Радикальные меры сегодня — это проявление крайней осторожности, не радикализм, а самый что ни есть реализм в оценке ситуации и обстановки».

Правда, есть и иные взгляды. Отметив полезную необходимость альтернативных предложений, Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР Евгений Примаков тем не менее усомнился в целесообразности создания каких-либо организованных ячеек на основе пока еще аморфных платформ и даже несогласия отдельных депутатов, которые в конечном счете, по его мнению, будут противостоять Верховному Совету. «Что это — организация ради дела или организация ради организации?» — заострил он свой вопрос.

Но дебаты продолжаются. В острой политической дискуссии вырабатывается платформа МДГ, обсуждаются предложения, которые буквально на следующий день будут представлены на рассмотрение Верховного Совета. Сегодня жизнь так стремительна, что даже небольшой отрезок времени становится в какой-то степени этапным — с высоты пройденного можно обобщить накопленный опыт, внести коррективы в ранее сложившиеся взгляды. Анализируя причины забастовок, охвативших угольные центры страны, известный экономист, профессор Гавриил Попов говорил:

— Как экономист, я не могу не знать о тех гигантских потерях, которые несет страна в результате сбоя в одном из звеньев единого хозяйства и что означают эти сбои при нашей бедности и существующем дефиците. В то же время, как сторонник радикальной перестройки, я считаю, что забастовка — это крайняя, но при определенных условиях законная, логичная и вполне оправданная мера.

— Я не знаю товарища Щадова, министра угольной промышленности,— рассуждает оратор,— но если Верховный Совет утвердил его единогласно, то, видимо, товарищ Щадов смог доказать свою компетентность. Но услышали ли шахтеры от своего будущего министра ультиматум: пока Верховный Совет не решит такие-то проблемы угольной отрасли, я не могу стать министром? Нет, он так вопрос не ставил. Вместо этого — опять обещания заняться проблемами. Что оставалось делать шахтерам?

...Социально-психологическая напряженность возникла в обществе не вдруг. Слишком долго культивировались у нас бюрократическая тупость, некомпетентность, полное безразличие к запросам людей. И нарастала эта напряженность, набирала обороты как форма резкого протеста против попрания основных принципов социальной справедливости и социальной защищенности человека. Сегодня верят не словам — верят делу. А дела пока нет. Прав народный депутат Юрий Голик из Кемерова, подчеркнувший, что необходимо передать власть Советам, необходимо передать власть на местах. «...А рабочие это сделали,— сказал он,— они доказали старый известный тезис о том, что власть не дают, ее берут, они вышли и взяли власть в свои руки. Сейчас никто и нигде не выступает против Советской власти. Выступают против вполне конкретных, не справившихся, вполне определенных руководителей...»

Услышало собрание и голос донецких шахтеров. Народный депутат СССР Юрий Бурых от имени пятнадцати коммунистов, членов Горловского городского забастовочного комитета, заявил, что забастовка явилась следствием глубокого кризиса в социально-экономической и общественно-политической сферах, фактически она свидетельствует об отсутствии заметных перемен в жизни народа, о продолжающемся застое в экономике.

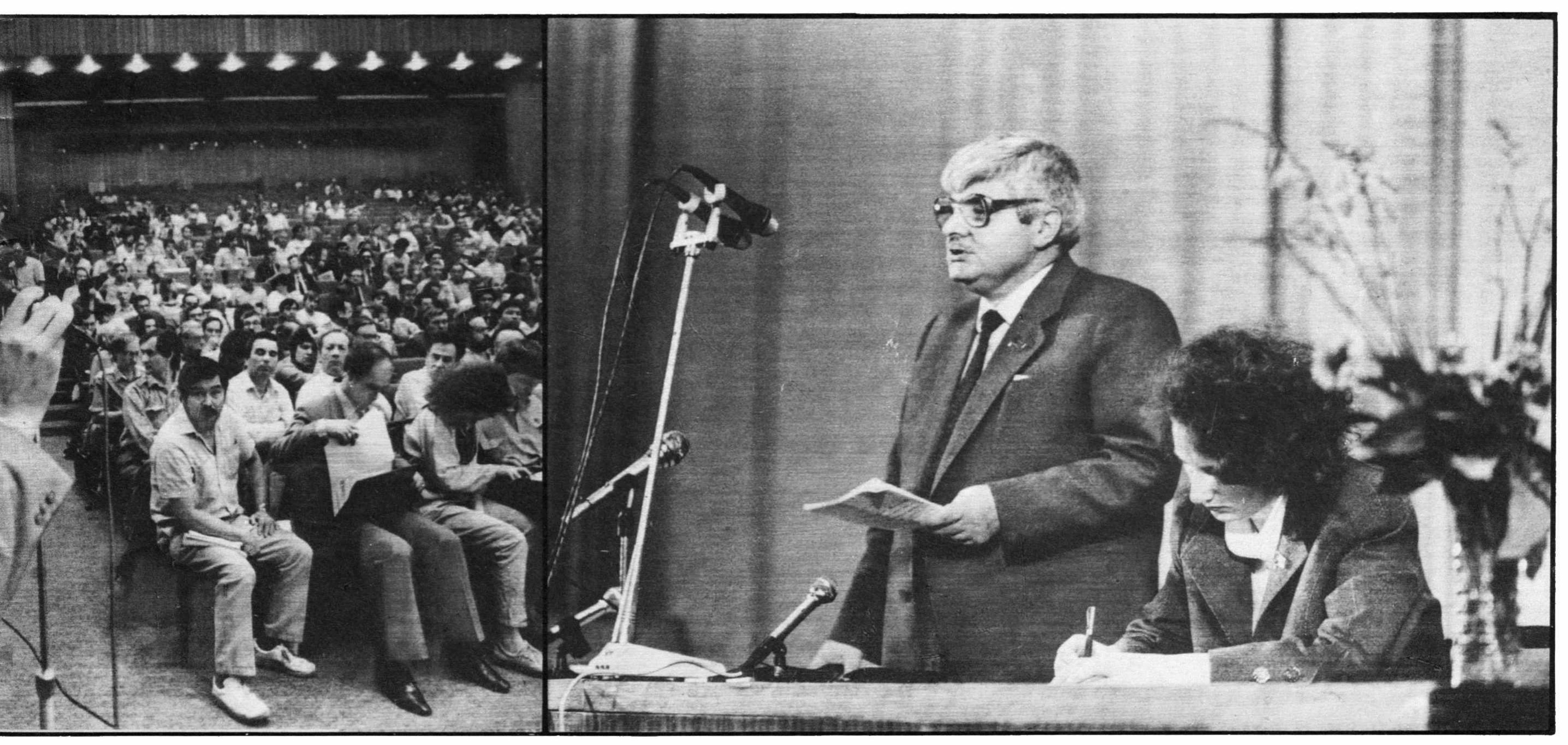
При всей драматичности ситуации нельзя не отметить один существенный и непреложный факт: отныне лидером перестройки, ее движущей силой становится народ, он требует ее углубления и решительного ускорения, в частности, в местах недавно прошедших забастовок, выдвигается требование немедленных демократических выборов новых составов советов трудовых коллективов, профкомов, партбюро, всех местных Советов. Самый раз вспомнить крылатые ленинские слова: «Весь гвоздь теперь в том, чтобы авангард не побоялся поработать над самим собой, переделать самого себя...»

Очевидно, что откладывать выборы в местные Советы нельзя. С этим согласились все участники собрания. Но при этом необходимо учесть ошибки прошлой избирательной кампании. Уже в минувший понедельник один из сопредседателей межрегиональной депутатской группы Борис Ельцин внес на рассмотрение Верховного Совета предложение о созыве в сентябре внеочередного Съезда народных депутатов, в повестку дня которого должен быть включен вопрос о внесении поправок в ныне действующий Закон о выборах народных депутатов СССР. Он подчеркнул также, что группа открыта для всех депутатов, секретов у нее нет никаких и каждому желающему она предлагает конструктивное деловое сотрудничество.

Конечно, крамольный титул «оппозиция» пугает многих, и мы откровенно не знаем, как сложится дальнейшая судьба межрегиональной депутатской группы, хотя, по общему мнению, речь идет о выработке альтернативных предложений, остающихся в русле работы Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. Но вот смотрю на лица участников собрания, среди которых знатный строитель Николай Травкин, известный историк Юрий Афанасьев, полковник с Украины Вилен Мартиросян, юрист из Ленинграда Анатолий Собчак, академик ВАСХНИЛ Владимир Тихонов... Эти люди сегодня в известной степени олицетворяют совесть перестройки, они ее боль, ее тревога. Если эти депутаты попали в число «оппозиционеров», то, может быть, действительно надо что-то менять...

Александр БОЛОТИН

ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?



ПЛОЩАДИ БОЛ

или ДРУГОГО ВЫХОДА У КУЗБАССА НЕ БЫЛО

Замира ИБРАГИМОВА,
собственный корреспондент «Огонька»



Прокопьевск. Площадь Победы. В июльские дни 89-го ее уместнее было бы назвать площадью Боли. От боли люди кричат — и площадь Победы заходится в репликах отчаяния:

— Напишите, что нас обманывают! И под землей, и над землей!

— Вчера прямо сюда привезли зеленую колбасу — мы ее отдали Слюнькову!

— Шахтеру в получку суют 15 рублей. Живем на аванс — не зарабатываем, а отрабатываем!

— Жена получает больше советского шахтера. Жену менять или профессию?

— У проходчика зарплата до 130—170 доходит. Куда дальше?

— Зато тот, кто метры бракует, до двух окладов вышибает!

— Экономист шахты получает 700, шахтер 200—300. Мыслимо ли это?

— Резину на спецсапогах экономят. Этих сапог уже на день не хватает, а им велят полгода служить!

— Маркс говорил, что тяжкий труд и порождает пьянство.

— Но 13 июля все винные магазины закрыли по нашему требованию. Начальство как раз хотело торговать коньяком и водкой. Мы на эту наживку не клюнули.

— Мы на правительство обиделись. Приехал бы к нам Горбачев, хоть бы что пообещал.

— Щадов наобещал, но у него какие полномочия? Ни один вопрос не может решить самостоятельно. Тут хочешь не хочешь, будешь за Ельцина!

— Зачем про политику? У нас экономическая забастовка.

— Но правительство виновато, что забастовка затянулась. Мы же телеграмму давали!

— А наши связь отключили!

— И микрофоны унесли.

— Мы не против Советской власти. У нас местная власть все натворила.

— Просили четырех убрать — никого не тронули!

— Пока не уберут — не уйдем.

— Надо бороться за самостоятельность предприятий!

Чего же вы добиваетесь, забастовщики? Ответы предельно просты:

— Шахтеры должны нормально зарабатывать!

— У нас уголь вредный. Пусть платят за вредность!

— Хотим в шахту сытыми спускаться!

— Будем мы когда-нибудь иметь жилье с водопроводами?

И всякий мало-мальски знакомый с условиями труда и быта шахтеров мог бы с чистой совестью присоединиться к этому яростному ору солистов на бастующей площади.

Прокопьевско-Киселевский угольный район — один из самых сложных по горно-геологическим условиям и самый запущенный по соцкультбыту. Все шахты — довоенной и военной поры, темпы реконструкции предельно низки, используются в основном технологии 30-х годов. («У вас там XII век»,— констатировали американские журналисты, спускавшиеся в дни стачки под землю.



И,

[redacted]

Фото
Эдуарда ЭТТИНГЕРА

■ ИСТОРИЯ, ГОЛУБУШКА, ТЫ ВСПЯТЬ ПОШЛА? СО ШКОЛЬНОЙ СКАМЬИ МЫ НЕОПРОВЕРЖИМО ЗНАЛИ, ЧТО ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ В НАШЕЙ СТРАНЕ НИКАКИХ РАБОЧИХ ВОЛНЕНИЙ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ, ПОТОМУ ЧТО РАБОЧИМ УЖЕ НЕ ИЗ-ЗА ЧЕГО «ВОЛНОВАТЬСЯ». ОНИ ХОЗЯЕВА СТРАНЫ, ВЛАДЕЛЬЦЫ ФАБРИК И ЗАВОДОВ, И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА —САМАЯ СПРАВЕДЛИВАЯ В МИРЕ. И ВДРУГ В КОНЦЕ ДЕВЯТОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА ОЖИВАЮТ МУЗЕЙНЫЕ ПОНЯТИЯ И КАРТИНКИ: ЗАБАСТОВКИ, СТАЧЕЧНЫЕ КОМИТЕТЫ, ШАХТЕРЫ МИТИНГУЮТ И НОЧУЮТ НА ПЛОЩАДЯХ, ВЫДВИГАЮТ УСЛОВИЯ, НА КОТОРЫХ ГОТОВЫ ВЕРНУТЬСЯ В ЗАБОИ.
■ ЧТО ЭТО? УЖ НЕ МИРАЖ ЛИ ВОЗБУЖДЕННОГО НОВАЦИЯМИ И УТОМЛЕННОГО ПЕРЕОЦЕНКАМИ СОЗНАНИЯ?
■ КУДА ТАМ — МИРАЖ... ТАКАЯ КОЛЮЧАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, ЧТО У ЕЖЕДНЕВНЫХ ГАЗЕТ НЕТ НИ МЕСТА, НИ ВРЕМЕНИ ДЛЯ НЕТОРОПЛИВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ — ПОСПЕТЬ ЗА СОБЫТИЯМИ: «ЧП НА ШАХТАХ», «ЗАБАСТОВКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ», «ИДУТ ПЕРЕГОВОРЫ»... СОБЫТИЯ, НЕ СЧИТАЯСЬ С ТЕМ, ЧТО ПОВЕРГАЮТ НАС В ШОК, ТРЕБУЮТ ОПЕРАТИВНОГО ОСВЕЩЕНИЯ, И ИЗУМЛЕННЫЕ РЕПОРТЕРЫ РАСТЕРЯННО ПЕРЕДАЮТ С ГУДЯЩИХ ПЛОЩАДЕЙ: «СРЕДИ БАСТУЮЩИХ СОТНИ КОММУНИСТОВ».
■ ЭПОХА МИРАЖЕЙ КОНЧИЛАСЬ. МОЖНО ОПЛАКИВАТЬ МИРАЖИ ПОВСЕМЕСТНОГО И ЕДИНОДУШНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ. ПО НИМ МОЖНО ТОСКОВАТЬ. О НИХ МОЖНО МЕЧТАТЬ. НО МОЖНО ЛИ ВЕРНУТЬ ИМ ПРЕЖНЮЮ РОЛЬ БОЛЕУТОЛЯЮЩЕГО НАРКОТИКА, КОГДА ОСОЗНАНИЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ ПРИНИМАЕТ МАСШТАБЫ МНОГОТЫСЯЧНЫХ ЗАБАСТОВОК?

И забастовщики удовлетворенно передавали друг другу эту оценку, точно нашли в ней оправдание своей добровольной многодневной безработице.)

Города на угле состоят из десятков убогих поселков. Это стихийные островки домашних очагов у «шахт». Живая (увы!) летопись шахтерского быта первых пятилеток, довоенных и послевоенных лет. Отсутствие удобств, антисанитария, аварийное состояние как норма... Десятки тысяч семей практически не имеют жилья.

И в таком «интерьере» недоброй насмешкой воспринимается расхожее утверждение экономистов о том, что тонна угля, добытого в Кузбассе и доставленного из Сибири в Подмосковье, стоит дешевле, чем та же тонна, но добытая в Донбассе и используемая на месте. Действительно, видимо, сибирская тонна становится дешевле за счет трущоб вместо домов, за счет уличных помоек вместо мусоропроводов, за счет недостроенных дорог, детских садов, больниц, профилакториев, за счет скудости тылового быта, от которого Кузбасс, безотказно выручавший страну в самые тяжкие ее дни, никак не может убежать уже пятое мирное десятилетие.

И, конечно, за счет эксплуатации изношенных производств, создававшихся в режиме жесточайших ограничений войны.

«Дешевый» кузнецкий уголек стоит дорого разве что самим добытчикам. Травматизм, профзаболевания, преждевременная старость... В дни забастовки в местных газетах циркулировала информация, тотчас подхваченная площадями: «За девять лет войны в Афганистане погибло около 15 тысяч советских воинов. За тот же срок на шахтах Минуглепрома мы потеряли 10 тысяч человек... Одна смерть на миллион тонн угля. На шахтах Кузбасса в прошлом году погибло 152 человека».

О том, что хорошие постановления, принятые по Кузбассу в разные годы, не выполняются вовсе или выполняются от силы на 10—15 процентов, знали давно. Давно поняли (по выражению с площади Победы), что эти постановления — «колыбельные песни», не более.

Переход на тарифы, в которых шахтеры видят причину резкого снижения заработков, начался тоже не сегодня. Разочарование в тарифах уже иронически осознано: «Среднеотраслевые нормативы труда подобны средней температуре по больнице».

И ситуация с продовольствием ухудшилась не вдруг, и жилищный кризис подготавливался десятилетиями. Чем же жаркий июль 89-го допек неприхотливых сибиряков? Не высокими ли температурами градусника?.. Кто-то объяснил:

— Мыльный бунт! Мне пачку нужно, чтобы отмыться после смены.

Но автора этой гипотезы оборвали резко:

— Не принижай нашу забастовку! За кусок мыла и мяса не продадимся! Мы устали ждать и надеяться, но подачки нам не нужны. Хотим получать заработанное!

В свежих экономических поветриях учуяли шахтеры реальную возможность улучшения — скорее интуитивно, чем осознанно, и термин «региональный хозрасчет» не сходил с тысяч уст на бастующих площадях, но что это такое, забастовщики точно объяснить не могли. Понятие это пока для большинства сколь модно, столь и загадочно. И немудрено — при наших-то запутанных-перепутанных методиках расчета.

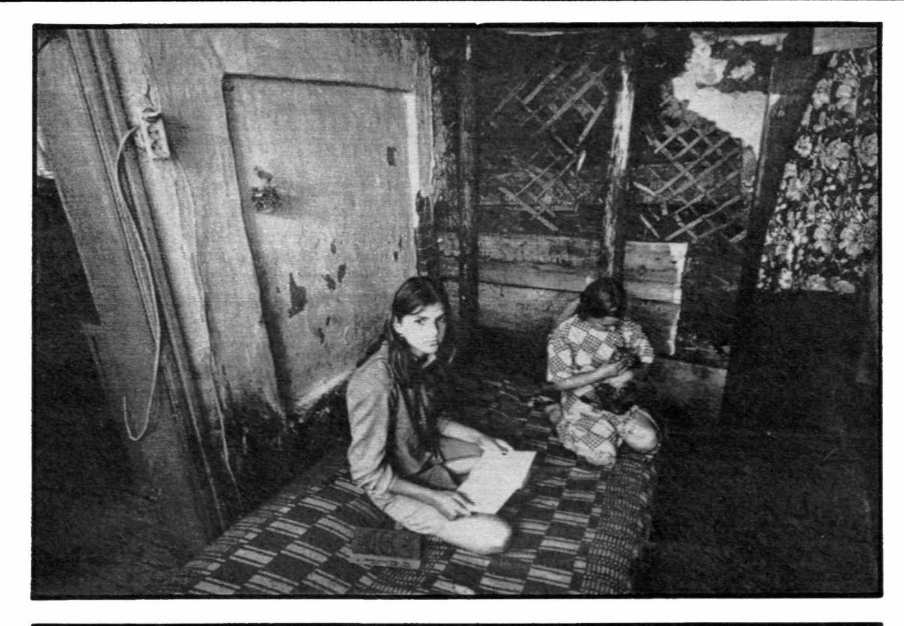
О цифры ввоза-вывоза спотыкаются не одни шахтеры — вся Кемеровская область, оказывается, несмотря на свою мощную металлургию, химию, угледобычу, давно уже живет «взаймы»: больше якобы получает, чем отдает. Но загадка эта объяснима при сопоставлении цен хотя бы на тот же уголь: 14 рублей тонна у нас, 42 доллара на мировом рынке.

Самый «дешевый» кузнецкий уголек, что он сможет дать при хозрасчете без переоценки? Проблема, которую на площади не решить. Но благодаря площадям она услышана страной. И, конечно, не случайно долгое молчание Кузбасса было взорвано многодневной стачкой. Все иные пути — обращения местных руководителей и сибирских ученых «на верх» столько лет — не приносили никаких результатов.

— Мы виноваты перед шахтерами за то, что не могли достучаться до Москвы с нашими проблемами,— сказал мне генеральный директор объединения «Прокопьевскгидроуголь» Михаил Иванович Найдов.— Справедливость забастовки, ее отчаянная надежда сомнений не вызывают, но каждый день приносит нам огромный экономический ущерб.

И протянул мне листок с цифрами, которые характеризовали потери в результате одних суток простоя объединения. Убытки в итоге составляли в сутки миллион 376 тысяч рублей. И Найдов расшифровал эту сумму: стоимость 150-квартирного дома.

Что тут скажешь? Они потеряли за эти дни шесть-семь 150-квартирных домов, которые все равно не были бы построены, потому что в Кузбассе катастрофически не хватает строителей и стройматериалов. А приобрели... прежде всего уникальный опыт осмысления собственных проблем.





Председатель областного забастовочного комитета, народный депутат СССР Теймураз Георгиевич Авалиани говорил мне:

— Процесс показал, как мало мы еще цивилизованы. Сначала поднялись, потом начали думать, чего же требовать. Характерен эпизод на митинге в Киселевске. Выступает одна женщина, горячо, ярко — давайте устанавливать талоны на колбасу, это справедливо, никто не будет обижен. Голосуют. Вся площадь за талоны, человек двести против. Через некоторое время выходит другая — выступает так же эмоционально, но говорит: мы только что совершили политическую ошибку, введем талоны и никогда от них не избавимся, все будем есть только по талонам. Кто против? Вся площадь голосует против, человек триста «за»... Вот так мы были готовы к выработке единых требований. Это была очень трудная задача. Стачка началась 11-го, а комитет выбрали только 16-го. Мы пытались суммировать и обобщить требования городов, а каждый город выдвинул десятки вопросов — от самых местных (по дорогам, больницам и так далее) до самых общих, например, отмены цензуры для средств массовой информации. Уже заходят члены правительственной комиссии, а я им могу предложить только три листка с машинки, меньше половины наших общих требований. Надо принимать закон о забастовках, учиться и этим делам. И, конечно, всерьез говорить о региональном хозрасчете мы еще не готовы. Будем просить помощи у Сибирского отделения Академии наук.

Площади Кузбасса напряженно ждали информации о ходе переговоров. Города обменивались посланцами (междугородная телефонная связь, как говорили мне забастовщики, была прервана). Те возбужденно объясняли, чего ждут, чего хотят, с чем ни за что не согласятся:

— Цены повышаются, а зарплату снижают!

— Хватит помогать развивающимся странам, сами недоразвитые!

— Если отпуск проходчикам не увеличат, не уйдем до осени!

Возбуждение держалось в границах сердитых реплик и грозных обещаний. Милиционеры делили с забастовщиками обед, который на площадь привозили с шахт.

— Милиция вошла в контакт со стачечным комитетом,— объяснял мне потом заместитель начальника Прокопьевского УВД Г. М. Дудин.— Мы помогаем забастовщикам как специалисты по охране общественного порядка. С самого начала у нас было одно понимание ситуации: мы с шахтерами — это экономическая забастовка, в ней нет политических оттенков. Нет ужаса ферганско-сумгаитского бандитизма, нет Карабаха.

Образ резни, злой и никому не нужной, в разговорах с шахтерами то и дело возникал противопоставлением тому, что происходило в Кузбассе.

Алексей Ипатенко, член Кемеровского стачечного комитета:

— В Кемерове все предприятия — химия, энергетика и т. д.— готовы были к нам подключиться. Но если бы они к нам примкнули, мы бы этим пирогом подавились. Ездим по предприятиям, разъясняем обстановку, люди понимают нас. Нам не нужен здесь второй Карабах!

Присоединиться к шахтерам хотели многие. Но шахтеры согласились только на знаки солидарности. Плакаты на площадях извещали:

«Товарищи шахтеры, мы с вами! Швейная фабрика «Горнячка».

«Выражаем солидарность бастующим шахтерам и перечисляем в фонд забастовки 50 тысяч рублей!»

Да, были созданы фонды стачечных комитетов. С объявлением счетов в газетах и по радио. (Кстати, члены областного комитета просили меня сообщить его счет и читателям «Огонька». Контроль за выполнением согласованных требований будет нуждаться в деньгах. Сообщаю: Кемеровский областной забастовочный комитет, город Прокопьевск, Жилсоцбанк, счет № 000700219.)

...Томительное ожидание информации на площадях закончилось оглашением по радио 35 пунктов Протокола, подписанного председателем комиссии, членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС Н. Слюньковым и председателем забастовочного комитета Кузбасса Т. Авалиани, их заместителями, председателем ВЦСПС С. Шалаевым. Документ опубликован в газете «Кузбасс» — тем самым снят вопрос о его «секретности».

Тридцать пять пунктов предусматривают и подготовку Кузбасса к переводу с 1 января на региональный хозрасчет, и предоставление полной экономической и юридической самостоятельности предприятиям бассейна, изменение оплаты за ночную и вечернюю смены, и установление единого выходного дня для трудящихся угольных предприятий, и повышение районного коэффициента к зарплате, и дополнительные социальные выплаты, и дополнительные срочные поставки продовольственных и промышленных товаров.

Удовлетворены шахтеры?

В 31-м пункте Протокола написано:

«...забастовочные комитеты сохраняются до 1 августа 1989 года. Вопрос о дальнейшем существовании этих комитетов решается в зависимости от складывающейся ситуации».

В эти июльские дни родилась новая — живая! — структура рабочего самоуправления. В последнем слове перед последними забастовщиками председатель Прокопьевского городского стачечного комитета В. Маханов сказал:

— Ребята, вы своим комитетам верите? Не подомнет нас профсоюз? Вы знаете, какая это мощная бюрократическая машина — у них печать, аппарат, власть, средства. Но наш рабочий стачечный комитет будет достойной альтернативой нашим беззубым профсоюзам!

О профсоюзах и на площадях, и в кабинетах отзывались нелестно: не нашли своего места в рабочем «волнении». Что ж! Отжившие структуры подлежат естественной замене. Альтернатива выдвинута самой жизнью. Стачка выявила много умных, инициативных людей — им и занимать лидирующие позиции в новых условиях.

Новые или хорошо забытые старые? Во втором томе ленинских Сочинений читаю (написано в 1896 году):

«...министры стали придумывать отговорки, они стали уверять в своем сообщении, что стачки вызваны были только «особенностями бумагопрядильного и ниточного производства». Вот как! А не особенностями всего российского *производства*, не особенностями ли русских государственных порядков..?»

К шахтерам Кузбасса присоединились шахтеры ведущих угольных бассейнов страны. Можем объяснять это «особенностями» запущенной угольной промышленности. Но стоит ли нам так утешать себя? Мы же многие наши государственные порядки хотим менять. Стачка не способ улучшения экономической ситуации в стране, остро переживающей экономические трудности. Но стачка — способ заявить о себе. Другого выхода у Кузбасса не было. Площади Боли заставили-таки правительство обратить внимание на положение шахтеров страны. Многие из шахтерских требований — в компетенции Верховного Совета СССР. Требования услышаны. Есть надежда.

...История, голубушка, ты вспять пошла или шаг вперед сделала?

Кузбасс — Новосибирск



ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ●
КАКУЮ ВОДУ ПЬЮТ ДЕТИ НАДВОИЦ?●

■

Я с большим вниманием следила за работой Съезда народных депутатов, с не меньшим интересом продолжаю слушать сессию Верховного Совета.

Работает она более конструктивно, хотя бы потому, что нет этого совершенно дикого захлопывания отдельных выступающих. Но вот что беспокоит по-прежнему. Обсуждается кандидатура на тот или иной пост. В случае возможного забаллотирования кандидата нас начинают категорично убеждать в совершенно исключительных (зачастую чисто человеческих) качествах данного претендента. Но, позвольте, хороший человек — это не профессия. Мы избираем его не для включения в список гостей, приглашаемых на именины, а доверяем ответственный пост.

Я уверена, что к последующим заседаниям нам необходимо подойти с поименным голосованием. Я как избиратель имею право знать позицию своего депутата.

Может быть, тогда мы не увидим с экранов телевизоров зевающих и дремлющих депутатов.

Н. АКСЕНОВА
Киев

■

Мы, преподаватели, длительное время работающие в Ленинградском технологическом институте имени Ленсовета, просим помочь ответить на вопрос: кто заставляет Минвуз РСФСР в течение длительного времени (более 10 лет) настойчиво возвращать на прежнюю должность профессора Клушина Владимира Ивановича, зав. кафедрой философии, давно потерявшего в институте всякий авторитет и моральное право учить и воспитывать студентов, которого ученый совет института неоднократно не избирал на эту должность?

Клушин В. И. и Андреева Нина Александровна (супружеская пара) в конце 70-х годов были уличены в систематическом написании анонимных писем и наказаны в партийном порядке. Строгая оценка их поступка первичной партийной организацией была поддержана райкомом и горкомом партии.

«Спасение» пришло из обкома и КПК при ЦК КПСС, которые, игнорируя факты и документы, подтверждающие вину анонимщиков, фактически их реабилитировали.

Но дело не в статье и ее авторах. Нас возмущает то, что Минвуз РСФСР, как истинно бюрократическая инстанция, полностью игнорирует мнение ученого совета института и без оснований возвращает на прежнюю должность человека, отторгнутого институтом.

Мотивировкой отмены решения ученого совета послужило то, что «в институте не было проведено анкетирование студентов о качестве учебных занятий т. Клушина В. И., что ограничило возможность членам ученого совета объективно оценить качество его научно-педагогической деятельности».

Мы утверждаем, что члены ученого совета института, среди которых четверть состава — студенты, были достаточно осведомлены о работе проф. Клушина В. И., а анкетирование вообще нельзя было проводить до прочтения проф. Клушиным В. И. курса лекций и сдачи экзамена.

До каких же пор Минвуз РСФСР будет в лучших застойных традициях командовать коллективом института, лишая его права на собственное мнение?

Преподаватели ЛТИ,
всего 12 подписей
Ленинград

■

В № 26 «Огонька» опубликовано письмо П. Иванова, выславшего телепрограмму краевого телевидения на 5—11 июня, в которую не была включена трансляция со Съезда народных депутатов СССР. П. Иванов требует «обязать ответственных лиц письменно в местной печати объяснить мотивы, побудившие запретить показ хода работы таких революционных мероприятий в жизни СССР, как Съезд и сессия».

Ну что же. Как лицо ответственное, письменно через местную печать я уже дал объяснение, а теперь довожу до сведения читателей вашего журнала: содержание письма не соответствует действительности. Весь ход заседаний Съезда и первой сессии Верховного Совета страны, от первой до последней минуты, транслировался по передающим каналам Краснодарского телевидения. Тому свидетели — сотни тысяч кубанцев, напряженно следивших у своих экранов за работой высшего органа народной власти.

Что же касается телепрограммы на 5—11 июня, помещенной в «Кубанской неделе», то действительно там не было объявлено о продолжении трансляции Съезда. Что это, местная «запретительная» инициатива? Ничего подобного.

Дело в том, что наша программа формируется на основе вещательной недели Центрального телевидения, которая доводится до местных студий как минимум за семь дней. Так вот, поступившая 29 мая телетайпопрограмма из Москвы о передачах ЦТ с 5 по 11 июня не предусматривала репортажей из Кремлевского Дворца. Не были объявлены они на этот период и в еженедельнике «Говорит и показывает Москва». В таком виде опубликовали телепрограмму на 5—11 июня и центральные газеты.

Когда же стало известно, что заседания Съезда продолжатся и будут, как и на предыдущей неделе, транслироваться в прямом эфире, Центральное и Краснодарское телевидение внесли изменения в свои программы передач, неоднократно напоминали об этом зрителям. Мы даже отменили 5 июня плановую профилактику оборудования, чтобы не лишать кубанцев возможности следить за работой Съезда.

О. КОЛЕСНИЧЕНКО,
председатель Краснодарского краевого комитета по телевидению и радиовещанию

■

В ноябре 1988 года я участвовала в работе выездной коллегии Министерства здравоохранения Карельской АССР в городе Сегеже, самом неблагополучном с экологической точки зрения городе республики. Среди поселков городского типа пальма первенства принадлежит, наверное, Надвоицам, где расположен алюминиевый завод (НАЗ).

На коллегии шел разговор о высоком уровне заболеваемости населения в Сегежском районе. Исследования, проведенные Военно-медицинской академией (при активном участии медиков Карелии по программе «Регион»), выявили у нас четыре самых неблагополучных с медицинской точки зрения района. Среди них — Сегежский и Беломорский, испытывающие мощную антропогенную нагрузку от крупнейшего Сегежского ЦБК и всего промышленного узла Сегеж — Надвоицы.

Дети города Сегеж пьют воду из реки Сегежи, принимающей стоки с участков мелиорации, а район водозабора находится в зоне воздушных выбросов Сегежского ЦБК, где концентрация только сероводорода, по расчетным данным, в 75 раз выше предельно допустимых норм. Удивительно ли, что детская смертность в городе — 28 на 1000 человек.

От эколого-социальной секции республиканского общества охраны природы на Съезд народных депутатов была направлена телеграмма. В ней мы требовали признания Сегежского района «зоной экологического бедствия» и переориентации средств, предназначенных на строительство города для жителей Сегежа и Надвоиц. Он должен находиться вне зоны влияний выбросов предприятий, возле надежного в санитарном отношении источника водоснабжения.

Мы полагаем, что судьба жителей Сегежа и Надвоиц должна быть взята на контроль Комиссией по охране семьи, материнства и детства.

Н. ХАККАРАЙНЕН,
член совета оперативных действий социально-экологического союза
Петрозаводск



Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Сейчас сотни людей в стране активно подписываются на газеты и журналы. Подписная кампания вообще — это своеобразный отчет каждого печатного органа, и высшим баллом в нем является все возрастающий интерес к определенным изданиям. Проанализируем таблицу сведений о подписке на журнал «Огонек», составленную издательством «Правда». Попробуем за ее цифрами увидеть нечто большее. Например, процессы, происходящие в том или другом регионе, ведь показатели по подписке на наш журнал по стране разные.

По этим данным, самый большой рост подписчиков произошел в Латвийской ССР: там подписка на «Огонек» возросла на 302,9 процента. Далее следуют Эстонская ССР — 268,5 процента, Белорусская ССР — 260,7 и Литовская ССР — 238,7 процента. Меньше число подписчиков в Киргизской ССР — на 135,9 процента и в Туркменской ССР — на 150,1 процента.

В Хакасской автономной области, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах число желающих читать наш журнал по сравнению с прошлым годом осталось неизменным.

Что касается РСФСР, то лидирующее место занимают Москва — здесь подписка возросла на 299,8 процента — и Ленинград — на 281,2 процента. За ними следуют Ивановская, Калининградская и Калининская области. «Золотое кольцо» России занимает в этом списке не последнее место: более чем в два раза увеличилась подписка в Новгородской, Владимирской, Псковской, Тульской и Ярославской областях. Активно подписались на «Огонек» в Магаданской, Камчатской, Иркутской, Читинской, Томской, Мурманской областях. Появилось много сторонников журнала в Удмуртской и Якутской АССР.

По тем же сведениям стало известно, что в областных городах «Огонек» выписывают больше, чем в этих же областях. Например, в Москве на тысячу человек выписано 47,69 экземпляра, а в области — 16,83 экземпляра. По Ленинграду эти же цифры составили 43,21, а по области — 11,85 экземпляра на тысячу человек. Подобное наблюдается практически во всех крупных городах страны. Например, по Киеву и Киевской области эти цифры составили соответственно 33,59 и 7,58 экземпляра на тысячу человек. По Алма-Ате — 10,74 и по области — 3,37 экземпляра на тысячу человек.

В разных уголках страны нас читают по-разному: например, в Хорезмской области на тысячу человек выписано 0,60 экземпляра, в Камчатской области — 32,22, в Мурманской — 29,12, в Дагестанской АССР — на тысячу жителей приходится 4,19 экземпляра, а в Закарпатье — 3,88.

В целом по сравнению с прошлым годом подписка «Огонька» увеличилась на 1 627 307 экземпляров, и на 1 июля 1989 года число подписавшихся на журнал составляет 3 185 000 человек.

Подписка на «Огонек» принимается без ограничения во всех отделениях связи до первого числа предподписного месяца.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

В последние годы подписку на журнал пытались ограничивать. Пока что она свободна. Тем более мы рады приобрести новых читателей. До встречи на страницах журнала, друзья!

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ВАРИАНТ

Леонид ПЛЕШАКОВ

СТАТИСТИКА С ДВОЙНЫМ ДНОМ

Рассказ о чехословацком животноводстве мне хотелось бы начать с прописных истин.

Таких, например. Молоко у коровы на языке. Не гони коня кнутом, а гони его овсом. Путь к сердцу свиньи (позволю себе новацию) лежит через желудок. Если эти трюизмы перевести на прагматический слог, вывод напрашивается сам: успехи в животноводстве определяют корма. От этой незатейливой, простой и понятной, как хлеб, основы в конечном итоге зависит присутствие на нашем обеденном столе даров всяких там мясо-молочных, свино-, птицекомплексов. Крепок, надежен кормовой базис — обильно и разнообразно наше меню. В один ряд с сухопутными, если можно так выразиться, фермами следует поставить и прудовое рыбоводство. Ведь и оно дает человеку столь необходимый животный белок, требуя от него взамен все те же приготовленные сбалансированные корма.

Аксиомы, что и говорить, не из оригинальных. Однако опыт показывает, что, несмотря на всю их бесспорность, понимание, трактовка и, главное, практическое применение этих истин допускают довольно широкую вариантность и неоднозначность.

Как раз об этом сегодня и хотелось бы повести речь.

Если в двух словах охарактеризовать, как чехословацкий потребитель обеспечен животноводческой продукцией (для этого нашим соотечественникам бывает достаточно взглянуть на прилавки здешних продовольственных магазинов), то это будет: полный порядок. Где-то, в иных палестинах, дела со снабжением, говорят, обстоят еще лучше, но, на наш аршин, нам хватило бы и такого, как в ЧССР. Не буду травить душу читателей подробностями предлагаемого здешней торговлей ассортимента, а прибегну к суховатому языку статистики. С цифрами в руках каждый сможет считать дальше сам и делать соответствующие выводы.

Так вот, в 1985 году (возьмем за точку отсчета время старта нашей перестройки) в Советском Союзе потребление мяса составило на душу населения по 61,7 килограмма, в ЧССР — по 85,8 килограмма. Год спустя эти показатели чуть-чуть подросли: 62,5 и 87,3 соответственно. В том же, 1986-м наши соседи обогнали нас и по потреблению яиц: 346 против 265 штук на человека. Зато по молоку и молочным изделиям мы взяли реванш. Наш среднестатистический потребитель получил его в год 332 килограмма, тогда как чехословацкому досталось всего по 250 килограммов.

Ура! Ура!

За что ценю я нашу статистику, так за ее абсолютную достоверность. И щедрость. Нужные данные она умеет упрятывать под такие Эвересты пустопорожних обобщений, никому не интересных сведений, ничего не говорящих цифр, что информацию, которая бы объясняла суть явлений, выискивать в ней так же трудно, как изюм в праздничном пироге скуповатой хозяйки. К тому же не всегда возьмешь в толк, что там на уме у ее лукавых цифр. Они, как показывает опыт, могут обозначать все что угодно. Вопрос лишь, кому это угодно?

Поясню примером. Вышеприведенные данные взяты мною из «Статистического ежегодника стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. 1987 год». Цифры как цифры, ничем не отличаются от десятков других, помещенных рядом. И только при внимательном чтении замечаешь неприметные сносочки. Оказывается, при подсчете мясопотребления мы включаем сюда все съедобные субпродукты, сало и мясные изделия (в пересчете на мясо по соответствующему коэффициенту). В Чехословакии же в данном случае сало в счет не идет.

Может, это невинные мелочи, обусловленные национальными традициями учета? Даже если так, то они довольно заметно искажают общую картину, лишают возможности объективно оценивать ситуацию в двух странах.

Попытаемся все-таки разобраться и для этого сравним производство мяса и мясных продуктов на душу населения с подушным их потреблением.

В 1985 году мы произвели мяса (в убойном весе) по 61,7 килограмма на человека, в 1986-м — уже 64,4. Чехословакия вырастила на своих фермах соответственно по 99,8 и 100,6 килограмма на человека. (В данном случае у них сало тоже шло в счет.)

Вывод, я думаю, напрашивается сам: в 1985 году наше производство и потребление «сыграли по нулям», а через год первое превысило второе на практически неуловимую величину — всего на 1,9 килограмма, то есть по 150 граммов в месяц. В ЧССР это превышение равнялось в первом случае 14, во втором — 13,3 килограмма. Мы свой мясной 'баланс вынуждены были сшивать на «живую нитку», латая дефицит импортом, в Чехословакии при ее запасе прочности появилась совсем иная проблема: куда девать излишки? Розничный спрос был полностью удовлетворен, мясоперерабатывающие предприятия уже не справлялись с объемами поступающего сырья, холодильники же были переполнены под завязку. Значительную часть — многие тысячи тонн — произведенного мяса пришлось отправлять на хранение в соседние страны, оплачивая услугу натурой. Нам бы, как говорится, эти заботы.

Очень похоже выглядит и ситуация с молоком.

Упоминавшийся выше Статистический ежегодник СЭВа и в этом случае дает существенно искаженную картину. Потребление молока и молочных продуктов в нашей стране ведется с учетом животного масла (в пересчете на свежее молоко), в ЧССР эту статистику ведут до примитивности просто: молоко — это молоко, масло — это масло. Вот и получается, что у нас на человека пришлось в 1986 году по 332 килограмма, а у них — только по 250. Но зато они произвели его на своих фермах по 455 килограммов, мы же — только по 365! Их резерв (целых 205 килограммов!) позволяет гнать такой разнообразный молочный ассортимент, который мы на прилавках собственных магазинов забыли, как выглядит. И чему, собственно, удивляться: с молоком, что произвели мы в том году, не разгуляешься.

Прошу извинить меня за частое обращение к авторитету наших пустоватых прилавков, но так уж у нас ведется статистика, что с ее данными в руках очень трудно рассмотреть, сколько первородного продукта течет в наших молочных реках с кисельными берегами. Искажает картину и толстый слой масла, подернувший поверхность потока. Его все время приходится перегонять по каким-то коэффициентам в молоко, к тому же в значительной мере слой этот не нашенский — с импортным клеймом. Поэтому для полного завершения картины не хватает, как мне кажется, еще нескольких штришков.

В 1986 году наш агропромышленный комплекс произвел 1 миллион 700 тысяч тонн животного масла. На следующий год к ним прибавили еще 42 тысячи тонн. Одновременно по импорту в эти два года мы закупили соответственно 194 тысячи 340 и 403 тысячи 109 тонн коровьего масла. Другими словами, в 1987 году около 19 процентов потребленного продукта мы получили из-за рубежа. Беда не из великих, особенно если учесть, что это мера вынужденная. При нашем дефиците на этот вид продукта (во многих городах, как известно, продажа сливочного масла в государственной торговле все еще нормирована талонами, этой современной разновидностью карточек) не больно-то покапризничаешь.

И все-таки есть цифры, которые располагают к размышлениям. В 1986 году за 194 тысячи 340 тонн масла мы уплатили на мировом рынке 103 миллиона 285 тысяч рублей — примерно по 532 рубля за тонну. В 1987 году 403 тысячи 109 тонн сторговали уже за 134 миллиона 93 тысячи рублей, или по 332 рубля за тонну, сэкономив на каждой по двести народных рубликов. Можно, конечно, порадоваться такой оборотистости советских купцов на мировом рынке, однако не следует забывать, что этот чертов Запад просто сражен эпидемией страха перед холециститом и главной его причиной — жирами животного происхождения. Он готов бороться с ними всеми доступными способами — от резкого роста потребления растительного масла до селекции коров, дающих молоко с пониженным содержанием жира. Судите сами, в 1987 году каждому из наших соотечественников досталось в среднем по десять килограммов растительного масла, западный немец съел 14,1 килограмма, американец — 22,4, а житель Голландии — в нашем представлении страны заливных польдерных лугов и тучных коровьих стад,— этот житель Голландии съел за год аж целых 28 килограммов растительного масла! Снижение потребления коровьего привело к его затовариванию, а, как известно, любой товар, не пользующийся спросом, всегда идет по бросовой цене. Так что на наш стол попало многое из того, что не годилось для стола чужого, того же голландского, к примеру.

Картина, как видим, получилась не особенно радужной. Беда, что и она не совсем полная. Опубликованное в конце января этого года сообщение Госкомстата СССР утверждало, что в 1988 году на каждого из нас пришлось по 65 килограммов мяса и мясных продуктов. Но пятью неделями позже «Московские новости» поместили данные Всесоюзного научно-исследовательского института по изучению спроса населения на товары народного потребления и конъюнктуры торговли, который делает свои расчеты по методике, отличной от методики Госкомстата. Так вот, ВНИИКС уточнил: в 1988 году у нас мяса потреблялось не по 65, а всего по 45 килограммов на человека. Холодный душ, да и только! К сожалению, ВНИИКС не сообщил своих данных по молоку. Может быть, там нас ждала и вовсе ледяная купель?

Ситуация с мясом и животноводческими продуктами вообще достигла сейчас просто критического уровня. Видимо, по этой причине наши статистики и не считают за грех взбадривать ее некоторыми цифровыми румянами. Наверное, поэтому в счет идет даже то, что другие не учитывают, и плюсуется то, что другие вычитают. Но голую цифру, даже очень красивую, в тарелку не положишь и голода ею не утолишь. Об этом лучше всего знают пассажиры бесчисленных поездов, электричек, автобусов, которые по выходным отправляются из своих городов и весей в Москву, Ленинград, Киев, Таллинн и другие центры, где снабжение хоть чуть-чуть, да получше, чем у них. Стоит полчаса потолкаться в толпе отъезжающих с Казанского, Курского или Ярославского вокзалов Москвы, чтобы с большой точностью вычислить, каких продуктов не хватает за сто, за триста или за тысячу верст от столицы.

Между прочим, приводя данные по нашей стране за прошлый год, я не случайно воздержался проводить параллель между ними и аналогичными цифрами ЧССР. Не совсем корректным получилось бы сравнение. В прошлом году подушное потребление мяса в Чехословакии неожиданно подскочило килограммов на десять. И объяснялось это не тем, что был собран самый большой урожай за все послевоенное время: много кормов — много и животноводческой продукции — все просто. Не в этом, оказывается, дело. В соседних странах резко рванулись вверх розничные цены на продукты, что дало толчок международному туризму с мясо-молочно-колбасным уклоном. Судите сами: за январь — сентябрь прошлого года Чехословакию посетили 19,2 миллиона туристов, и 12,3 миллиона из них нанесли в братскую страну только однодневный визит. Примерно так на «познавательные» экскурсии в Москву ездят наши внутренние «туристы» откуда-нибудь из Иванова, Владимира, Калинина или Тулы. Так что мы не одиноки, наш опыт признан и принят на вооружение в Европе, обретает, так сказать, международный размах.

Только вот нам от этого не легче...

Но пора все-таки вернуться к кормам.

Может создаться впечатление, что чехословацкое продовольственное благополучие зиждется на обильных урожаях сельскохозяйственных культур, тогда как наш агрокомплекс все время трясет лихорадка испепеляющих засух, гнусных вымоканий, необыкновенной жары и неожиданных холодов. Конечно, климат у нас не сахар, но далеко не все можно списать на нестабильность зон рискованного земледелия. Действительно, в Чехословакии урожайность большинства культур выше, чем у нас. Но ведь и пахотный клин там на душу населения втрое меньше нашего. К тому же удары своих погодных катаклизмов мы научились умело амортизировать за счет импорта. Эта палочка-выручалочка позволяет штопать зазоры, которые образуются между нашими плановыми наметками на урожай и истинными валовыми сборами. В 1985 году мы импортировали, например, 45,6 миллиона тонн зерна, в 1986-м — 26,8, в 1987-м — 30,4, а в 1988-м — 36 миллионов тонн. Так что, хотя собственные валовые урожаи колебались за этот период от 191,7 до 211,4 миллиона тонн, мы имели от 231 до 241,8 миллиона тонн ежегодно, что практически соответствовало плановым заданиям.

Увы, даже при таком относительно благоприятном зерновом балансе, добытом столь дорогим и разорительным для бюджета страны способом, нам никак не удается «расшить» свои животноводческие проблемы. А вот Чехословакия справляется с ними, располагая меньшими ресурсами. В 1985 году, например, у нас на каждого едока приходилось по 840 килограммов зерна (включая импортное), у них — только по 768 килограммов. В 1987 году: у нас — по 850 килограммов, в ЧССР — по 765. Расклад по зерну, как видим, в нашу пользу, если судить по прилавкам магазинов — все выглядит наоборот.

Выходит, хитрость не столько в том, чтобы вырастить, израсходовать много

зерна, сколько в том, чтобы заставить его работать с оптимальной отдачей. Иначе не в коня корм.

КТО-ТО ТЕРЯЕТ, КТО-ТО НАХОДИТ...

В чужой монастырь, как известно, со своим уставом не ездят. Можно представить, как трудно каждому, кто все-таки попал туда, отвыкать от правил и привычек, по которым приходилось жить прежде. Вот и я во время командировки в Чехословакию никак не мог расстаться с личным опытом, обретенным в Союзе, постоянно испытывал внутреннюю потребность сравнивать то, что видел здесь, с тем, что уже знал ранее. Все время мысленно пытался искать между тем и другие какие-то аналогии, проводить какие-то параллели и на их основе делать выводы, к сожалению, далеко не всегда оказывавшиеся верными. Другая страна, иные традиции, обычаи — легко ошибиться, если пытаешься давать оценку явлениям и ситуациям, внешне схожим с нашими. Тут как при разговоре с иностранцем: чтобы правильно понять собеседника, либо ищи хорошего переводчика, либо сам побыстрее осваивай чужую речь.

Короче, приходилось учиться на ходу.

Знакомя с обширным хозяйством кооператива «Дружба», что под Кутна-Гора в Среднечешской области, председатель правления Мирослав Яровский привез меня на ферму крупного рогатого скота. Асфальтированный двор, аккуратные, чистые коровники, телятники. Около каждого, за низким заборчиком, как бы широкий палисадник сочной сеяной травы выше колена.

— На корм? — догадываюсь я.

— Да.

— Когда будете пускать скот?

— Никогда. Скосим — подадим в кормушки. А потом будем растить до второго и третьего укосов. Скармливать из-под копыта невыгодно: не столько съедят, сколько вытопчут.

Круглогодичное стойловое содержание скота — жестокая необходимость и единственная возможность для успешного ведения животноводства в стране, где на душу населения приходится всего сорок четыре сотых гектара сельхозугодий, из которых тридцать одна сотка — под пашней. Каждый пригодный для возделывания клочок земли должен дать максимум продукции. Так что для физических разминок и променадов, обеспечивающих правильное функционирование живого организма, можно выделить только специальные прогулочные площадки при фермах.

За месяц командировки мне довелось немало поездить по сельским дорогам Чехии, Моравии и Словакии, но ни разу я не видел коров, телят или какую другую живность на вольном выпасе. Глаз быстро привык воспринимать такую картину как вполне естественную, и, когда при возвращении домой, уже на территории Польши, а потом в Белоруссии, за окном вагона стали мелькать пасущиеся стада, они показались невероятной пейзанской экзотикой. И в соответствии с вывезенным из ЧССР «новым экономическим мышлением» я подумал: «Это сколько же добра они вытолкут без пользы!»

Кому-то этот пример покажется мелковатым, быть может, даже наивным, просто арифметическая задачка для первоклашек на сложение и вычитание. Спорить не буду. Так уж мы воспитаны, что в любом деле нам подавай размах, и, если дело это не тянет на «глобалитэ», оно не удостаивается нашего внимания. Гигантомания сидит у нас в крови. Иначе, думаю, мы не попались бы с завидным постоянством во всякого рода трескучие словесные ловушки. Сейчас, пожалуй, и не установить, кто первым по ветхости лет или затмению рассудка придумал и пустил в широкий прокат лозунг «Экономика должна быть экономной». Здраво подумать — глупость, которая своей тавтологической аляповатостью способна разве на то, чтобы вызвать изжогу у ревнителей российской словесности. Так нет же — мы с таким упорством куковали эту глупость много лет подряд, что уже и сил не осталось осмыслить: не экономика, а мы сами должны быть экономными. И при воспитании этого необходимого человеческого качества нет — просто не может быть! — мелочей: все годится, все пойдет впрок.

Йозеф Клосс, председатель североморавского кооператива «Староицко», при знакомстве с гордостью сообщил мне, что дней за десять до моего приезда у него побывала делегация советских хозяйственных руководителей очень высокого уровня. Хотя гостей, специалистов в сельском деле довольно опытных и хорошо информированных, какими-то новинками удивить было трудно, ему, Йозефу Клоссу, это все-таки удалось. Наши товарищи очень подробно расспрашивали о применяемых в «Староицко» методах заготовки и хранения кормов, тщательно записывали его рассказ, обещали, что, вернувшись домой, будут внедрять увиденное у себя.

Так чем же удивил наших опытных соотечественников североморавский крестьянин? Во-первых, хранением сена из клевера и люцерны: после скашивания они остаются в поле совсем недолго. Чуть-чуть подвялятся — и уже поступают в хранилища, огромные, похожие на ангары сооружения с бетонным полом. Через узкие щели в полу мощные вентиляторы нагнетают сюда воздух.

— Воздух,— объясняет Клосс,— сушит, доводит сено до нужных кондиций. Что это дает? Известно, самые нежные, вкусные и питательные листики клевера и люцерны теряют влагу быстрее, чем стебли, и, если сушить сено в поле, они при перевозке осыплются, будут потеряны самые ценные фракции корма. При нашем способе заготовки под крышей без потерь оказывается все, что выращено. И качество — чувствуете запах?

В хранилище стоял густой настой душистого, будто неделю назад скошенного сена. На самом деле оно отлежало тут почти год.

Вторая «изюминка» Клосса — силаж. Измельченную зеленую кукурузную массу из-под комбайна подают в такие же ангары-хранилища, что и клевер, накрывают пленкой, а сверху пригружают тяжелыми бетонными плитами. Лишний сок стекает в понижения у стенок хранилища, оттуда в накопители и после возвращается на поля. А под пленкой в зеленой массе происходят те же процессы брожения, что и в наших силосных ямах и траншеях.

И опять приходится говорить о качестве. Что силаж, что измельченные початки, отлежав год, издавали аромат моченой антоновки.

Снова элементарная задачка на «плюс-минус»?

Попробую ее усложнить.

При нашем способе заготовки и хранения сена и клевера, при наших методах закладки силоса (речь, разумеется, идет не о передовых, образцово-показательных хозяйствах, где все делается, как положено) мы несем не только прямые потери кормов, но и, если так можно выразиться, косвенные.

При силосовании кукурузы в ямах, траншеях, даже облицованных бетоном, часть корма, хочешь не хочешь, при зачистке, погрузке, по пути на ферму теряется. Теряем мы и сено — все эти осыпавшиеся, пересохшие нежные, вкусные и питательные листики, если оно хранилось не под крышей, а в стогах. Это элементарно. Однако у этого счета есть еще и продолжение.

Год назад директор ВНИИ молочной промышленности Я. Костин рассказал корреспонденту одной из центральных газет, что наше пастеризованное молоко, уже прошедшее термическую обработку, содержит столько же микробов, сколько их можно обнаружить в свеженадоенном молоке на фермах некоторых западных стран. Одна из причин — наш любимый способ заготовки силоса: утаптывать измельченную кукурузную массу в траншеях с помощью гусеничных тракторов. Вполне естественно, что при таком методе в будущий корм попадает грязь, смазка. Когда этот недоброкачественный продукт скармливается коровам, они и молоко дают низкого качества, нечистое. Оно непригодно для производства кефира, творога, сыров. Оно не сворачивается, хотя и достаточно быстро скисает. Иными словами, корма затрачены, нужный продукт не получен.

Но и это не все. На чехословацких молочных фермах, где побывал, молоко из доильных аппаратов по трубопроводам поступало в накопители из нержавеющей стали, оборудованные системой охлаждения. В этих условиях оно может храниться без ущерба до той поры, пока за ним не приедет молоковоз с ближайшего перерабатывающего завода. Расстояние от них до фермы обычно не превышает тридцати километров, так что примерно через полчаса свежий удой может поступать в переработку, что гарантирует высокое качество. Но и дальше холод будет сопровождать любой молочный продукт при хранении на складе предприятия, при перевозке в торговую сеть, на прилавки магазинов.

И опять, вернувшись домой, я попытался сравнить чехословацкий опыт с нашей практикой. Оказалось, что некоторые поставщики молока находятся от московских заводов за добрую сотню верст, а то и подальше. Чтобы продукт по дороге в столицу не портился, в него порой добавляют специальные консерванты. После всю эту «химию», которая, разумеется, качества продукта не повышает, нам приходится потреблять. Это уже не «сложение-вычитание», а деление, извлечение корня, и все со знаком «минус».

Говоря о качестве молока, хотелось бы подчеркнуть, что в конечном итоге все дело упирается не только в качество содержания скота, приготовления кормов и даже не в хранение, отгрузку, транспортировку и переработку полученного продукта. Главное — в условиях работы людей, причастных ко всему этому.

Я бывал на десятках, может быть, сотнях наших ферм. Теперь вот видел и чехословацкие. Не стану утверждать, что в наших хозяйствах совсем не проявляют заботу о животноводах, что не предпринимаются попытки механизировать и облегчить их нелегкий труд. Все это делается, и денег в принципе на это не жалеют. Однако некоторые траты не могут не вызвать удивления.

Не раз на фермах, утопающих в весенних и осенних хлябях (без резиновых сапог и сунуться туда не думай), я встречал красные уголки и комнаты отдыха с телевизорами, подшивками газет и журналов, с полками занимательной литературы. Можно было подумать, что люди приходят на ферму не работать, а читать, смотреть «телек». На чехословацких фермах в глаза бросалось другое: чистота во дворах и помещениях, подсобки с индивидуальными шкафчиками для одежды, душевые с холодной и горячей водой и (простите за такую подробность) содержащиеся в санитарной чистоте, в цветном кафеле туалеты с обязательными рулончиками бумаги, мылом и всем прочим, что необходимо для соблюдения гигиены. Достижения современной науки и техники пришли, естественно, и в животноводство Чехословакии, не только облегчая труд, делая его более производительным, но и помогая быть рачительными хозяевами. Если эту тему сузить до предмета нашего разговора — до кормов, то можно привести довольно любопытные примеры, когда внедрение новинок помогает экономить корма.

Как это делается, допустим, в хозяйстве того же Клосса?

Доильные агрегаты на фермах соединены с компьютером кооператива. Так что молоко от коровы идет в общий накопитель, а сведения о размере очередного удоя — на ее «личный счет» в банк информации ЭВМ. В нужный момент можно затребовать из электронной памяти данные о продуктивности любого животного в этом году, месяце, на этой неделе, сравнить их с аналогичными показателями прошлых лет, сделать на этом основании какие-то выводы.

Что это дает? Очень много. Для выработки молока корове необходимы энергия, корма. Больше молока — больше требуется энергии, больше кормов. Однако каждое животное имеет свой предел продуктивности. Так что лишние калории — это не всегда дополнительные литры. С другой стороны, недокорм прямо ведет к снижению удоев. С помощью каждодневного учета легко подсчитать, сколько энергии животным затрачено и сколько нужно корма для компенсации этих затрат. Химическая лаборатория кооператива «Староицко» каждую неделю проводит тщательный анализ всех разновидностей кормов, подаваемых на фермы, определяя их питательность, сбалансированность по различным компонентам, содержанию микроэлементов. Так что животноводам остается только рассчитать оптимальные индивидуальные рационы для каждой коровы. Тем, что в раздое,— побольше сочных кормов, тем, что перед отелом,— грубых. Короче, животные получают то, что нужно, не больше и не меньше. Им не грозит ни голод, ни обжорство.

Спрашиваю Йозефа Клосса:

— Может корова съесть сверх положенного?

И он прямо по известному нашему анекдоту отвечает:

— Съесть-то она съест, да кто ей даст?

Помощь компьютера не ограничивается простейшим видом учета. Занесенные в его память подробные «анкетные» данные каждого животного становятся как бы пожизненным его паспортом, где фиксируются не только его производственные показатели, но и, если можно так выразиться, биографические тонкости: возраст, порода, количество проведенных отелов, продолжительность последней лактации, количество уже прошедших отелов, время предстоящего. Зачем, спрашивается, вмешиваться в чужую интимную жизнь? Заставляет экономика.

Известно, например, что к старости удои коров снижаются. Выходит, и корма используются с меньшей эффективностью, растет себестоимость продукции. Это общее положение компьютер проиллюстрирует точными цифрами по каждой представительнице дойного стада. Те, чьи показатели не выдерживают проверку на рентабельность, будут отбракованы.

Банк компьютерных данных позволяет вести и направленную селекционную работу. Телочек, родившихся от самых удойных особей, можно, как говорится, отслеживать с ясельного возраста, готовить для ремонта молочного стада.

Компьютерное анкетирование позволяет бороться и с таким разорительным для любого хозяйства явлением, как яловость. Данные об искусственном осеменении животных вносятся в их личные карточки. Через месяц зоотехники по анализам определят результат. Если ответ отрицательный, проводится повторное осеменение. Если и на этот раз корова остается яловой, решается вопрос: лечить ее или отправлять на бойню. Неработающий да не ест! Что и говорить: круто! Но такова уж она, проклятая «се ля ви». У братьев наших меньших, разумеется.

НА ЧЕМ СПОТЫКАЕМСЯ

А теперь оторвемся немного от земли и воспарим над фермами с их каждодневными заботами, окинем молочную проблему и подходы к ее решению с более высокой точки, так сказать, в общегосударственном масштабе.

Мирослав Томан (ныне он работает

председателем Госплана и первым заместителем председателя Правительства Чешской Социалистической Республики, а во время нашей встречи был зампредом Правительства и министром торговли ЧССР) — один из тех людей, кто принимал непосредственное участие в работе планов обновления и интенсификации сельского хозяйства страны, методов решения продовольственной проблемы. Во время нашей довольно продолжительной беседы он рассказал, как анализировалось положение дел в агрокомплексе ЧССР, какие меры пришлось принимать для оздоровления ситуации, как эти меры проводились в жизнь, каков был получен результат. Свой рассказ товарищ Томан иллюстрировал цифрами, отчего общее положение как бы обретало конкретное содержание.

Приведу только незначительную часть нашей беседы, ту, что непосредственно касается животноводства.

— Мы и раньше знали, что наше сельскохозяйственное производство имеет большие неиспользованные резервы, однако их истинные масштабы были не совсем ясны даже специалистам. Проведенный нами тщательный анализ показал, что, где и сколько мы теряем. В наше время получение животноводческой продукции — это, по сути дела, решение математического уравнения. Хорошо известно, какое количество и каких концентрированных кормов, сбалансированных по белку и иным компонентам, необходимо для получения килограмма свинины, говядины, бройлерного куриного мяса, литра молока, десятка яиц и так далее. Если ты не укладываешься в норму, значит, ведешь свое хозяйство недостаточно грамотно, где-то допускаешь ошибки. Ищи их, исправляй, повышай эффективность.

Например, пять тысяч литров молока можно получить и от одной коровы и от двух. В обоих случаях на выработку непосредственно молока уйдет в принципе одно количество энергии, одно и то же количество кормов, но ведь корова ест не только для того, чтобы давать молоко, но и для того, чтобы просто жить, как, если можно так сказать, «биологическая единица». Ясно, что для поддержания жизни двух «биологических единиц» кормов потребуется вдвое больше, чем одной. Ясно, что этот дополнительный расход мы должны отнести на стоимость продукции.

Но и это не все. И удойной корове и захудалой нужно «личное» стойло. Значит, для получения одного и того же количества молока в первом случае нам хватит одной фермы, во втором — нужно две. Вдвое надо увеличивать штат доярок, скотников, затраты на воду, электроэнергию, на подвоз кормов, вывоз, извините, навоза. Как видите, молоко все дорожает, дорожает. Единственный выход — заменить в молочном стаде малопродуктивных коров высокоудойными.

За годы, когда мы прекратили импортировать зерно, нам удалось на семь процентов уменьшить поголовье скота, выбраковав малоэффективных животных, пополнив стадо меньшим количеством породистых. Тем не менее валовое производство молока за это время увеличилось.

Такова схема. На самом деле, не скрою, процесс этот сложный, долгий. Вообще для стабилизации дел в сельском хозяйстве нужно не менее десятка лет, а может быть, и больше.

Думаю, как раз время подкрепить слова Мирослава Томана цифрами, взятыми из справочной литературы.

На конец декабря 1970 года во всех категориях хозяйств Чехословакии имелась 1881 тысяча коров со средним удоем на голову 2565 килограммов в год. Через пять лет эти показатели изменились: 1927 тысяч голов и 2803 килограмма. В 1980-м: 1902 тысячи и 3089 килограммов. К исходу 1986 года дойное стадо ЧССР насчитывало 1 миллион 842 тысячи коров со среднегодовым удоем 3749 килограммов. Как видим, в течение шестнадцатилетнего периода поголовье коров в стране сначала постепенно росло, а потом стало снижаться и в конце оказалось даже меньше первоначального. Зато средние удои в то же время неуклонно росли, превысив в 1986 году показатель 1970-го на 1184 килограмма (46 процентов).

Для наглядности сравним эти данные с нашими. Начав в 1970 году с 39,8 миллиона коров (каждая дала тогда по 2110 килограммов молока), мы увеличили их поголовье к концу 1986 года до 42,4 миллиона, а средние удои — до 2421 килограмма. Путь интенсивного производства молока давался нам с трудом: за шестнадцать лет наши «кормилицы» прибавили к удоям всего по 311 килограммов (11,47 процента), то есть в среднем всего по 19,4 килограмма в год. На чехословацких фермах каждый годовой шажок вперед был почти вчетверо больше — 74 килограмма. Думаю, что именно поэтому мы не отвергали полностью привычный для нас, обкатанный десятилетиями экстенсивный метод: увеличивая помаленьку производство молока, мы понемногу, но все-таки наращивали и коровье стадо.

Он кажется тем более досадным, когда вспоминаешь, что, по мнению наших специалистов, генетический потенциал нашего крупного рогатого скота довольно высок: при благоприятных условиях в среднем каждая корова вполне может, например, давать по три с половиной тысячи литров молока в год.

Может быть, специалисты ваньку валяют насчет этого самого потенциала, шутки ради мистифицируют нас?

Как ни печально, специалисты говорят правду. Во всяком случае, официальная статистика подтверждает цифрами высказанное ими наблюдение: коровье поголовье в наших колхозах, совхозах и других производственных сельскохозяйственных предприятиях на 99,8 процента представлено породными особями, причем 44 процента из них чистопородны. Свидетельство, что и говорить, приятное во всех отношениях, но, оказывается, ни к чему этих рогатых королев не обязывающее. В Грузии, где соотношение породных и чистопородных единиц в обобществленном секторе доходит соответственно до 99,97 и 55 процентов, удои в 1986 году достигли ... 1795 килограммов на корову — самый низкий показатель в стране!

В чем же секрет наших «рекордисток», что же они так безответственно бросили тень на свое генеалогическое древо? Говорю уже не только о грузинских «кормилицах», а об общесоюзном молочном стаде вообще, которое ненамного ушло от них в своих среднестатистических показателях. Ответ прост, как голодное мычание: все дело в рационах. Привыкнув к перманентному дефициту кормов, мы уже многие десятилетия пытаемся выработать у наших животных неприхотливость и невосприимчивость к спартанским условиям бытия и, надо признать, достигли в этом немалого успеха. Наши милые буренки вполне адаптировались к лишениям и полуголодному существованию, стоически снося явную несправедливость, когда рацион, положенный двум, уверенно делится на трех. Беда только, что, кроме железной воли и долготерпения, мы требуем от них еще и молоко. А тут, оказывается, либо—либо. Либо кремневый характер натощак при надоях на уровне мировых козьих стандартов, либо молочные реки, но... на сытый желудок. Третьего не дано. Представляю, как им остобрыдли объявляемые нами каждое лето всякие там ударные недели и месячники по заготовке кормов. Представляю, с какой иронией выслушивают они наши очередные ежегодные обещания обеспечить сытую зимовку скота. Они заранее знают, что при всех великолепных победных реляциях о выполнении повышенных обязательств с едой на фермах опять будет сурово. Как и год назад, и два, и три...

Ситуация, для которой Госкомстат СССР находит полную литературного изящества и даже некоторой элегичности формулировку: «...К началу 1989 года на животноводческих фермах имелось в наличии кормов по 10,8 центнера кормовых единиц на одну условную голову крупного рогатого скота, что ниже потребности, предусмотренной зоотехническими нормами...»,— для самих обитателей этих ферм означает элементарную прозу жизни, начало очередного эксперимента на выживание с его бодреньким призывом: «Затяните потуже пояса, товарищи!»

Такие дела!..

ВЫНУЖДЕННЫЕ УТОЧНЕНИЯ К НЕКОТОРЫМ ИЛЛЮЗИЯМ

По своей природе мы — неисправимые оптимисты. Часто душой верим в то, что должны бы отвергнуть при элементарном здравом размышлении. Наверное, нам легче жить по принципу: «Не верь глазам своим». Иначе бы не предавались розовым иллюзиям там, где следует руководствоваться прагматическим расчетом, цифрами.

Сейчас мы предпринимаем радикальные меры для того, чтобы изменить плачевное положение в нашем агрокомплексе. Критическое состояние со снабжением продовольствием заставило нас искать новые подходы в производственных отношениях на селе. Мы уже согласны признать равноправными партнерами различные формы: от привычных колхозов и совхозов до самых неожиданных для нас видов аренды. Пытаемся по-новому строить отношения и с индивидуальным крестьянским подворьем, надеясь, что здесь скрываются большие потенциальные резервы для быстрого прироста животноводческой продукции, резервы, которые до недавнего времени загонялись в угол всякого рода запретами, ограничениями, подавлялись морально навешиванием идеологических ярлыков.

Наш молочный дефицит мы довольно часто связываем с именем Хрущева, при котором был взят курс на резкое сокращение скота в индивидуальном секторе и расширение производства продукции в обобществленном. Именно тогда мы решительно, всеми правдами и неправдами стали выживать коров с крестьянского двора, и, надо сказать, в этом деле преуспели. Правда, со второй частью этой двуединой задачи нам до конца справиться так и не удалось.

И все-таки, кляня то давнее поспешное решение Никиты Сергеевича, мы, как мне кажется, не во всем сообразуемся с фактами, цифрами, не всегда при своих оценках учитываем фактор времени.

Попробуем спокойно и трезво разобраться в сложившейся ситуации. При всей внешней простоте она таит в себе довольно сложные внутренние противоречия. Параллель с Чехословакией поможет нам бросить как бы взгляд со стороны на свои собственные дела.

Чехословакия тоже пережила свою «эпоху обескоровливания крестьян», которая пришлась примерно на конец 60-х — начало 70-х годов. Поэтому, сравнивая на параллелях некоторые свои и чехословацкие результаты, можно увидеть, как мы и они находили решение одной и той же проблемы, кто с достоинством прошел испытание на сообразительность, на звание рачительного хозяина, а кто... ограничился тем, что двадцать пятый год поминает недобрым словом лидера государства и партии, который в принципе не то чтобы очень грубо ошибся, а скорее — слишком поторопился, забежал вперед...

Итак...

С 1970 по 1986 год поголовье коров

Продолжение на стр. 26.



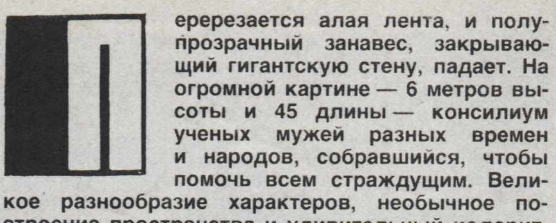
ПАЛИТРА

С. И. Щербинина. Род. 1930.
Л. Г. Полищук. Род. 1925.
Фото Юрия БУРКИНА.





ФРАГМЕНТ РОСПИСИ «КОНСИЛИУМ». 1981—1988.



Перерезается алая лента, и полупрозрачный занавес, закрывающий гигантскую стену, падает. На огромной картине — 6 метров высоты и 45 длины — консилиум ученых мужей разных времен и народов, собравшийся, чтобы помочь всем страждущим. Великое разнообразие характеров, необычное построение пространства и удивительный колорит.

В «Консилиуме» ясно прочитывалась «сверхидея» нашего времени: только объединив лучшие умы человечества, мы можем спасти мир, только сломав барьер ограниченности, взаимной отчужденности, можно влиться в общечеловеческую культуру.

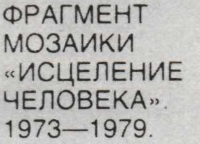
Час триумфа художников. Так проходило открытие последней работы художников Леонида Полищука и Светланы Щербининой во 2-м Московском медицинском институте имени Н. И. Пирогова.

— Это подвиг,— сказал, обращаясь к присутствующим действительный член Академии художеств, народный художник СССР Таир Салахов.

А они стояли, счастливые и измученные, не веря, что окончился их семилетний труд.

Произведение рождалось на глазах тысяч студентов — от первого прикосновения к холсту и до завершения. Они видели муки и сомнения художников и то неистовство, с которым рождалось ими новое полотно. А за их спиной через окно можно было видеть здание библиотеки института, украшенной гигантскими (недаром они попали в книгу рекордов Гиннесса) мозаиками этих же мастеров: еще 6 лет их жизни. «Рождение», «Исцеление», «Спасение», «Надежда» — страдание и сострадание, жестокая правда жизни и милосердие...

Не могу не вспомнить слова, сказанные доктором искусствоведческих наук, членом-корреспондентом Академии художеств СССР В. П. Толстым: «В наше время, когда в монументальной живописи господствует бездумный гедонизм и лишенное глубокого смысла украшательство, грандиозная роспись «Консилиум», проникнутая высоким



ФРАГМЕНТ МОЗАИКИ «ИСЦЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА». 1973—1979.



ФРАГМЕНТ МОЗАИКИ «ИСЦЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА». 1973—1979.

нравственным чувством, подобна глотку живой воды для всех, кто ждет от нашего советского искусства утоления жажды правды и высоких чувств нравственности и человечности».

Их путь был тяжел. Художникам пришлось преодолевать огромное сопротивление как при создании мозаик библиотеки, так и «Консилиума». Да и другие работы рождались не легче. Любая необычность, любое отклонение от общепринятых норм, канонов всегда встречает сопротивление. Они испытали все, что выпадает на долю незаурядных людей. Но не ожесточились. «Природа,— говорит Полищук,— дает единожды человеку сосуд с бесценной влагой — его талантом. И говорит — иди! И вот идет художник по дороге жизни, а за щиколотки его хватают злые псы. Он может отбиваться, но тогда он расплещет это драгоценное содержимое. Значит, он должен научиться терпеть!»

И вот работы Щербининой и Полищука живут и продолжают поражать зрителей в Москве и Ленинграде, Ташкенте и Уфе, Сургуте и Запорожье.

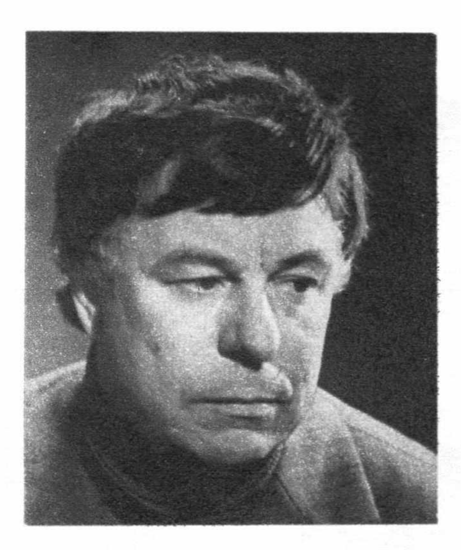
Они очень разные — взрывной Полищук и спокойная Щербинина. Оба рано начали самостоятельный путь. Она — потому что захотела учиться искусству, и платить за учебу приходилось и голодом, и мыканьем по чужим углам. Он — потому что в 17 лет был призван на фронт в десант и отпущен только в 1949 году...

Сегодня мы все более и более осознаем талант как ценность общенародную. Работы художников вошли в золотой фонд советского монументального искусства, они известны и в нашей стране, и в Европе, и в Америке. Как могло случиться, что у них даже званий никаких нет? Этот вопрос часто задают им и наши зрители, и иностранцы. В ответ можно лишь плечами пожать.

Я хочу обратиться к Союзу художников: чего мы ждем?

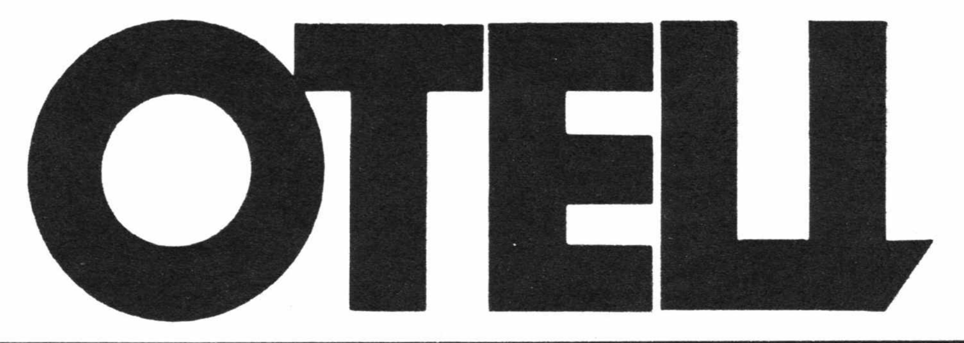
Дмитрий ПУТИНЦЕВ

ФРАГМЕНТ РОСПИСИ «КОНСИЛИУМ». 1981—1988.



Анатолий ПРИСТАВКИН

РАССКАЗ-БЫЛЬ



ОТЕЦ

Вся дорога, «Рязанка»,— это и его дорога, более даже, чем моя, потому что и началась она ранее, когда меня не было. Отец семнадцатилетним деревенским парнем прибывает сюда на работу.

Великой удачей своей молодости считает он случай, когда купил задешево на рынке штаны, и разыграл их в бригаде, и опять же они попались по жребию ему самому.

Итак, отцовская «Рязанка»: ее можно было бы начать в Москве. Тут он работал на военном заводе неподалеку от Красных ворот.

Вот привозят нас из пионерлагеря к стенам завода, и мы, выстроившись перед родителями, тут и мой отец в спецовке, орем изо всех сил песню: «Броня крепка, и танки наши быстры, и наши люди мужества полны, в строю стоят советские танкисты, своей любимой Родины сыны!»

Нам горячо аплодируют еще и потому, что на заводе делают как раз эти танки. А отец — мастер по их приемке.

Начиная от Москвы, тянется ниточкой отцовская «Рязанка».

В Сортировочной и на Новой, куда мы ездим иной раз с отцом в баню, всюду у него дружки и приятели. В Ухтомке он выбирает первый наш домик, личный, а не какой-то там съемный, как в Люберцах. Но и Люберцы не чужая сторона, отец здесь начинал свою сознательную жизнь и однажды на бирже получил направление на завод Ухтомского.

И далее Панки, где отец познакомился с моей мамой, и Томилино, последний его приют. По этой дороге отец провожал нас, по этой же уходил сам на фронт.

Если бы отец захотел написать свою «Рязанку», она получилась бы куда выразительнее того, что могу рассказать я.

Его дорога легла на самые тяжкие годы: первая мировая война, нэп, коллективизация, индустриализация, вторая война — Отечественная. Это была дорога мужика, рабочего, солдата. Вот работать отец умел, да как! Я его так и не видел никогда отдыхающим.

У меня сохранились странички, нечто наподобие дневника, записанные в годы те, после войны, когда отец привел в дом мачеху.

Мне не хочется их править, пусть будут такими, как я тогда написал по живой памяти.

«...все осталось по-прежнему. Никаких отношений с мачехой не возникло, мы остались равнодушными друг к другу. Отец прожил с ней несколько лет. Теперь он поднялся на ступень выше по той административной лестнице, которая, по всему моему убеждению, была противопоказана природному чувству достоинства, присущему нашей фамилии.

Раз шагнув на нее, эту лестницу, из-за жилья (не оттого ль мы быстро получили комнату с огородом?), отец не смог вернуться, а ведь он был рабочий человек, он умел работать, а не администрировать.

Теперь он получил власть, у него появились кабинет, печати, знакомства. Он и сам изменился, эти изменения оказались заметными у нас дома.

В то время было еще голодно, мы сажали в огороде лук для себя и на продажу. Потом в нем уже не было необходимости, но он заполнял половину огорода, потом три четверти, а потом... однажды утром отец убил малину, освобождая землю. Срыл могилку Джека.

Как-то очень легко, без сожаления он рубил малину, приговаривая, что она только занимает место. От лука хоть доход есть. Есть выгода, а малина что...

Я смотрел и думал, что отец изменил не малине, изменил себе, своему прошлому, Смоленщине. И хотя теперь он мог возиться на огороде, он был дальше от Смоленщины, чем когда-либо прежде. Он сам ходил торговать своим луком, он делал это так же умело, как все остальное. Он приговаривал: «Мичуринский лучок, специальный сорт!» И люди покупали у него. В ту пору слово «мичуринский» имело особый смысл и было у всех на слуху. Среди всех конъюнктурщиков, использовавших это словцо, отец был, возможно, самым незначительным. Но был.

Я зарабатывал сам на свою жизнь, с тех пор как пришел из детдома. Я не зависел от отцовского лука и мог бы сказать ему все, что думаю. Но не говорил, я еще был близок к нему.

Слушая разговоры между ним и дружками о всяческих подвохах, подсиживании, о блатах и устройствах, я ненавидел весь его мир работы, круг его знакомств, личных и деловых. Лица его сослуживцев казались мне подлыми и пропитыми, в кабинет отца я заходил, чувствуя брезгливое отвращение ко всем и ко всему, к столам, к чернильницам, к жирным мухам на стекле.

Мне казалось, что воздух там протух, и старался побыстрей выскочить на свежий воздух.

По ночам отец бредил конференциями, недостачей голосов, критикой в его сторону. Иногда вскрикивал: «Строгий выговор с предупреждением!..» И просыпался испуганный. Все катилось навстречу каким-то неприятностям, которые он, наверное, предвидел, но не мог предотвратить. Пил он теперь все время. Это было оглушительное, страшное пьянство, уводящее его в бессознание от его службы и от нас. Он исчезал в вине и, не осознавая того, говорил вдруг живые слова о нашей жизни.

Потом наступил крах. На работе и в личной его жизни.

У него проворовалась на работе бухгалтер, которую он мог и должен был контролировать.

Его сняли.

Мачеха неделей раньше или неделей позже, точно сейчас не помню, подала на развод. Отец оставил ей комнату с садом и снял в городе комнатку.

Два дня длилось заседание партгруппы, где обсуждалось его персональное дело. Припомнили ему все: и лук, и пристройку, и аморальность в семейной жизни. Все, что было и чего не было. Тут уже сводили счеты все, кому не терпелось.

Абсурдность многих обвинений выводила отца из себя, он спорил, он восставал, он обличал тех, кто прежде с ним выпивал, а теперь хотел утопить...

Его должны были исключить из партии, но он отделался строгим выговором. Он сбросил 30 килограммов (с 90 до 60), стал худым, как мальчишка, только совсем седой мальчишка. Жил он тогда на чужой квартире, искал работу. Звонил дружкам, знакомым, всем, на кого мог рассчитывать.

Ему никто не помог.

Не бросил отца только один человек, гораздо моложе его, двадцатипятилетний парень.

Я сохранил чувство благодарности к нему. Даже не за отца лично, а из-за чувства справедливости: благодаря ему я не разуверился тогда в настоящих человеческих ценностях. Этот парень помог устроиться отцу в газтресте слесарем. Потом отцу, зная его организаторские способности, поручили оборудовать газовый техкабинет, первый в Московской области. Я часто в те дни бывал у отца. И видел, какие чудеса творил он в очень просторном сыром подвале, создавая свой техкабинет. Творил на пустом месте, без чьей-либо помощи, все доставал и делал сам.

Он не стеснялся приходить к старым своим знакомым и клянчить какие-то материалы, всяческие отходы, битый кирпич. Он оштукатурил с подсобным рабочим подвал, настелил линолеум и поставил лампы дневного света. Оформил каждый стенд, повесил светящееся табло, подсоединил и заставил действовать газовые макеты и аппараты. Он создавал свой техкабинет, как некогда первое жилье, все своими руками, потому что он умел делать все. Мне казалось, что отец в ту пору много передумал о жизни, он хотел честно отработать свой выговор, восстановить для себя самого доброе свое имя.

Тех, кто его судил, он постарался забыть так же, как те забыли о нем.

Я вспоминаю отца этой поры. Я никогда не видел его таким великодушно-большим, худым и счастливым. Он ловил каких-то знакомых, приводил в свой подвал и показывал техкабинет, как показывают произведение, вставая у двери. У него было вдохновенное лицо созидателя, и мне было странно видеть в нем такие перемены. Теперь мне казалось, что отец будто бы помолодел, стал лучше понимать мои мысли, в нем появилось сочувствие. Я думал, что отец, такой отец, не порубил бы из-за лука малину. В нем ожило давнее чувство везучести.

Беда пришла неожиданно, я не уследил, когда это произошло.

Со слов отца, в благоустроенный техкабинет стало ходить теперь газтрестовское начальство с одной целью: выпить и погулять. В кабинете заорал магнитофон, мешками скапливались бутылки, появлялись и исчезали какие-то женщины.

Отец пробовал протестовать, его не слушали. Он написал о безобразиях в трест — его уволили.

Официально он еще не числился начальником техкабинета. Его уволили как слесаря, не справляющегося со своим делом. Я думаю, что в отце надолго воскресло то стихийное молодое чувство борьбы за правду, я думаю так потому, что отец стал бороться. Он писал письма в райком и обком партии, ходил на приемы, рассказывал, объяснял, горячился, доказывал...

Не доказал.

Последнее его письмо было в самую высшую инстанцию.

Вот это письмо, я воспроизвожу его по черновику, сохранившемуся у меня.

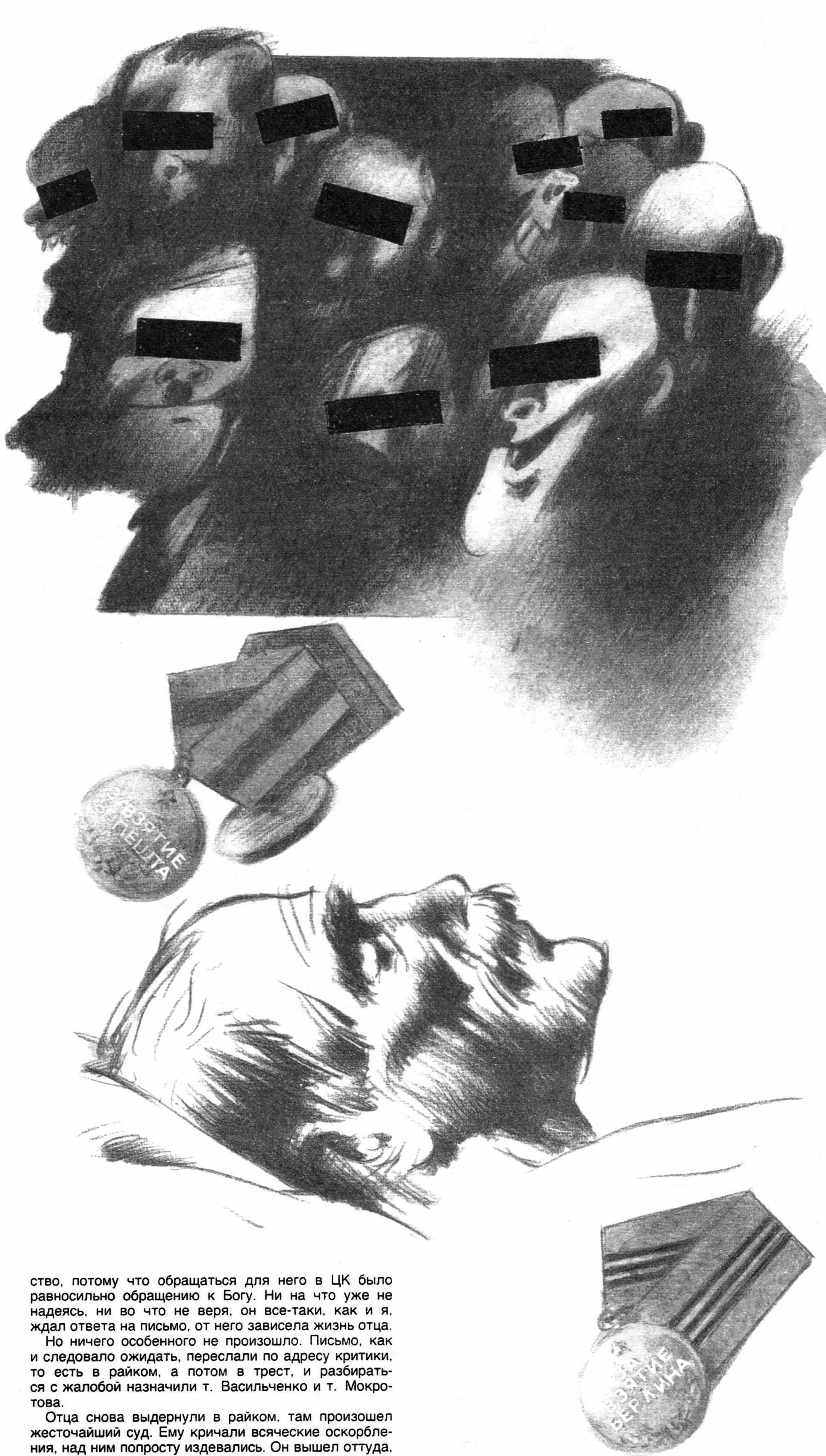
«В Центральный Комитет Коммунистической партии.

Большая несправедливость, точнее же, грубая расправа, допущенная по отношению ко мне от местных органов власти и некоторых руководящих лиц, вынуждают меня обратиться в высший орган моей партии и просить защиты и помощи.

В 1959 году, в августе месяце я поступил работать мастером в трест Люберцыгаз. Мне была поручена организация техкабинета, то есть оснащение его газовой аппаратурой и макетами для проведения семинаров Московской области. Техкабинет, несмотря на ряд трудностей, был оборудован в срок, а в приказе, который затем вышел, указывалась хорошая организация, а я назначался старшим мастером данного кабинета.

Но затем последовал ряд фактов, которые оказались несовместимыми с честной работой в техкабинете. Во второй половине 60-го года управляющий трестом Люберцыгаз товарищ Васильченко Виктор Яковлевич стал систематически в помещении техкабинета устраивать пьянки вместе с партийно-профсоюзным активом: бывшим секретарем партийной организации т. Мокротовым (сейчас уже выявлена его нечистоплотность), замсекретаря Сапрунком (нач. жидкого газа), главным инженером Митиным, предместкома Тихоновым (нач. техотдела) и рядом других лиц. Все это происходило в рабочее время. Мне

Рисунок
Левона
ХАЧАТРЯНА



пришлось говорить с т. Мокротовым, но он реагировал очень просто: «Вы здесь никто и лучше помалкивайте». И почти следом была организована крупнейшая пьянка в декабре 60 г., причем для развлечения были оставлены пять женщин, работников треста. Я пробовал протестовать, но управляющий трестом Васильченко в сильном опьянении начал поносить меня при всех разными словами и заявил, что такие работники ему не нужны. Я поехал к начальнику управления газового хозяйства Гордюхину А. И. и рассказал о безобразиях, творящихся в тресте. Как потом стало известно, к нему же обращались т. Коган и т. Попов с жалобой, что Васильченко вымогает у них деньги на водку и заставляет вместе выпивать, в результате чего Попов, например, живет без денег. По указанию управляющего было проведено закрытое партсобрание в нашем тресте (март 61 г.). Но вместо того, чтобы поднять вопрос о Васильченко и т. д., секретарь парткома Мокротов направил обсуждение по руслу, скрывающему эти недостатки. Фактически оказались под огнем т. Попов и я, так как мы, по словам Мокротова, «выносим сор из избы и разводим кляузы». Решение состояло из одного пункта: «усилить воспитательную работу среди коммунистов». То есть подразумевались опять же мы с Поповым.

Я обратился в Люберецкий горком партии с письмом. Тут же руководство треста издало приказ об освобождении меня от работы. В формулировке указывалось, что у меня нет специального образования и малый опыт работы. Фактически же это была расправа за критику. Никакого предупреждения или предложения другой работы не было сделано, даже не дали двухнедельного положенного мне пособия.

Но эта расправа не оказалась последней. В апреле 61 года состоялось распределение жилой площади в тресте. По решению месткома и администрации в списках числился и я. Но когда вопрос обсуждался на заседании исполкома, меня уже вычеркнули, зам. председателя т. Епифанов объяснил, что администрация треста отвела свое собственное предложение о предоставлении мне площади. Это было сделано даже без решения месткома.

Я попросил секретаря райкома партии т. Валуева разобраться в этом деле, как и в причине моего увольнения, но т. Валуев перепоручил это дело т. Архиповой — инструктору, а та, в свою очередь, зав. организационным отделом Алимову, который не нашел ничего лучшего, как выслушать мнение тех же товарищей Васильченко и Мокротова, а потом пересказать это все мне. Там опять были слова «о соре из избы», кляузах и т. д. Я вышел из кабинета райкома в страшном потрясении. Как же можно найти правду, если лица, которых я критиковал, все время оказываются судьями в моей борьбе с ними?!

После совета своих товарищей я решил написать обо всем в комиссию народного контроля при областном комитете партии. Хоть тут была надежда, что найдется человек, который захочет во всем этом объективно разобраться. Но результат таков: комиссия переправила мое заявление председателю Московского областного исполкома т. Артемьеву, и более никаких известий я о нем не имею.

Я оказался в очень тяжелом состоянии: без работы и без жилья, так как два года назад я развелся с женой и живу на чужой квартире. Но у меня была еще надежда на получение минимального жилья по десятипроцентной очереди, как участнику Отечественной войны. Существовало по поводу меня и решение от 58 года. Но Люберецкий исполком, который ранее занял позицию защиты руководства треста Люберцыгаз, пошел дальше и по рекомендации комиссии распределения площади снял меня с десятипроцентной очереди. Причина была ложная, мол, я якобы обманул исполком, дав неверные данные о своих условиях и т. д. Причем на одном и том же заседании приняли на мой счет сразу два решения: снять меня с очереди, так как я числюсь на площади бывшей жены, а второе — выписать меня с площади бывшей жены, так как я разведен и там фактически не живу.

Оба эти решения приведены в исполнение, и я остался без прописки и без надежды иметь крышу над своей головой.

Я обращаюсь к моему Центральному Комитету с просьбой о помощи, помогите же разоблачить тех, кто забыл, что он работает для людей; и единственным мерилом их деятельности стали администрирование и равнодушие».

Это была не просьба, не жалоба, это был крик утопающего.

Я помню, как перепечатывал это письмо и у меня болело сердце.

Я понимал, что отец пошел на последнее средство, потому что обращаться для него в ЦК было равносильно обращению к Богу. Ни на что уже не надеясь, ни во что не веря, он все-таки, как и я, ждал ответа на письмо, от него зависела жизнь отца.

Но ничего особенного не произошло. Письмо, как и следовало ожидать, переслали по адресу критики, то есть в райком, а потом в трест, и разбираться с жалобой назначили т. Васильченко и т. Мокротова.

Отца снова выдернули в райком, там произошел жесточайший суд. Ему кричали всяческие оскорбления, над ним попросту издевались. Он вышел оттуда, не чувствуя себя, слег и пролежал много месяцев. Вот откуда начинается его неизлечимая болезнь.

А я не знал, не умел ему помочь. Я только помню свое мстительное чувство по отношению к тем, чьи фамилии были в письме, к этим самым Васильченко, Мокротову (фамилия-то какова!), Супрунку, Митину,

Тихонову, Гордюхову, Епифанову, Валуевой, Архиповой, Алимову, Артемьеву...

Мне надо было запомнить их фамилии, чтобы после, когда я стану сильным, очень сильным, я смог бы прийти в их дом, разыскав их, пусть даже на пенсии, как приходил к своим врагам униженный герой Дюма, и спросить, глядя в бесцветные пуговицы глаз: «А вы не помните случайно, Виктор Яковлевич, некоего мастера Игната Петровича? Ну, того самого, которого вы лично убили... И вы, Мокротов, и другие?»

Я бы медленно, нарочито спокойно достал бы все солдатские награды отца, его медали, его благодарности от товарища Сталина на фронте за взятие Бухареста и Будапешта, потом я достал бы это письмо в ЦК и в конце концов свидетельство о смерти.

А этот благостный старичок все крутил-винтил бы беззубой челюстью, все врал бы и выкручивался, косясь на своих внуков, как бы они не слышали о такой грязноватой деятельности их честнейшего деда.

Они-то, если посудить, и были прототипы тех люберов, которые сегодня исповедуют право сильного. Да и у кого же им было учиться, если их папочки на их глазах (и на моих, и на их тоже) творили беззаконие и самосуд со всеми, кто не хотел быть в их шайке!

Теперь-то небось, высовываясь из своих нор на улицы, они кроют этих люберов последними словами. Они пишут в районную газету письма, жалуются: куда, мол, смотрит люберецкая милиция!

Вот когда жизнь им аукнулась. Изобразила им в зеркале собственный — только помолодевший — портрет.

А может, он спился, этот Васильченко В. Я., и сдох под забором, и его покарала сама жизнь?

Я не стану разыскивать этих людей, хотя это несложно было бы теперь сделать.

Они при всей их ничтожности лишь составные звенья общего механизма, его рядовые винтики, роботы, рабы, послушно исполнявшие свое низкое дело.

Я уверен, что не только отец, так было перемолото много честных людей, но так же потом перемололи и молотителей, такова логика работы этого механизма. Чудовище, которому они служили верой и правдой, конечно же, в итоге пожрало, не могло не пожрать, своих детей.

Но в ту пору отец еще верил в справедливость и в высший суд ЕГО партии, а вслед за отцом верил и я.

Как я хотел бы, чтобы они поняли, что, сломав отца, они и мне надломили тогда хребет.

Впрочем, надлом произошел еще раньше, в тот день или вечер, когда, нарушая партийную дисциплину, отец принес домой письмо Хрущева о культе личности. Он зачитывал это письмо на работе, но не положил в сейф, как положено, а захватил для меня на одну ночь. Но что это была за ночь! Я сидел над этим письмом и плакал, как маленький дурачок, читая о миллионах убитых и загубленных в лагерях. Эти, нынешние, сами убивали и сами теперь об этом рассказывали, спихивая свои преступления на товарища Сталина, родного и любимого! Он же был в крови у меня, как же так за одну ночь его изъять из себя, из своих клеток, составной частью которых он стал?! «Мгновенье, и радость прорвалась лавиной: объяты единым порывом души, единой любовью, желаньем единым, встают делегаты, и воздух дрожит, биенье сердец, находящихся в зале, слилось в один торжествующий ритм: слово имеет товарищ Сталин, Сталин с народом своим говорит! Сталина слово — бесценное слово, Сталин сказал, значит: сбыться тому! Вот почему беспредельно готовы верить ему, подчиняться ему...» и т. д. Это мои стихи о нем.

Я вышел утром с покрасневшими глазами, еще сам до конца не понимая, что я вышел другим человеком, и, отдавая отцу красненькую лощеную папочку, я спросил подавленно: «Пап, как же дальше?» Я еще не ведал, что это вовсе не вся правда, а лишь маленький ее краешек. И отец не смог ответить на мой судорожный, на мой отчаянный вопрос, он лишь торопливо положил в свой портфель папочку и на ходу, не глядя мне в глаза, произнес, я запомнил, что он не мог смотреть мне в глаза: «Не знаю... Я сам ничего не пойму... Мы ведь с его именем (он не назвал Сталина) шли на фронте в бой... Да мы же все делали вместе с ним...»

Хрущев обличал Сталина, но отца-то сломали при Хрущеве.

Отец купил себе на отшибе, рядом с грязной свалкой, сарайчик-развалюху, это произошло тут, между Панками и Томилином, и своими руками, набирая битый кирпич на свалке, сложил себе последний в жизни дом. А в доме повесил на стене старинные, не врущие часы. Часы показывали его время.

И погреб вырыл, крепкий, просторный, и газ сам провел, и скважину для воды сам пробурил, и асфальт на дорожки настелил, и забор поправил... И лук посадил, и сделал многое, многое другое. Работал он слесарем, истопником, дворником, сторожем.

Отец не хотел больше работать на НИХ, он работал лишь на себя.

Указывая на свой ухоженный с годами огород, на сад, он произнес однажды: «Я вот тут для себя строю свой коммунизм».

Он-то думал, что они оставят его в покое. Не тут-то было! И соседи, и милиция, и всяческие исполкомовские комиссии все время топтались у его дома, выясняя, какие у него доходы и почему он продает лук. На четырех отцовских сотках этого лука родилось во много раз больше, чем на близлежащем колхозном поле. И на огородах его соседей. И уже одно это было подозрительно.

Теперь отец умирал.

Он лежал в той больнице, в Панках, где умирала и моя мама. Я запомнил с детства окно на третьем этаже, куда меня приводили для свидания с ней, а она мне улыбалась и кидала конфеты, которые она сама есть не могла, и для перестраховки ошпаривала. Эти конфеты, как только мы отходили от окна, взрослые у меня забирали и уничтожали: туберкулез — болезнь заразная!

А потом отца отдали нам, и он лежал в доме у сестренки Люды, он еще не знал, что дни его сочтены. Однажды, это было, наверное, в начале мая, он попросил свезти его в свой дом. Сам попросил.

Вместо почты, где ему надо было получить пенсию, он сперва попросил довести его до пивного ларька.

Людин муж Павлик побежал, но вернулся огорченный: «Такая очередь!»

Отец нашел в себе силы, вылез, доковылял до ларька и вернулся благостный: выпил кружку пива!

Дома его не узнала собака, облаяла, и он огорчился. Мы вынесли ему табурет, и он сел, опираясь на палку, прямо посреди огорода, оглядывая свои посадки, на лук смотрел, на цветы, на деревья... Вдруг произнес: «В субботу поеду продавать». А Людин муж Павлик только хмыкнул про себя, качнув головой: «Вот порода! Одной ногой там, а ему надо лук продавать!»

Минут пять он так сидел и попросил: «Хочу спать».

Прилег в своем доме, немного поспал, проснулся и опять вышел посмотреть на свой огород.

Люде он сказал: «Не забудь полить лук». А Люда на нервах вся, ответила: «Пап, да польем! Не беспокойтесь вы!» И тогда он тихо попросился: «Домой хочу». Называя домом уже не этот, родной свой дом, а тот, где лежал у Люды. И пока Люда с Павликом хлопотали по поводу отъезда да собаки, которой надо оставить варева, он снова пристально разглядывал свой огород. Странно поворачивая голову, будто заново его видел.

А я подошел, заглянул в лицо и вдруг тут, при солнечном свете, увидел его глаза! Они были затравленные, не земные. Ушедшие куда-то в глубь себя, в свою боль.

Мне показалось, что они будто бы побелели, выцвели, две роковые льдинки. Да нет, не льдинки, а пропасти, покрытые белесым туманом, и дна не видно. Белые бездонные провалы, а в них боль и тоска.

Я сказал «затравленные», но, может быть, безысходные, вот какие. Я вдруг вспомнил, как отец рассказал про товарищей на фронте: в роте сразу догадывались, кто погибнет! У них за несколько дней до гибели глаза, выражение глаз менялось, и кругом говорили: «Этот готов».

Я в эти дни уезжал. Когда стал прощаться, отец махнул рукой: «Иди!»

Я вспомнил, как он в деревне, у себя на родине, хозяйствовал на чужой, как он называл, усадьбе. Стол на дворе построил и баньку начал строить, и косить ходил, а там, где были травы какого-то Лизочкина, он все мял, все нюхал траву и удивлялся, почему же при Лизочкине росла трава, а теперь, когда она колхозная, не растет.

А если ехали мы по мостку, сложенному из каких-то случайных бревен, то выходил и сам этот мостик поправлял. И опять удивлялся, отчего же всем наплевать на мостик-то, ведь ездят же, можно ж для себя-то сделать.

Он был хозяин, может, как мне казалось, последний хозяин на российской земле...

Той ночью мне приснился старый вол, который почему-то вез в упряжке автомобиль. Лаковый, черный, похожий на довоенный «зисок». На повороте автомобиль занесло, и он застрял на обочине. А вол повалился рядом. Я подошел к его трупу, стал трогать его облезлую шкуру, а он вдруг зашевелился и стал подниматься. Я обрадовался, жив ведь, стал гладить по шее, его морду, вот ведь животина, вот уж вечная, неизносимая, так подумалось, и вдруг почувствовал, что он своим копытом тоже гладит меня. Я так поразился, что проснулся и долго лежал, ощущая это прикосновение: вол меня погладил копытом.

Я вспомнил сон, но это никакой не символ, еще бы не хватало видеть какие-то символические сны! Рассказал лишь потому, что увидел это после встречи с отцом. А потом на юге в доме отдыха получил телеграмму, чтобы немедля выезжал, что все плохо, и, едва достав билет (для этого надо было перепрыгнуть через себя!), я прилетел в Людин дом. Там уже была вызванная телеграммой тетка Аня. Мне рассказали, что ночью отец, пытаясь встать, упал и сильно расшибся, не ел он уже дней десять.

Мы сидели в соседней с ним комнате и тихо разговаривали. Это уже были разговоры о его похоронах. О том, что же надо подготовить из одежды. Люда достала белой материи, тюль, тапочки купила. Это не Москва, тут сразу не закажешь. А вот костюм ему был великоват (теперь великоват, раньше был нормальный) да и ношеный. У него все вещи-то разокрали. Что ни подарим, придут выпивохи, он с ними напьется и спит, а они берут что можно. И с бельем, и с тарелками так. Что ни принесешь, пропадает. А костюм-то ему надо бы другой, хотя некоторые так делают: распарывают спину, ее-то все равно не видно, важно, чтобы на груди было как положено.

А тетя Аня сказала: «Костюм должен быть новый, даже арестантам умершим новое выдают».

А я вспомнил, как у одного знакомого редактора, хоронившего родителя, подсчеты на столе увидел: гроб — 90 р., тумба — 5 р., обмывка — 10 р., венок — 15 р., рытье могилы...

Ужасно. И еще ужасней, что мы это при живом человеке планируем, вслух, а он тут же, в соседней комнате, он еще все понимает! Он живет и вовсе не хочет умирать.

Когда я вошел к нему, я увидел, что глаза его еще больше ввалились и еще сильней побелели. Руки усохли, стали как детские, и ноги усохли.

Под копчик резиновый надувной круг подложен, так больно было ему лежать.

Сейчас он был похож на смертельно раненное животное, с трудом нас узнает. Но увидел тетку Аню и понял все. И тут же замахал испуганно рукой: «Рано! Рано приехала!»

А потом, когда Люда помогла ему повернуться, он прошептал: «Я доживу до клубники».

Мы уж обыскались, чтобы достать на рынке этой клубники, а с юга я не догадался захватить, да и не до нее было.

Так мы сидели, разговаривали, а Люда еще сказала: «Он Павлику вдруг сказал: «Я тебе, Павлик, пятьсот веников в наследство оставлю». А у него, и правда, весь чердак забит, он их по рублю у бани продавал. Один раз у него по пьянке кто-то захотел вырвать, а он не отдал, и его избили... Господи, сколько же раз его били...»

На другой день тетка Аня по телефону сообщила, что пошла горлом кровь, значит, теперь скоро. Люда просила сидеть и ждать. Вызвала «Скорую», они приехали, сделали укол и украли две ампулы наркотиков.

Кто-то предложил привести начинающего экстрасенса, он обещал убрать боль. Я приехал, увидел — шарлатан. Он упражнялся на моем умирающем отце, потом потребовал, чтобы его отвезли на машине в Пушкино. Я отвез его туда. Выходя, он, двадцатилетний лохматый хлыщ с наглыми глазами, спросил невинно: не могу ли я завтра в двенадцать дня снова приехать за ним? Я послал его... Я закричал так, что, думаю, он испугался. Во всяком случае, он точно решил, что я сумасшедший, а я еще долго из окна идущей машины что-то кричал.

Потом я искал отцу костюм. Обошел весь центр и на улице Горького купил болгарский, в полосочку, он и мне понравился, такой был костюм. Подумалось: ему бы живому такой костюм подарить! Кассирша, веснушчатая мордашка, когда я выбивал сумму, предложила: лотерейный билетик не хотите на счастье? Я помотал головой: уж какое счастье — костюм для умирающего.

Потом я ходил по городу с этим свертком, и несколько раз мне попались знакомые, и каждый почему-то, глядя на сверток, спрашивал: «Обарахляешься?» Я отвечал: «Да». Не мог же я всем говорить, что несу костюм, купленный для покойника, который еще и не покойник, а мой живой отец.

Вечером, когда я приехал к Люде, она сказала, что несколько раз в бреду он кричал слово «увольте».

— Увольте? — спросил я.

— Ну да, кричал: «Увольте!» Наверное, просил отпустить его.

Просил отпустить. Будто с работы просил отпустить! Господи! Неужели же и сейчас еще

он числился в работниках у этого государства?!

Когда я к нему зашел, он вдруг впервые меня узнал. Не поворачивая головы, он почувствовал меня и назвал по имени. Я приблизился. Он протянул руки и потрогал меня, а я, наклонясь, взял его за плечи. «Он с тобой прощается»,— тихо произнесла Люда. Я тоже с ним прощался. Я подержал руку у него на груди, слыша отчетливо, как трепыхается, как неровно стучит, словно просится наружу, его сердце в высокой, теперь уже очень высокой из-за опавшего живота груди.

А он сразу устал, отпустил меня и уснул.

Люда вышла, а я еще стоял над ним, рассматривая его лицо. Он стал на кого-то похож, но я никак не мог понять, на кого же, пока не понял: на мужика, виденного мной однажды в смоленской деревне, на завалинке.

И особенно похож оттого, что он сильно зарос белой щетиной.

Так вдруг я и подумал: мужик умирает.

Родился в деревне, хоть большую часть жизни прожил в городе, вот ведь вернулся на круги своя.

Я еще в деревне во время поездки отмечал, что у него и говор свой, смоленский, к старости стал появляться, и видом он обратился к своему началу.

Был у отца дед, а мой прадед Василий, на Крымской войне медаль получил: уложил в рукопашном бою несколько врагов. Но вернулся в деревню, к земле, и умер в девяносто лет. Потомство от корня прадеда Василия пошло немалое, а у земли-то никого не осталось.

И теперь старался я охватить, запомнить отца в его последних, я знал, днях. А охватывать-то уже было и нечего. Одна боль и ничего, кроме боли. И уж сквозь эту боль брезжит что-то, какая-то дальняя мысль, которую он и сам, и мы уловить уже не можем.

И так понятны, так объяснимы привычные слова: устал от боли.

От страдания. От ожидания, когда же оно кончится.

— Увольте! — просит.— Увольте!

В ночь на 21 июня я лег поздно и спал нервно, просыпался, а под утро, не знаю, сколько было времени, подскочил от нахлынувшего страха. А днем пришла телеграмма из дома: «Отец ушел». Так написали, ибо в наших телеграммах, не заверенных врачом, нельзя писать о смерти. Но в этом знаке «ушел» был какой-то особенный, глубинный смысл.

Во время поминок Люда сказала: «А знаешь, как он обычно питался? Консервы какие-то рыбные ковырнет и так оставит... Он ведь очень одинок был...»

Она сказала и посмотрела на меня, наверное, мы одновременно вспомнили тот случай, когда отец перепутал дни и решил, что мы не приехали к нему на день рождения — второго января. Он тогда сидел у окна и пил. Он выпил две или три бутылки, а мы, пройдя через калитку, все удивлялись: белый снег без следов! А он увидел нас, но уже не мог встать. Он заплакал, стал уверять, что уже третий день мы не едем, и он решил сжечь себя водкой... Так, плачущего, и усадили его за стол, закуску и шампанское мы всегда привозили с собой.

Люда показала мне его записную книжку. Там было заполнено всего три странички: дочь и адрес, потом — сын и адрес. Потом — приятель Иван Иванович Ильичев, мы его не знали. И тетка Аня с сыном. Вот и весь круг отца. А еще в записной книжке вложена была бумажка с молитвой, старая такая, потертая бумажка, кажется, он ее еще с фронта хранил.

Я спросил Люду:

— Значит, он верил?

— Нет, он не был верующим,— сказала она. Потом добавила: — Но молитву хранил.

Была у отца когда-то навязчивая мечта — найти клад. Теперь такой же мыслью обуян Павлик. Ходит по отцовскому дому, а сам нет-нет и постукивает по стенке, по подоконнику, даже во сне к отцу обращался, выспрашивал: не осталось ли что-нибудь, дед? Павлик моего отца дедом называл. А отец будто бы ответил: «Со мной». Что бы это значило? — спросил Павлик меня.

А Люда сказала:

— Да отвяжись ты со своим кладом! Я каждую ночь молила его присниться, чтобы спросить, как ему там. И он вдруг приснился. Идет по улице в коричневом полушубке, молодой, красивый, веселый, а в руках, хоть и зима, у него красные помидоры.

Я сказал, что у отца до войны был лохматый коричневый полушубок. Да вряд ли Люда могла его помнить, ей тогда было лет пять.

А Павлик опять о своем: мол, что же это означает, что он так сказал — «Со мной»? Может, он хотел сказать: «Надо мной» или «Подо мной»? Ну то есть там, где он спал? Ведь не могло же от него совсем ничего не остаться, кроме веников?

■

САПОГИ ИЗ ША...

Мемуаристы интимного склада вспоминают, что Александр III, имевший, как и большинство русских деспотов, пристрастие к сапогам, заказывая себе обувку у придворного сапожника, обыкновенно просил, чтобы голенища были несколько просторней, чем того требовала нога. Не потому, что император имел тайное пристрастие к свободе, хотя бы даже и для собственной ноги. Боже упаси: в российских анналах Александр III прославился как один из самых грубых и тупых деспотов. По словам генерала П. А. Черевина, начальника личной охраны царя, сапоги заказывались с таким расчетом, чтобы в них входила плоская фляжка коньяку. Таким образом царь, побаивавшийся своей норовистой супруги, пытался обмануть ее бдительность. «...Царица подле нас, мы сидим смирненько, играем как паиньки,— вспоминал генерал-собутыльник.— Отошла она подальше — мы переглянемся — раз, два, три! — вытащим фляжки, пососем и опять как ни в чем не бывало... И называлось это у нас «голь на выдумки хитра». Таковы были «невинные» забавы русского двора...

Вячеслав **КОСТИКОВ**



Мы, впрочем, привели этот эпизодец вовсе не для того, чтобы позабавить читателей. За мелкой деталью, за нюансом истории нередко стоит куда более глубинный смысл, чем может показаться при беглом взгляде. Дело, разумеется, не в ширине голенищ, а в том, что любовь российских самодержцев к сапогам отражала определенный психологический уклад не только властелинов, но и самой власти. Склонность таких свирепых российских монархов, как Павел, Николай I, Александр III, к фрунту, плац-параду, шпицрутенам была лишь внешним отражением той пруссаческой цивилизации, «цивилизации сапог», которую они олицетворяли. За склонностью Александра III к голенищам проглядывала политическая реакция с ее непременными атрибутами — порками, застенками, казнями.

Пристрастие Сталина, Троцкого и их ближайшего окружения к сапогам тоже не случайно — оно выявляло тягу к определенному идеалу общественного устройства — не к гражданскому обществу, к которому мы теперь стремимся, а к обществу, построенному по военному регламенту. За сталинскими сапогами, за сапожником Кагановичем, за «шаркающей кавалерийской походкой» приближенных военачальников вставали траншеи и рвы, в которые сваливали оказавшихся непригодными к цивилизации «военного коммунизма» гражданских лиц, людей в штиблетах, в лаптях, в ботинках — тех, для кого профессией был свободный труд, а не казарма.

У меня вызывает глубокое уважение, что в период, когда вся страна жила в угаре военных приказов и «трудовых армий», когда кожаная куртка чекиста и дробь расстрелов в Варсонофьевском переулке стали чуть ли не символами новой цивилизации, В. И. Ленин упорно продолжал носить стоптанные цивильные ботинки и потешную кепчонку — словно бы упорно, вопреки всему, демонстрируя веру в примат закона над беззаконием, гражданского мира — над гражданской войной. Мне нравится, что в Музее основателя Советского государства за стеклянной витриной висит не френч военного образца, а потертый пиджачишко со следами от пули Каплан. В этих маленьких музейных экспонатах вижу истинные символы Советской власти, долгие годы пребывавшие в тени маршальских звезд покойного Генсека.

Не будем тревожить зловещих теней. Пробуждающаяся ото сна русская гражданская правда найдет и уже находит для творцов «военного коммунизма» положенное им место в нише русского исторического колумбария. Вдумчивый читатель, конечно же, уже смекнул, что наскучившая ему публицистическая «Сталиниана» была вынужденной, но необходимой мерой исторической ассенизации. Теперь, когда демистификация Сталина стала свершившимся фактом, можно признать, что в журнальной антисталинской гонке были и крутые виражи, и превышение скорости, и потеря равновесия. Но все эти неизбежные в полемике передержки имели свои причины и свои стартовые данные: иные — от переполнявшего душу гнева и боли, иные — от долго сдерживаемых обид и оскорблений, третьи — от недостатка знаний, от искривленности нашего исторического зеркала. Часть «ошибок» была, в сущности, навязана публицистике недостатком гласности, цензурными ограничениями: уже позволено было критиковать Сталина и его окружение, но по-прежнему ставилось «вето» на попытки углубленного, причинного анализа. Критика Сталина на определенном этапе вызревания гласности была своего рода «эвфемизмом» более серьезной, концептуальной критики. Хотелось бы, чтобы вынужденный этот маневр был понят теми из наших читателей, которые гневались на нас и слали сердитые письма. Умный читатель! Вспомним же вместе с Горацием:

«Надо сегодня сказать лишь то,
что уместно сегодня.
Прочее все отложить
и сказать в подходящее время».

Библейские мудрецы предупреждали, что «будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням». Время социальных мифов и утопий длилось почти семьдесят лет. Мифологическое время и сознание еще не изжиты. Съезд народных депутатов сделал первые шаги в сторону реального времени. Он войдет в «писание» как съезд демистификации, позволивший



примерить «венец правды». Воистину приблизилось время, когда рядом с заслуженным трудом Н. Куна «Легенды и мифы Древней Греции» на книжную полку можно будет поставить мифы «Краткого курса» и пуститься в увлекательную «одиссею» исторической правды. Попробуем же прикоснуться к первым ее страницам.

ЕЩЕ РАЗ О «НЕПОРОЧНОМ ЗАЧАТИИ».

У Н. А. Бердяева в «Философии неравенства» есть странная, беспокоящая мысль. Он говорит о том, что «все революции кончались реакциями. Это неотвратимо,— пишет он.— И чем неистовей и яростней бывали революции, тем сильнее бывали реакции». Многие годы спустя, основываясь на собственном опыте и опыте советской истории, А. Солженицын дополнит: революция была не продолжением, а смертельным изломом хребта, который едва не кончился полной национальной гибелью.

В чем же причина трагического разрыва между светлым ожиданием революции и теми поистине горькими плодами, которые она принесла народу? Причина, на наш взгляд, в «первородном грехе» революции: в том, что свободу и демократию она добывает отрицанием свободы и демократии. Для своего успеха революция требует «непорочного зачатия». Наша же революция, вышедшая из войны, зачиналась в крови и насилии. В этом ее трагедия. Вот почему сейчас, на пороге XXI века, России в сфере демократии приходится начинать сначала. Вот почему нам нужно усвоить урок «октябрьского зачатия», неудавшуюся попытку соединения революции и демократии.

Учредительное собрание 1918 года у нас так долго было принято шельмовать, что само это словосочетание в восприятии людей превратилось в нечто бранное, почти нецензурное.

А между тем не номенклатурные тихомировы, а кадровые русские рабочие той поры имели вполне одобрительный взгляд на Учредительное собрание. И об этом полезно напомнить.

Выборы в Учредительное собрание были первыми свободными парламентскими выборами в России. Идею Учредительного собрания горячо поддерживали до революции все демократические силы, в том числе и большевики, В. И. Ленин.

Максим Горький писал: «Лучшие люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания — политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность свободно излить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян».

Большевики, исходя из своей политической платформы, разработанной Лениным, принимали участие в выборах в Учредительное собрание. Избирательная кампания показала реальную расстановку политических сил в России. Меньшевики потерпели крах, собрав всего 2,3 процента голосов. Не получили поддержки и кадеты (4,7 процента мест). Большевики уверенно собрали 24 процента и продемонстрировали, что они являются одной из ведущих политических сил. «Одной из», однако не единственной. Крестьянский характер тогдашней России, ее социальная стратификация со всей очевидностью проявились в результатах выборов. Представители «крестьянской партии» — социалисты-революционеры (эсеры) собрали 40 процентов. Таким образом, левые партии получили решающее большинство голосов революционной России. Возникла возможность сформирования левого демократического правительства, которое отражало бы реальные демократические устремления трудящихся.

Идея Учредительного собрания была дорога не только интеллигенции, но и рабочим. Не тем хрестоматийным пролетариям, которых нам демонстрировали фильмы «Ленин в Октябре» или «Выборгская сторона», а настоящим рабочим Путиловского, Обуховского заводов, которые были опорной базой революции в пролетарской среде.

5 января 1918 года в Петрограде состоялась мирная демонстрация в поддержку собравшегося в Таврическом дворце Учредительного собрания. Рабочие, студенты, левая интеллигенция шли под знаменами Российской социал-демократической рабочей партии. В колоннах демонстрантов были рабочие Обуховского и Патронного заводов, с Выборгской стороны, с Васильевского острова... Выступление петроградских рабочих было продиктовано стремлением сохранить единство левых сил. Сознательные рабочие России понимали всю пагубность размежевания демократии, политического сектантства. Это трезвое и глубоко патриотическое понимание рабочими общности интересов демократической России отчетливо проявилось и ранее — в октябре 1917 года, сразу же после Октябрьского переворота. Тогда Всероссийский исполком профсоюза железнодорожников «Викжель» настаивал на создании «однородного социалистического правительства». Такой же точки зрения придерживалась и делегация питерских рабочих, прибывших на созванное «Викжелем» совещание. Рабочие уже тогда хотели избежать кровопролития между революционными партиями, боялись гражданской войны. Характерно, что против коалиции левых партий резко выступил Троцкий, человек в сапогах и военной фуражке. За сотрудничество в рамках русской социал-демократии высказались люди гражданского склада — Каменев, Рыков, Зиновьев. Они считали, что жесткая линия Троцкого приведет к ослаблению политической базы демократии. Пять ближайших соратников Ленина — Каменев, Рыков, Зиновьев, Милютин, Ногин — подали в знак протеста в отставку. А между тем в предложении Каменева, Рыкова, Зиновьева не было никакой «ереси». Более того, идея сотрудничества партий в рамках рабочего движения зиждилась на марксистской классике. Маркс никогда не претендовал на монопольное право коммунистов на истину и на власть и даже на руководство пролетариатом. «Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям. У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом»,— писал он в «Манифесте Коммунистической партии». История западноевропейского пролетариата со всей очевидностью подтвердила, что трудящиеся могут достигать высоких завоеваний «реального социализма» и в рамках социал-демократии, и даже при классических буржуазных коалициях при условии существования сильных рабочих партий и профсоюзов. Об этом «парадоксе» социальной истории на Съезде народных депутатов весьма красочно упомянул Чингиз Айтматов.

Тогда, в октябре 1917 года, возник первый в советской истории правительственный кризис. В своем заявлении вышедшие в отставку предупреждали, что сохранение однопартийного правительства в стране, где большинство еще не прониклось большевистской идеологией, возможно лишь средствами политического террора.

Дальнейшие события, к сожалению, подтвердили опасения старых большевиков.

Отказ от создания коалиционного правительства в октябре 1917 года был первым, еще бескровным актом сужения демократии. Впервые голос людей в сапогах оказался сильнее гражданского голоса. Неограниченная власть уже начинала дурманить голову. Когда 5 января 1918 года при повторной попытке вернуть революцию в русло демократии петроградские рабочие вышли на демонстрацию в защиту Учредительного собрания, против них были посланы войска. Учредительное собрание было объявлено «контрреволюционным» и разогнано, демонстрация рабочих расстреляна. Была упущена историческая возможность сотрудничества левых сил России в рамках демократически избранного парламента. Гражданский мир был отвергнут, ворота в трагедию гражданской войны открыты. Для поддержания власти теперь требовались не политики, а люди в сапогах — все в большем и в большем количестве. Героем времени становился Троцкий. «Россия, кровью умытая» являет миру новую, незнакомую прежде цивилизацию — цивилизацию сапог и кожаных тужурок.

БЕЗДНА

У Н. В. Гоголя есть очень верное нравственное рассуждение, которое вместе с тем применимо и к политике: «Человека нельзя ограничить другим человеком, на следующий год окажется, что надо ограничить и того, который приставлен для ограничения, и тогда ограничениям не будет конца...»

Ограничение демократии и свобод в первые же дни революции (как, например, запрещение буржуазных партий и закрытие оппозиционных газет на второй день Советской власти) было опасно не только тем, что сосредоточивало в руках одной группы людей бесконтрольную власть, но и тем, что закрывало дорогу к легальному изъявлению несогласия. Насилие над демократией порождало сопротивление, сопротивление вызывало террор. Одна бездна призывала другую. И в этих безднах гибли не только миллионы безвинных, моральной пагубе было подвержено несравнимо большее число людей. На смену отвергнутых революцией привычных добродетелей и нравственных начал пришел унифицированный критерий добра и зла — классовое сознание и порожденная им классовая ненависть. Направленные в первые месяцы революции исключительно против тех, в ком видели эксплуататоров,— против «помещиков и капиталистов», они вскоре разлили свой яд и на другие классы и группы людей и в конечном счете обернулись против рабочих и крестьян. «Классовый антагонизм и классовая борьба отравили души людей страшными ядами — завистью, ненавистью, злобой. Отравлены и гибнут и души пролетариев и души буржуазии».— писал Н. А. Бердяев в книге «Христианство и классовая борьба».

Революция, лишенная защитных иммунитетов демократии, оказалась повернутой против самое себя. В ней обнаружилось то лицо, которого никто не предполагал.

В условиях насилия демократия утратила едва ли не главное из своих свойств — корректировать самое себя, выправлять ошибки, извлекать опыт из неверных шагов. А между тем об этих свойствах демократии были прекрасно осведомлены большевики. Один из примеров тому, как демократия корректирует ошибки и зло обращает в добро, является так называемое «дело Малиновского».

Р. В. Малиновский, рабочий, любимец Ленина, являлся лидером большевистской фракции в Думе. Историк большевизма и революции Борис Суварин пишет в монографии «Сталин. Исторический обзор большевизма», что Малиновский пользовался неограниченным доверием Ленина. Когда возникли подозрения, что он является агентом царской охранки, Ленин с негодованием отверг предостережение и даже пригрозил Мартову привлечь его за ложное обвинение к «суду чести». Малиновский, «отмытый» от всех подозрений, назначается заместителем Ленина в Бюро Социалистического интернационала. В сущности (интересные свидетельства на этот счет содержатся в воспоминаниях генерала Р. Заварзина, шефа охранки), благодаря Малиновскому царское правительство было в курсе всех дел и замыслов большевиков вплоть до узких совещаний ЦК. Посредством своих агентов, внедренных в РСДРП, охранка, в частности, старалась не допустить объединения большевиков и меньшевиков, усматривая в этом опасность для царского режима. Начальникам розыскных учреждений и их секретным агентам предписывалось, чтобы они, «участвуя в разного рода партийных совещаниях, неуклонно и настойчиво проводили и убедительно отстаивали идею полной невозможности какого бы то ни было органического слияния этих течений и в особенности объединения большевиков с меньшевиками».

То, что Малиновский с 1910 года являлся одним из виднейших агентов охранки, стало известно лишь после Февральской революции, когда в руки Временного правительства попали документы Охранного отделения. Ленину пришлось давать показания по «делу Малиновского» в Чрезвычайной комиссии, созданной Временным правительством 26 мая 1917 года. Интересно вот что: отвечая на вопросы следователя, В. И. Ленин отмечал, что польза, принесенная провокатором, перевешивает вред. Эту же мысль подтверждает и жандармский генерал А. Спиридович, говоривший, что работа секретных агентов нередко шла на пользу партии и во вред правительству. При всей кажущейся парадоксальности этих суждений они тем не менее верны. Ведь провокатор Малиновский произносил в Государственной думе от имени большевистской фракции речи, написанные или отредактированные В. И. Лениным, и тем самым содействовал пропаганде идей большевиков. Политический «на-

ГРЕНЕВОЙ КОЖИ

вар» был значительно ценнее частного ущерба, нанесенного теми агентурными данными, которые Малиновский передавал в Департамент полиции. Даже зачаточная парламентская демократия России уже обладала свойством перемалывать зло секретной полиции в порох революционных идей.

МЕЧТА СЕМИНАРИСТА

Экономические результаты экономического насилия — «экспроприации экспроприаторов» (вариант этого лозунга — «грабь награбленное» — получил, пожалуй, даже большее распространение) не замедлили сказаться. Уже в мае 1918 года председатель Московского совета профсоюзов М. Томский сетует: «Падение производительности труда в настоящий момент дошло до той роковой черты, за которой грозит полнейшее разложение и крах».

Кризис проявлялся и в досадных мелочах: исчез керосин, спички, начались перебои с хлебом. Разочарование было не только в снабжении, но и в политике. Рабочий контроль, в котором идеалисты революции видели панацею от всех бед, оборачивался фикцией. Да и сами комиссары воспринимали контроль упрощенно, прежде всего с точки зрения уравнительно-делительного подхода. Горьковская газета «Новая жизнь» помещает письмо коммуниста, открывшего для себя неожиданную сторону контроля: «Я явился на завод и начал осуществлять контроль. Я вскрыл несгораемый шкаф, чтобы взять на учет деньги. Но денег там не было...»

Орган профсоюзов «Вестник труда», сетуя по поводу упрощенного понимания контроля, пишет, что большевики рассматривают переданную им промышленность как «неосушимое море, из которого можно без ущерба выкачивать бесчисленное количество благ».

Развал хозяйственных устоев несет в себе что-то апокалипсическое. Разрушительный лозунг «до основанья, а затем...» проводится в жизнь с кошмарной последовательностью. Ломается даже то, что не представляет никакой опасности для новой власти. В мае 1918 года в Москве арестовывается И. Д. Сытин, недавно отметивший 50-летний юбилей своей книгоиздательской деятельности. До революции его любовно именовали «министром народного просвещения» — так много он сделал для народного образования. Сытина ценили Л. Толстой, А. Чехов, В. Короленко, М. Горький. Но людям в сапогах повсюду мерещатся заговоры, контрреволюция. По облыжному подозрению люди в кожаных тужурках волокут старика в ЧК. Потребовалось вмешательство М. Горького и В. И. Ленина, чтобы известного всей России человека оставили в покое. Однако его огромное, превосходно налаженное дело было разрушено, а сам Сытин разорен и вскоре умер. А ведь книжки Сытина были самым популярным чтением в семьях рабочих и крестьян, на них росли и воспитывались дети народа. Неудивительно, что ликвидация неграмотности в Советской России шла с таким трудом и носила самый примитивный характер: не хватало букварей, учебников, самых простых книг.

Рабочие все активнее выражают недовольство развалом жизни. В марте 1918 года в Петрограде созывается Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов. Представители крупнейших заводов — Путиловского, Обуховского, Балтийского, Семянниковского и др., посланцы железнодорожных мастерских, электростанций, типографий, обращаясь к Всероссийскому съезду Советов, писали в принятой Декларации: «...Рабочие оказали поддержку новой власти, объявившей себя правительством рабочих и крестьян, обещавшей творить нашу волю и блюсти наши интересы. На службу ей стали все наши организации, за нее пролита была кровь наших сыновей и братьев, мы терпеливо переносили нужду и голод; нашим именем сурово расправлялись со всеми, на кого новая власть указывала, как на своих врагов; и мы мирились с урезыванием нашей свободы и наших прав, во имя надежды на данные ею обещания. Но прошло уже четыре месяца, и мы видим нашу веру жестоко посрамленной, наши надежды грубо растоптанными».

«Урезывание свободы», несмотря на протесты, продолжалось. Когда вслед за Петроградом и в Москве возник организационный комитет по созыву Всероссийской конференции уполномоченных от фабрик и заводов, это движение уже по опробованному ритуалу было объявлено контрреволюционным. Народ оказался в стане «врагов народа». Выступая на первом съезде совнархозов, Алексей Гастев попытался сказать правду об отношении рабочих к новой власти: «По существу, мы сейчас имеем дело с громадным миллионным саботажем. Мне смешно, когда говорят о буржуазном саботаже, когда на испуганного буржуя указывают как на саботажника. Мы имеем саботаж национальный, народный, пролетарский». Однако, затянутый с головы до ног в кожу, «военный коммунизм» был уже глух к голосу масс. Рабочие были вынуждены прибегнуть к еще не забытому в те годы средству защиты своих интересов — к стачкам. Волна забастовок прокатилась по фабрикам Москвы, Петрограда, Тулы, Брянска...

10 марта 1919 года рабочие астраханских заводов «Вулкан», «Этна», «Кавказ и Меркурий», заручившись нейтралитетом матросов Волжского флота, по гудку прекратили работать. Начался митинг. Рабочие высказывали накопившееся недовольство. Металлические заводы Астрахани с началом «военного коммунизма» были объявлены на военном положении. Труд был милитаризирован, рабочие поставлены на воинский учет. «Социализация» рыбных промыслов привела к тому, что город, прежде изобиловавший рыбой, не имел в продаже даже сельдей. Начался голод. Усталые, озлобленные, стоя после смены у пекарен за осьмушкой хлеба, рабочие искали выхода из тупика. Положение усугубилось тем, что ратовавший за право свободной закупки продовольствия рабочими А. Шляпников «за мягкую политику» был отозван в центр, и на его место прибыл один из непримиримых — К. Мехотин. Посыпались новые стеснения и угрозы. Взрыв и последовавшая за ним трагедия стали неминуемыми.

Десятитысячный митинг рабочих Астрахани был оцеплен войсками. После отказа разойтись был дан предупредительный залп из винтовок. Потом затрещали пулеметы...

По свидетельству очевидцев, из рабочих рядов было выбито не менее двух тысяч жертв. Тысячи рабочих были «взяты в плен». Однако человеку в сапогах — Л. Троцкому это показалось недостаточным. Из центра в Астрахань летит подписанная им телеграмма: расправиться беспощадно. Кровавое безумие царило на суше и на воде. Бежавших из города в степь рабочих настигала конница.

«14 марта,— пишет очевидец астраханской трагедии П. Силин,— было расклеено по заборам объявление о явке рабочих на заводы под угрозой отобрания хлебных карточек и ареста. Но на заводы явились лишь комиссары. Лишение карточек никого не пугало — по ним давно уже ничего не выдавалось, а ареста все равно нельзя было избежать. Да и рабочих в Астрахани осталось немного...»

Натянув сапоги диктатуры, сделав насилие главным инструментом политики, власть уже не могла, да и боялась повернуть назад, к гражданскому обществу. При дилемме разделить власть с другими демократическими партиями или продолжать диктатуру средствами насилия власть избрала второе. Предпочтение было отдано формуле семинариста из «Бесов» Ф. М. Достоевского:

— Народ не захочет...

Семинарист: — Устранить народ.

Начав с малой крови — с убийства депутатов Учредительного собрания кадетов А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина в городской петроградской больнице, со «скромного» расстрела демонстрации в поддержку Учредительного собрания, люди в сапогах оказались по голенища в крови. Верховный семинарист Иосиф Сталин, облачившись в военный китель, повел уже открытую войну против собственного народа.

ЭСТЕТИКА САПОГА

Россия, одна из родин гуманистических идеалов, давшая миру Толстого, Достоевского, Чехова, блестящую плеяду русских философов, в том числе Владимира Соловьева с его «Оправданием добра», эта Россия была растоптана. Философия нравственности была отвергнута, ее творцы и последователи изгнаны за границу. На огромных пространствах России утверждался «Устав о неуклонном сечении», приводимый в исполнение идейными восприемниками Угрюм-Бурчеева, переименовавшего, как известно, город Глупов в Непреклонск. Идеалом школы «фанатичных нивеляторов» было «втиснуть в прямую линию весь видимый и невидимый мир, и притом с таким непременным расчетом, чтобы нельзя было повернуть ни взад, ни вперед, ни вправо, ни влево».

— Что же это, однако, за даль, в которую уводила эта линия? — спрашивает сатирик.

— Ка-за-р-рмы! — совершенно определенно подсказывало возбужденное до героизма воображение.

Поразительно то, с какой точностью Салтыков-Щедрин определяет идейно-психологический тип людей из породы казарменных нивеляторов: «Каждый эскадронный командир, не называя себя коммунистом, вменял себе, однако ж, за честь и обязанность быть оным от верхнего конца до нижнего».

Удивительно, с какой последовательностью наши теоретики, даже лучшие из них, проводили в жизнь эти угрюм-бурчеевские идеалы. Даже Н. Бухарин, которого мы, в воздаянье за мученическую смерть, пытаемся причислить теперь к лику святых, прошел через увлечение казармой. В своих популярных в то время трудах он пытается распространить идеи казарм даже на семью, даже на ребенка. «Ребенок принадлежит обществу, в котором он родился, а не своим родителям»,— писал он в «Азбуке коммунизма». Один из его последователей, известный в то время юрист А. Гойхберг, принимавший участие в разработке Закона о браке, шел еще дальше, предлагая «заменить семью коммунистической партией».

Создаваемая в русле такой идеологии новая советская школа ставила цель не воспитания гражданина отечества, а солдата всемирной революции. В «Педагогике переходного периода», вышедшей в Москве в 1927 году, известный в то время педагог-марксист В. Н. Шульгин писал: «Мы не призваны воспитывать русского ребенка, ребенка русского государства, а гражданина мира, интернационалиста, ребенка, который полностью понимает интересы рабочего класса и способен драться за мировую революцию... Мы воспитываем нашего ребенка не для защиты родины, а для всемирных идеалов».

Под гром трубы и топот сапог из нашей жизни постепенно вытеснялось интеллигентное, гражданское, естественное, доброе. Происходила милитаризация не только экономики, но и общественной жизни, даже тех ее хрупких ответвлений, где сапог, окрик, казалось бы, совсем уж неуместны. Одно за другим ликвидируются гражданские учреждения, носившие благотворительный характер. Из добровольных общественных организаций последовательно вытесняются некоммунисты. В самом начале 20-х годов ликвидируется Лига спасения детей, куда входили беспартийные гражданские лица, в том числе ряд бывших деятелей запрещенных партий — эсеров, меньшевиков, кадетов, желавших сотрудничать с Советской властью на благотворительном поприще. Функции Лиги (в стране в 1922 году, по официальным данным, насчитывалось 7 миллионов беспризорных детей) были переданы ВЧК. Этот факт можно было бы счесть за случайность, если бы позднее в «заботе о детках» не выявилась определенная логика и многие детские дома и колонии стали передавать в ведение ГПУ.

В 1922 году ликвидируется «Помгол», Комитет помощи голодающим, почетным председателем которого являлся В. Короленко. Видные деятели «Помгола», известные еще до революции своей широкой гражданской деятельностью, арестовываются. Некоторые из них без суда и следствия, административным решением ОГПУ высылаются за границу.

Мне бы не хотелось, чтобы у читателя создалось превратное впечатление о том, что за всеми этими противозаконными действиями стояла злая воля ЧК и лично Ф. Э. Дзержинского. Оговорюсь сразу — образ Дзержинского, мечтавшего в молодости стать ксендзом и волею судеб вместо сутаны облачившегося в солдатскую шинель, вызывает немало симпатий. Работавшие с ним люди, в том числе и в ВСНХ, свидетельствуют о том, что это был чуткий и скорее гражданского, нежели военного склада человек. То, что из него сотворили «железного Феликса»,— своего рода символ «человека с ружьем»,— такая же его личная трагедия, как и трагедия всей гражданской России.

Винить во всех наших бедах и жертвах ВЧК — ОГПУ—КГБ — это все равно что свалить всю вину за злодеяния Ивана Грозного на Малюту Скуратова.

За действиями «органов» всегда изначально стояла политическая воля, определенная идеология. Когда руками ВЧК разгоняли Комитет помощи голодающим, закрывали Академию духовной культуры, Лигу спасения детей, изгоняли из страны философов, писателей, поэтов, ВЧК была лишь исполнительным органом для той политической воли, которая несколькими годами ранее разгоняла Учредительное собрание. Суть всех этих следовавших один за другим «разгонов» состояла в упорном стремлении подавить в обществе любую независимую, гражданскую «истину», которая несла бы в своем генетическом коде идею плюрализма.

ДОЖДАЛИСЬ!

Один из героев популярного довоенного фильма «Александр Невский», умирая на поле брани от смертельной раны, горько вздыхает — «мала, дескать, кольчужка». Простенький этот, рассчитанный на массовый вкус эпизодец, тем не менее таит в себе почти притчевый подтекст. Любая кольчужка, латы, броня, «щит и меч», а в более поздние времена «ядерные щиты» становятся убийственными для их носителей. Ни в какие времена сапог не гарантировал людей от несчастий и погибели. Все военные, тиранические или классовые диктатуры, все пиночетовские и полпотовские «демократии» в конце концов бесславно гибнут и разлагаются. Опыт Европы свидетельствует о том, что только гражданское, плюралистическое общество, основанное на общественном консенсусе, способно дать гражданам мир, покой и процветание.

И, напротив, опыт советской истории свидетельствует о том, что сапог, пошитый из шагреневой кожи демократии, рано или поздно становится тесным для ноги и в конечном счете убивает и сапожника, и заказчика сапог. Все, что унифицировано, слеплено по единой мерке, генетически, политически и философски упрощено, в конечном счете гибнет, уступая место богатству и разнообразию форм. Это рассуждение равно применимо и к природным, и к политическим формам жизни. Гибнет земля, и гибнут люди, позволившие

обречь себя на монокультуру (вспомним пример Ферганской долины, из оазиса превратившейся в хлопковую пустыню), вспомним, к чему приводит «моно-культура мнений» в партии.

Когда в мае 1924 года, через несколько месяцев после смерти Ленина, Троцкий произносит свои ставшие хрестоматийными слова: «Партия в последнем счете всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату»,— он не только извращает «Манифест Коммунистической партии», но, в сущности, подписывает себе смертный приговор. Обреченный на изгнание, убитый агентом Сталина в далеком изгнании, Троцкий пожинал трагические плоды «нивелирования» демократии, в котором принимал самое активное участие. В пьесе югославского режиссера Душана Макавеева об убийстве Троцкого бывший главвоенмор умирает с ледорубом в голове и со словами: «Партия в последнем счете всегда права». Вероятно, в истории есть какой-то рок возмездия в отношении людей, пытавшихся разговаривать с народом с помощью сапога. Кончина Троцкого теперь общеизвестна. Настигла пуля матроса Анатолия Железнякова, полагавшего, что для благополучия русского народа можно убить и миллион людей. Известно, как завершилась жизнь М. Тухачевского, жестоко подавившего крестьянское восстание на Тамбовщине летом 1921 года, и главкома С. Каменева, руководившего операциями по подавлению восстания матросов в Кронштадте.

Кронштадтское восстание, одним из лозунгов которого было «Вся власть Советам, а не партиям», стало последним в цепи трагических событий 1917—1921 годов, убедивших власть, что военным строем в коммунизм не войдешь. Характерно, что первым эту истину осознал человек в штатском — В. И. Ленин. Нэп был признанием исторической непродуктивности казарменного труда в экономике и «военного коммунизма» в политике. Впервые за четыре года страна вздохнула свободней и сытней. Политика гражданского мира не замедлила принести плоды.

Герой романа Андрея Платонова «Чевенгур», возвратившись в родной город, обнаруживает признаки гражданского мира в самых обыденных проявлениях.

«Сначала он подумал, что в городе белые. На вокзале был буфет, в котором без очереди и без карточек продавали серые булки... На вывеске было кратко и кустарно написано: «Продажа всего всем гражданам. Довоенный хлеб, довоенная рыба, свежее мясо, собственные соления»... Разговорчивый и непривычно любезный приказчик в лавке объяснил совершенно в духе народного мифологического сознания смысл перемен: «Дождались: Ленин взял, Ленин и дал».

Историки спорят о том, был ли ленинский реверс в нэпе логически осознанным или вынужденным. Цитируются ленинские слова: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм».

Думаю, что в большой политике не следует упрощать процесс принятия решений и отделять факторы логические от эмпирических. Трагическая «эмпирика» первых лет Советской власти, безусловно, стимулировала переоценку ценностей, однако Ленин никогда не становился пленником обстоятельств. К лету 1921 года, то есть к началу нэпа, все обстоятельства, принуждавшие к отступлению, были подавлены. Страна была во власти большевиков. Дальнейшее сопротивление было немыслимо. Выбор Ленина был выбором логическим, вытекающим из осмысления всей гаммы факторов. Люди гражданского мира Ленин и Бухарин осознают то, что партия в ходе жестокой борьбы за власть оказалась в изоляции, что большевики правят, как меньшинство, опирающееся на вооруженную силу, что они не имеют даже полной поддержки класса, за представителей которого они себя выдают.

Стимулируя в экономике свободную торговлю, кооперацию, концессии, крестьянское фермерство, нэп в сфере общественных отношений возвращал страну к плюрализму мнений, реализовывающемуся через сотни и тысячи малых и больших добровольных объединений, что, по мысли Н. Бухарина, привело бы в конечном счете к восстановлению разорванных революцией «общественных тканей».

Возрождение гражданского общества во время нэпа стимулируется и решительным сокращением числа сапог в государстве. Несмотря на ожесточенное сопротивление Троцкого и военных, обретших в условиях «военного коммунизма» непомерную власть и аппетиты, Ленин настаивает не на символическом, а на десятикратном сокращении армии (с 5,5 миллиона до 562 тысяч). В период нэпа армия, по существу, становится профессиональной. В ней был оставлен лишь командирский корпус. Проведенная в 1924—1925 годах под руководством М. В. Фрунзе военная реформа ставила целью «дать республике сильную, крепкую и в то же время дешевую армию». Уставшая от диктатуры сапога страна решительно переодевалась в гражданские одежды.

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

СУП ИЗ САПОГА

Во втором варианте конституции, написанном в конце 1824 года, декабрист Никита Муравьев начертал слова, которые вполне могли бы украсить и новую Советскую Конституцию: «Раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным». До сих пор мы, к сожалению, имели противоположный вариант. Все малые и большие беды, которые обрушивались на нашу страну, есть результат рабского труда и рабской психологии. И вот на 72-м году Советской власти мы только открываем для себя мысль Некрасова — «горек хлеб, возделанный рабами».

Размышляя о путях преодоления психологии рабства после отмены крепостного права в России, П. Кропоткин говорил о том, что нанести удар самому корню зла может лишь сильное общественное движение. В России, добавляет он, это движение приняло форму борьбы за индивидуальность.

Мужество Андрея Дмитриевича Сахарова, подвижническое служение русской культуре Дмитрия Сергеевича Лихачева, ожесточенное сопротивление неправде Александра Солженицына, титаническая борьба умирающего Ленина за демократический реверс партии и, наконец, рождение на бездушных камнях брежневской пустыни Михаила Горбачева... При всей различности и даже несовместимости этих людей в них есть нечто общее. Все они — яркие индивидуальности, все они — люди гражданского склада.

В течение многих десятилетий на Мавзолей, где покоится тело «гражданина Ленина», сгибаясь под тяжестью орденов, медалей и звезд, взбирались правители новой России. Даже когда они надевали для камуфляжа широкополую шляпу и очки, как Лаврентий Берия или позднее Н. Булганин, все они, или по крайней мере большинство, вышли из шинели. Не из гоголевской, к сожалению, не из гражданской, а из николаевской. Даже народный балагур Никита Хрущев, любивший расшитые «апаши», был генералом. Не в силах преодолеть тяги к униформе, Л. И. Брежнев уже к концу жизни натягивает на себя маршальский мышиный мундир. Сапоги были в политике, экономике, идеологии, культуре...

Грохот сапог временами был слышен даже на Съезде народных депутатов.

А между тем случайности здесь никакой нет: Съезд — довольно точный слепок нашего общества, в котором униформа и сапоги занимают весьма нарочитое место. Мы как-то все привыкли к тому, как много на улицах наших горо-

дов людей в военной форме. На это постоянно, кстати, обращают удивленное внимание приезжающие к нам иностранцы. А ведь мы вот уже скоро полвека живем в условиях мира. Недавно, выйдя в лес в самом ближайшем Подмосковье, в известной дачной местности, я с удивлением обнаружил, что и лес, и опушка леса изрыты окопами, точно бы к нашей столице вновь подступила война. Не в меньшей степени меня удивляет и обилие на улицах Москвы, на станциях и в вестибюлях метро, на вокзалах военных патрулей из полковников и майоров. Налицо явное перепроизводство в России высших чинов.

В сказке Салтыкова-Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» есть восхитительный эпизод. Попавшие на необитаемый остров генералы настолько оголодали, что один из них откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Другой же стал предаваться гастрономическим мечтаниям:

— Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог съел!

За семьдесят лет мы, кажется, действительно ухитрились съесть все, кроме собственных сапог, да и на те в последние годы стали поглядывать с пристрастием: не пришлось бы варить суп из сапога.

Опыт советской истории уже научил нас: когда демократию шьют по сапожной колодке, она рано или поздно усыхает, и все общество начинает хромать. История в облике перестройки дает нам реальный шанс одеть советское общество в новые гражданские одежды. Съезд народных депутатов значителен не только тем, что он приоткрыл нам дверь в гражданское общество. Пораженные размахом критики, уровнем гласности, снявшей с наших уст последние печати, мы, может быть, даже еще и не успели разглядеть более важного, философского смысла Съезда. Съезд зафиксировал начало перехода СССР из мифотворческого периода истории в период истории реальной. Через несколько месяцев, когда окончательно осядет пыль парламентских баталий, померкнут разящие остроты и обличения, в памяти останется главное, что произошло на Съезде,— рождение нового советского общества. Это новое общество будет расти не на «догматах веры», вынуждавших нас есть сказочный суп из топора, а на том единственно надежном строительном материале истории, на котором построено на земле все, представляющее хоть какую-нибудь ценность,— на свободном труде свободных людей.

Вернув народу права на аренду земли и средств производства, легализировав кооперацию, рынок, концессии, уравняв в правах различные виды собственности, Съезд заложил экономические основы и гарантии для развития свободного труда. Заявив о том, что высшая власть в стране принадлежит Советам, Съезд создал политические предпосылки для перехода реальной власти и в центре, и на местах к выборным гражданским органам.

Не следует предаваться иллюзиям и полагать, что у нас в один день воцарилась демократия. Довольно утопий! Возраст зрелой демократии исчисляется сотнями лет. Гласность, свобода слова, парламентаризм — лишь атрибуты и инструменты демократии. И те, кто ждал от первого Съезда народных депутатов чуда — немедленного введения посредством «декрета» демократии от западных границ до побережья Тихого океана,— будут, вероятно, разочарованы.

Но нарождающемуся гражданскому обществу Съезд дал то, без чего не может развиваться никакая демократия,— вкус свободы. Вкусив от этого вчера еще «запретного плода», советские люди, подобно библейским Адаму и Еве, вероятнее всего, уже не смогут и не захотят жить в стерильном мифическом раю, а отдадут предпочтение «греховному миру» демократии.





Кому за сорок?

Фото Геннадия МАСЛОВА

* * *

Плясала баба — за сорок лет —
За эти самые за сорок лет,
За то, что муж — что есть, что нет,
И за помаду — бордовый цвет.

За то, что платье мало слегка:
Не из «Березки» — из сундука, —
Да вот надела — и на дела,
Не зря цветастое берегла...

А ноги помнят, как им плясать,
И раз-два-три, и — благодать!
Хотя, конечно, уже не те,
С ума сводившие в темноте...

Но все же могут — шажок, притоп! —
И все, что будет, забылось чтоб!
И чтобы снова играл фокстрот,
И рядом с нею — запретный Тот...

А Этот даже не смотрит,
но —
Пришел, а мог бы хлестать вино
(И все обидней — весь век одной),
Хоть незавидный, да ведь родной...

О. Х.









СИНДРОМ

Фото Александра КУЗНЕЦОВА и Сергея КИСЕЛЕВА

ПРОШУ СЛОВА!

Александр ГАЛАГАН, кандидат исторических наук

Глубоко убежден: унитарный принцип организационного построения ВЛКСМ, то есть принцип единого в масштабе страны Коммунистического союза молодежи, исторически изжил себя. Причем очень давно, много десятилетий назад; по моим расчетам, где-то на рубеже 20—30-х годов.

Любая унитарность — родная сестра диктатуры, и в любом случае это чрезвычайная мера, обусловленная конкретными историческими обстоятельствами. Мы же «чрезвычайку» — эту любезную для всех диктатур форму социального бытия — протащили в 80-е годы, и сейчас, на пороге XXI века, упорно продолжаем освящать ее как высшую целесообразность, дарованную нам диалектикой общественного развития.

Десятилетиями историко-комсомольская наука трубила о том, что идея единого в масштабе страны молодежного союза — сплошное благо. И что эта идея якобы осенила большевистскую партию задолго до Октября и последовательно закреплялась и реализовывалась — сначала в решениях VI съезда РСДРП(б) (июль — август 1917 г.), а затем в ходе подготовки к I съезду РКСМ и т. д. Но так ли это?

VI съезд РСДРП(б). Нигде — ни в резолюции «О союзах молодежи», ни в речах 14 делегатов, выступивших по этому вопросу, нет и намека на необходимость единого союза молодежи. Наоборот, везде речь шла об организациях и союзах молодежи. Не доказательство ли это того, что партия большевиков в те годы мыслила развитие юношеского революционного движения не иначе, как на плюралистической основе?

Не было речи о едином молодежном союзе и после Октября. Во многих городах создавались, действовали, прекращали свое существование, вновь возрождались сотни юношеских объединений и союзов социалистической направленности, и их разноликость никому не казалась ущербной.

Более того, идея единого, централизованного союза молодежи не ставилась как задача и накануне I съезда РКСМ (октябрь — ноябрь 1918 г.).

Вчитаемся в стенографический отчет о I съезде РКСМ, в «Воззвание», с которым Оргбюро по созыву съезда обратилось к молодежным союзам. В историко-комсомольской литературе «Воззвание» безапелляционно трактуется как конкретная заявка на создание единого союза молодежи. Но это — очевидная натяжка! Ибо там речь идет о соединении усилий «в общей солидарности», координации действий во всероссийском масштабе и т. д. То есть не о слияниях на съезде различных организаций в один союз, а о совместной, целенаправленной работе различных союзов молодежи. Не случайно ведь съезд заявлялся, открывался и вошел в историю как Первый съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи.

Делегации некоторых союзов, прежде всего Петроградского и Московского, прибыли на I съезд с твердым намерением объединить все молодежные организации в один союз. Но лишь на второй день съезда лидер петроградцев Оскар Рывкин предложил «создать единый могучий Коммунистический союз молодежи».

Идея централизованного союза не встретила возражений (судя по стенограмме съезда), и это вполне объяснимо. С лета 1918 года политическая система диктатуры пролетариата развивалась на однопартийной основе; разразившаяся гражданская война, как и любая война, вызвала необходимость централизованного построения всех структур. И, закрывая съезд, Лазарь Шацкин (один из основателей комсомола, его историк и теоретик) под бурные аплодисменты делегатов провозгласил его I съездом единого Российского коммунистического союза молодежи.

Аргументом в пользу довода о том, что идея единого в стране молодежного коммунистического союза оформилась не до, а во время I съезда РКСМ, может служить тот факт, что Оргбюро по созыву съезда не занималось выработкой таких основополагающих документов, как Программа и Устав союза. В ходе съезда были составлены и приняты лишь основные тезисы этих документов, а сами документы разрабатывались уже после съезда.

Я глубоко убежден: создание РКСМ как единого союза — это скорее плод стихийного революционного творчества, нежели запланированный результат. Кстати, именно в таком ключе и описывало создание комсомола в изданиях первой половины 20-х годов. Это уже потом, с конца 20-х, в период закрепления сталинской диктатуры, послышались первые аллилуйи централизованным структурам. Дальше — больше. Комсомол, разумеется, не остался в стороне от этого процесса.

Исторические мифы или историческая ложь рождаются, как правило, директивно, по «социальному заказу» правящих режимов. Вколоченная в сознание миллионов ложь, в полном соответствии с Марксом, становится материальной силой и уже выступает в функции правды. Исторические мифы легко создаются и очень трудно опровергаются, потому что они подтверждаются пропагандистскими средствами, а должны низвергаться научными — с массой выверенных фактов и обоснованных аргументов. Но вот проблема: где их взять, эти аргументы и факты, если архивы по-прежнему за семью печатями?

Однако и по имеющимся документальным крохам очевидно следующее: комсомол с первых дней своей жизнедеятельности и до середины 30-х годов не был единственной молодежной организацией в СССР. Буквально в последние годы стало известно благодаря повести Анатолия Жигулина «Черные камни», публикациям в «Комсомольской правде» и других изданиях, что он не был единственным и в 40—50-е годы. Я имею в виду прежде всего героическую организацию «Коммунистическая партия молодежи» (КПМ) в Воронеже.

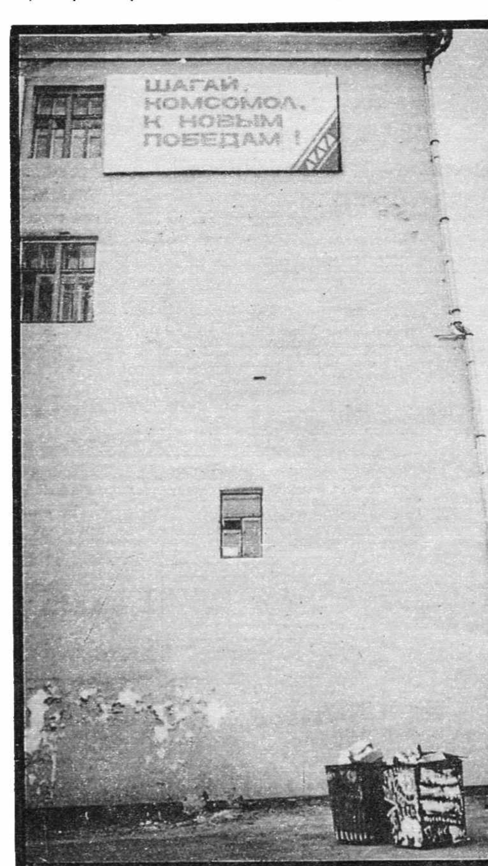
Но вернемся в 20-е годы. По данным исследователей, тогда действовало свыше тридцати молодежных объединений и союзов самого различного толка. Это и меньшевистский союз молодежи РСДРП (1920—1923 гг.), союз «Молодые марксисты» в Грузии, «Союз молодых троцкистов» в Армении, «Молодые троцкисты» в Свердловске. Действовало несколько десятков молодежных объединений националистического свойства, вроде «Югенд-Поалей-Циона», «Шоммеров», «Маккаби», религиозные союзы молодежи, культурно-просветительные, отклоняющегося поведения: союз девушек «Долой невинность», юношей «Союз любителей острых напитков» — СЛОН и другие. Известно о существовании в 1926 году в Москве молодежного союза ярко выраженной шовинистической направленности типа «Памяти», который носил название РКСМ (просьба не путать с комсомолом, который в это время уже носил название ВЛКСМ) — Русский коммунистический союз молодежи.

Все эти объединения в комсомольских реляциях проходили под рубрикой «некоммунистические союзы», а затем — «антисоветские».

Известно также; что уже в 20-е годы были усиленно торпедированы попытки создания Крестьянского молодежного союза, Студенческого союза, превращения в постоянный орган делегатских собраний рабочей молодежи. Все эти попытки уже тогда расценивались не иначе, как враждебные происки классовых недругов молодежи. Причем особую ожесточенность у адептов тоталитарной системы вызывало появление заведомо дружественных комсомолу юношеских объединений. Так сама идея множественности социально-политических структур была возведена в ранг тягчайшего преступления перед народом.

Прелестям унитарного построения социально-политических систем посвящены гималаи обществоведческих сочинений. И лишь в годы перестройки мы услышали о его ущербных свойствах. Думается, пора наконец хотя бы в научном плане задаться вопросом: чем хорош, а чем плох принцип унитарного построения ВЛКСМ?

Мой собственный анализ проблемы привел меня к таким выводам. Этот принцип хорош на начальном этапе мо-



НЕДЕЛИМОСТИ



лодежного движения, но его эффективное действие кратковременно и не может быть бесконечным. Он всегда хорош с точки зрения управляющих в комсомоле, и всегда плох для управляемых. Он хорош в экстремальных условиях (ударное строительство, война и т. д.; не случайно Сталин с подручными тридцать лет держал советское общество в чрезвычайном состоянии нарастающей «классовой борьбы») и малодейственен в обстановке нормальной жизни общества. Он всегда — антитеза принципу демократии; поэтому понятие «принцип демократического централизма» сам по себе лишен позитивного смысла, так как он всегда на практике трактуется в пользу централизма.

Провозглашенный единой организацией молодежи, комсомол посчитал себя вообще единственной юношеской организацией в стране и весьма сурово, а нередко и безжалостно «расправлялся» с параллельными структурами. А вся история его дальнейшего развития (с точки зрения основополагающего — до сих пор — организационного принципа) протекала по схеме: единый — единственный — единообразный — однообразный.

Молодежное движение было как бы втиснуто в рамки ВЛКСМ, а слова «комсомол» и «молодежь» стали читаться и считаться синонимами (как «пионеры» и «школьники»).

Что делать? Этот извечный на всех переломных этапах вопрос перестройка поставила и перед комсомолом. Ответ на него и прост, и сложен. Простой вариант ответа предельно краток: надо пе-ре-страи-вать-ся, а не играть в перестройку. Перестраивать — по Далю — перестроить стройкою, выстроить иначе. Иначе!

Ленин писал о неизбежной тенденции сверхмонополий к загниванию. Действие этого закона мы долго и охотно искали за океанами. А что такое комсомол? Самая настоящая сверхмонополия! Признав это, не будем удивляться его теперешнему состоянию, и пока не поздно, надо исправлять деформации. Как? Комсомол со скрипом, но все-таки признал право на существование параллельных структур в молодежном движении. И даже не раз уже заявил о своей солидарности со многими из них. Иначе говоря, он отказался от своих былых претензий на единственность. А это немало.

Комсомол уже много сделал, чтобы преодолеть единообразие, он с трудом, но уже с заметным успехом избавляется от своих стереотипов деятельности. И это внушает оптимизм.

Но — обратите внимание! — комсомол упорно не желает расставаться со своей главной, базовой чертой. Он остается единым. И неделимым. По моему глубокому убеждению, сохранив прежнюю «единость-неделимость», комсомол никогда не сможет расстаться со своими монополистическими привилегиями. Законсервировав себя в оболочке гигантского и неуклюжего монстра, он и дальше будет способен в лучшем случае лишь фиксировать процессы в молодежной среде, не успевая воздействовать на них, тем более управлять ими.

Крупный советский экономист, певец сельскохозяйственной кооперации А. В. Чаянов вывел закон дифференциальных оптимумов, который гласит: любую социальную структуру целесообразно развивать лишь до определенных пределов; дальше она начинает пожирать саму себя, перестает воспроизводить заданные функции, воспроизводя лишь управленческий аппарат. Пример совхозов-гигантов, колхозов-гигантов убедительно продемонстрировал жизненность этого общесоциологического закона: мы научились воспроизводить сельскохозяйственных чиновников и не научились еще производить хлеб и колбасу. А если под призмой этого закона рассмотреть деятельность ВЛКСМ — разве мы получим другие результаты?

Вывод, думаю, напрашивается сам собой: комсомолу надо решительно взломать и отбросить существующую модель своего организационного построения. Он должен дифференцироваться на ряд оптимальных структур — по числу групп интересов и потребностей молодежи.

Новые союзы молодежи (экономические, музыкальные, технические, спортивные, благотворительные), развивая здоровую конкуренцию между собой, будут объединены в федерацию под общим названием — ВЛКСМ.

«Организация удесятеряет силы» — учил В. И. Ленин. Мы всегда этот афоризм трактовали однобоко, искаженно, расшифровывая «организацию» как «объединение», как «союз», то есть как социальную структуру. В. И. Ленин же имел в виду прежде всего «построение». Выходит: правильное построение удесятеряет силы!

В феврале 1989 г. на IV Пленуме ЦК ВЛКСМ предложение о федеративном переустройстве ВЛКСМ подверглось резкой критике. Но, как я понял, то, что с трибуны съезда именовалось федерацией, на самом деле называется конфедерацией, а это не одно и то же.

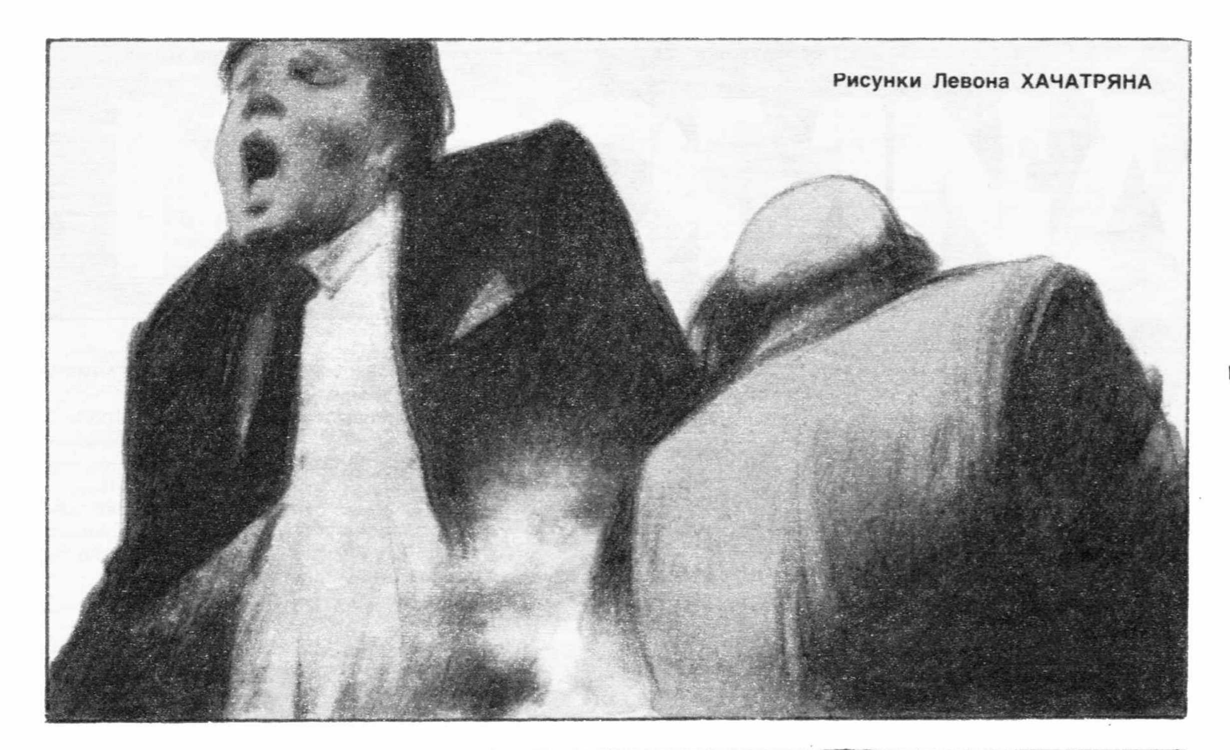
Федерация — союз структур, управляемых из единого центра; конфедерация — объединение на договорных началах структур, имеющих автономное управление. При этом нельзя забывать о том, что комсомол с самого начала был и продолжает оставаться федерацией национальных комсомолов союзных республик.

Федерация федерации рознь. Еще в 20-е годы многие в комсомоле возражали против федерации по национальному признаку, опасаясь, что построение по такому принципу может привести молодежь к размежеванию по «национальным квартирам». Увы! Только сейчас доводится нам осознать их правоту.

Я поддерживаю идею федеративного объединения союзов, построенных по интересам молодежи, действующих автономно и координируемых из единого центра. Такие союзы (например, экологические) не будут знать национальных границ, именно они способны выразить интернационалистскую сущность нашего общественного строя и реализовать ее на практике.

На IV Пленуме в числе контраргументов против этой идеи выдвигались и такие: молодежь, мол, динамична, изменчива в своих интересах и, чего доброго, начнет менять союзы, как галстуки. Ну, и что в этом страшного или неестественного? Пусть меняет, пусть состоит одновременно в двух-трех союзах.

На Пленуме говорилось и о том, что децентрализованной структурой очень трудно управлять. Имелось в виду — сверху. Но один из принципов перестройки — самоуправление, поэтому стоит ли управленческую (читай: аппаратную) проблему возводить в непреодолимое препятствие? То, что неудобно «верхам», не всегда натирает мозоли «низам». Такова диалектика, и с ней нельзя не считаться.



Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА



Рэймонд ЧАНДЛЕР

1.



В ту ночь из пустыни задул ветер. Это была сухая горячая «Санта Ана», которая врывается через перевалы в горах и от которой волосы начинают курчавиться, нервы — сдавать, а кожа — чесаться. В такие вечера каждая попойка кончается дракой. Смирные домохозяйки пробуют лезвия кухонных ножей и изучают шеи своих супругов. Случиться может все что угодно. В баре вам даже могут налить полный стакан пива.

Я как раз потягивал из такого стакана в уютном новом местечке напротив своего дома. Оно уже неделю как открылось, но дела не шли никак. Парнишке за стойкой было лет двадцать, и было похоже, что сам он в жизни не брал в рот спиртного.

В баре был, кроме меня, только один посетитель — пьянчуга, сидевший на круглом табурете спиной к двери. Перед ним на стойке лежал аккуратный столбик монет по десять центов, всего доллара на два. Он пил хлебный виски маленькими стаканчиками, не разбавляя, и пребывал в своем собственном мире.

Я сел немного подальше у стойки, получил свой стакан пива и сказал:

— Наливаешь по-честному, приятель. Ничего не скажешь.

— Мы только что открылись,— отвечал парнишка.— Набираем клиентуру. Вы у нас не первый раз, мистер?

— Ага.

— Живете поблизости?

— Напротив, в меблированных квартирах «Берглунд»,— сообщил я.— Зовут меня Филип Марлоу.

— Спасибо, мистер. А меня — Лю Петролле.— Он перегнулся ко мне через темную полированную стойку.— Знаете этого парня?

— Нет.

— Ему вроде бы домой пора. Надо бы вызвать такси и отправить его. Он уже выпил норму будущей недели.

— Вечер паршивый,— заметил я.— Оставь его в покое.

— Ему это вредно,— сказал парнишка, нахмурившись.

— Виски! — крикнул пьяница, не подымая глаз. Стучать по стойке он не стал, чтобы не упали его монеты, но зато щелкнул пальцами.

Парнишка взглянул на меня, пожимая плечами.

— Дать ему?

— В чей желудок оно попадет? Не в мой же.

Парнишка налил ему еще порцию неразбавленного, но, по-моему, все-таки плеснул туда воды, потому что вид у него был такой виноватый, словно он лягнул собственную бабушку. Пьянице было все равно. Он снял со столбика несколько монет с тщательностью хирурга, оперирующего опухоль мозга.

Парнишка подлил мне еще пива. Снаружи завывал ветер. Время от времени его порывы приоткрывали на несколько дюймов дверь с цветным стеклом. Это была тяжелая дверь.

Парнишка сказал:

— Во-первых, не люблю пьяных, во-вторых, не люблю, когда они напиваются здесь, а в-третьих, не люблю их во-первых.

— Фирма «Братья Уорнер» это могла бы в фильм вставить.

— Они уже вставили.

Тут появился еще один клиент. Сначала снаружи завизжали тормоза, потом распахнулась дверь. Вошел человек, который, казалось, слегка торопился. Он придержал дверь и быстро обшарил бар невыразительными блестящими темными глазами. Он был хорошо сложен, смугл, недурен собой, если вам нравятся узкие лица с плотно сжатыми губами. Одет он был в темное, из нагрудного кармана кокетливо выглядывал белый платок, и казался спокойным, но в то же время как бы и напряженным. Я решил, что это от горячего ветра. Я сам себя так чувствовал, и спокойствия во мне было не так уж много.

Он взглянул на спину пьяницы. Тот играл своими пустыми стаканчиками в шашки. Новый посетитель посмотрел на меня, потом на столики в открытых

ЖИЙ ВЕТЕР

ПОВЕСТЬ

кабинках напротив. Все они были пусты. Он прошел мимо пьяницы, который раскачивался и бубнил что-то себе под нос, и обратился к парнишке:

— Не видел здесь леди, приятель? Высокая, красивая, темные волосы, в платье из синего шелкового крепа, сверху жакет набивной ткани типа «фигаро». Соломенная шляпа с широкими полями и бархатной лентой.— У него был натужный голос, который мне не понравился.

— Нет, сэр. Никто такой сюда не заходил,— сказал парнишка.

— Спасибо. Неразбавленный виски. И быстренько, ладно?

Парнишка налил ему, человек заплатил, опрокинул виски одним глотком и пошел к выходу. Сделав три-четыре шага, он остановился, оказавшись лицом к лицу с пьяницей. Пьяница ухмылялся. Он извлек откуда-то пистолет так быстро, что тот мелькнул смазанным пятном. Держал он его крепко и казался таким же пьяным, как я. Высокий смуглый парень стоял не шевелясь, потом голова у него отдернулась чуть назад, и он снова замер.

По улице промчалась машина. Пистолет у пьяницы был автоматический, прицельный, двадцать второго калибра. Он жестко хлопнул пару раз, и из дула показался дымок — совсем маленькое колечко.

— Пока, Уолдо,— сказал пьяница.

Потом он перевел пистолет на бармена и меня.

Смуглый парень падал целую неделю. Он зашатался, обхватил себя рукой, взмахнул другой, снова зашатался. С него упала шляпа, а потом он свалился лицом на пол. Свалившись, он застыл так, словно был отлит из бетона.

Пьяница соскользнул с табурета, смахнул свои монетки в карман и скользнул к двери. Он повернулся боком, держа нас на прицеле. У меня оружия не было. Не думал, что оно понадобится, чтобы выпить стакан пива. Парнишка за стойкой не пошевелился и не издал ни малейшего звука.

Пьяница осторожно толкнул дверь плечом, не спуская с нас глаз, потом распахнул ее спиной. Ворвался порыв ветра и приподнял волосы лежавшего на полу человека. Пьяница сказал:

— Бедный Уолдо. Пустил я ему кровь из носу.

Дверь захлопнулась. Я кинулся к ней — по старой привычке делать то, чего не надо. Снаружи взревел мотор, и когда я очутился на тротуаре, красное расплывчатое пятно хвостового фонаря уже мелькало почти за углом. Мне так же удалось записать номер машины, как нажить свой первый миллион.

По кварталу, как обычно, сновали туда-сюда люди и машины. Все вели себя так, словно не слышали никаких выстрелов. Даже если кто и слышал, за шумом ветра быстрый хлопок пистолета мог показаться стуком двери. Я вернулся в бар.

Парнишка до сих пор не шевельнулся. Он так и стоял, выложив руки на стойку, слегка нагнувшись вперед и глядя вниз, на спину смуглого человека. Смуглый человек тоже не двигался. Я наклонился и пощупал его шейную артерию. Больше ему не двигаться никогда.

Лицо парнишки имело такое же выражение, что и порция круглого бифштекса, да и цвета было примерно такого же. Взгляд у него был скорее рассерженный, чем потрясенный.

Я закурил сигарету, пустил дым в потолок и коротко бросил:

— Иди звони.

— Может, он еще живой,— сказал парнишка.

— Из двадцать второго калибра ошибок не бывает. Где телефон?

— У меня нет. И без него расходов по горло. Эх, погорели мои восемьсот долларов!

— Ты владелец бара?

— Был, пока это не случилось.

Он стянул с себя белую куртку и передник и вышел из-за стойки.

— Запираю дверь,— сказал он, доставая ключи.

Он пошел на улицу, плотно прикрыл дверь и повозился снаружи с замком, пока он не щелкнул. Я нагнулся и перевернул Уолдо. Сперва я даже не разглядел, куда вошли пули. Потом увидел. Пара крошечных дырочек в пиджаке, повыше сердца. Крови на рубашке было немного.

Этот пьяница многого стоил — как убийца.

Ребята в патрульной машине явились через восемь минут. Парнишка, Лю Петролле, к тому времени был снова за стойкой. На нем опять была белая куртка, он считал деньги в кассе, рассовывал их по карманам и делал пометки в записной книжечке.

Я сидел на перилах кабинки, курил сигареты и смотрел, как лицо Уолдо все больше и больше мертвело. Я думал о том, кто такая девушка в набивном жакете, почему Уолдо не выключил мотор своей машины, почему он торопился, и ждал ли пьяница его здесь или случайно оказался на месте.

Ребята из патруля вошли, обливаясь потом. Они были обычного крупного размера, у одного из них под фуражку был засунут цветок, а сама фуражка сидела слегка набекрень. Увидев мертвеца, он вынул цветок и наклонился пощупать пульс Уолдо.

— Мертвый вроде,— сказал он и еще немного перевернул его.— Ага, вижу входные отверстия. Славная, чистая работенка. Вы оба видели, как это было?

Я сказал «да». Парнишка за стойкой ничего не сказал. Я рассказал им, как было дело и что убийца как будто уехал в машине Уолдо.

Полицейский извлек бумажник Уолдо, быстро его просмотрел и свистнул.

— Полно денег и нет водительских прав.— Он отложил бумажник в сторону.— О'кей, значит, мы его не трогали, понятно? Просто хотели узнать, была ли у него машина, и сообщить по радио.

— Черта с два вы его не трогали,— сказал Лю Петролле.

Полисмен подарил его тем еще взглядом.

— О'кей, приятель,— мягко произнес он.— Мы его трогали.

Парень взял чистый стакан для коктейля и принялся его протирать. Он протирал его все остальное время до нашего ухода.

Через минуту послышалась сирена спецмашины отдела по расследованию убийств, у входа взвизгнули тормоза, и вошли четверо — двое полицейских в штатском, фотограф и сотрудник лаборатории. Этих в штатском я не знал. Можно долго заниматься сыскным делом и так и не познакомиться со всеми детективами, работающими в большом городе.

Один из них был невысокий, спокойный, смуглый, улыбающийся человек, с черными вьющимися волосами и мягкими умными глазами. Второй — крупный, широкий в кости, с тяжелой челюстью, носом в прожилках и стеклянными глазами. Похоже было, что он любит выпить. Вид у него был свирепый, но, казалось, считал он себя немножко покруче, чем был на самом деле. Он загнал меня в крайнюю кабинку у стены, его напарник вызвал парнишку из-за стойки, а патрульные ушли. Специалист по отпечаткам пальцев и фотограф принялись за работу.

Приехал полицейский врач и пробыл столько времени, сколько ему понадобилось, чтобы рассердиться, что нет телефона для вызова машины из морга.

Невысокий сыщик вынул все из карманов Уолдо, потом из бумажника и сложил на большой носовой платок на столике в кабинке. Я увидел много денег, ключи, сигареты, еще один платок и почти ничего больше.

Большой сыщик пихнул меня обратно в кабинку.

— Выкладывай,— сказал он.— Я лейтенант Коперник.

Я положил перед ним свой бумажник. Он взглянул на него, перебрал содержимое, бросил обратно, сделал пометку в книжечке.

— Филип Марлоу, так? Частный сыщик. Были здесь по делу?

— Мое дело было выпить,— ответил я.— Живу прямо напротив, в «Берглунде».

— Парнишку этого знаете?

— Был здесь один раз с тех пор, как он открылся.

— Ничего в нем такого не заметили?

— Нет.

— Молодой парень, а слишком легко ко всему отнесся, верно? Можете не отвечать. Рассказывайте по делу.

Я рассказал — три раза подряд. Один раз, чтобы он усвоил в общих чертах, другой — чтобы он усвоил детали, и третий — чтобы он проверил, не слишком ли гладко у меня все получается. В конце он заметил:

— Интересует меня эта дамочка. И убийца назвал этого парня — Уолдо, но вроде не мог ожидать, что он здесь появится. То есть, если Уолдо не был уверен, что здесь будет дамочка, то никто не мог ожидать, что и сам Уолдо здесь будет.

— Глубокая мысль,— сказал я.

Он присмотрелся ко мне. Я не улыбался.

— Похоже на убийство из ненависти, так? Похоже, что заранее не задумано. Удрал чисто случайно. У нас в городе машины открытыми не часто оставляют. И убийца работает при двух хороших свидетелях. Не нравится мне это.

— Мне не нравится быть свидетелем,— сказал я.— Платят мало.

Он ухмыльнулся. Зубы у него были какие-то веснушчатые.

— Убийца на самом деле был пьяный?

— И чтобы так стрелял? Нет.

— Вот и по-моему тоже. Что ж, дело несложное. Этот парень наверняка где-то числится, а отпечатков он оставил полно. Если даже у нас здесь нет его фотографии, через несколько часов будем иметь все сведения. У него против Уолдо что-то было, но сегодня вечером встречаться они не собирались. Уолдо просто заскочил спросить про дамочку, с которой у него было назначено свидание, но они разминулись. Ветер жаркий, от этого ветра у девушки весь грим на лице мог испортиться. Наверно, зашла куда-нибудь подождать его. Вот убийца и всаживает Уолдо парочку пуль куда надо, смывается, а на вас, ребята, ему плевать. Все просто.

— Угу,— сказал я.

— Так просто, что ни к черту не годится,— сказал Коперник.

Он снял свою фетровую шляпу, взъерошил жидкие светлые волосы и подпер руками подбородок. У него было длинное и неприятное лошадиное лицо. Он вынул платок, промокнул это лицо, потом затылок и руки. Достал гребенку и причесался — отчего стал выглядеть хуже,— затем снова надел шляпу.

— Я вот думаю,— заметил я.

— Да? Чего?

— Этот Уолдо точно знал, как была одета девушка. Значит, он ее уже видел вечером.

— Ну и что? Может, ему в сортир понадобилось. Вышел — а ее уже нет. Может, она насчет него передумала.

— Это верно,— сказал я.

Но думал я совсем не про то. Я думал, что Уолдо описал одежду девушки так, как не сумеет обычный мужчина. Жакет типа «фигаро» из набивной ткани поверх синего платья из шелкового крепа. Я не знал даже, что такое жакет типа «фигаро». И я мог бы сказать — синее платье или даже — синее шелковое платье, но никогда — синее платье из шелкового крепа.

Немного погодя приехали двое с большой корзиной. Лю Петролле все еще протирал свой стакан и беседовал с невысоким смуглым сыщиком.

Все мы поехали в полицию.

Лю Петролле после проверки оказался в порядке. У его отца была виноградная ферма возле Антиоха в округе Контра Коста. Он дал Лю тысячу долларов на собственное дело, и на восемьсот Лю открыл этот бар, с неоновой вывеской, все, как полагается.

Его отпустили и велели не открывать бар, пока не решат, что все отпечатки пальцев уже взяты. Он пожал руки всем подряд, улыбнулся и сообщил, что, может, это убийство еще пойдет на пользу его бизнесу, потому что никто не верит газетам, и люди будут приходить послушать его рассказ, а заодно заказывать выпивку.

— Уж этот-то в жизни не станет беспокоиться,— заметил Коперник, когда он ушел.— За других, конечно.

— Бедный Уолдо,— откликнулся я.— Отпечатки получились?

— Немножко размазаны,— кисло сообщил Коперник.— Но все равно разберемся и сегодня же отправим их телетайпом в Вашингтон. Если не сработает, посидишь денек у нас внизу, пороешься в фотографиях.

Я пожал руку ему и его напарнику, которого звали Ибарра, и ушел. Они пока не знали, кто такой Уолдо. Вещи из его карманов ни о чем не говорили.

2.

Около девяти вечера я снова очутился на своей улице. Прежде чем войти в «Берглунд», я поглядел направо и налево. Бар был подальше на другой стороне, в окнах темно, к стеклам был прижат с улицы один-другой нос, но настоящей толпы не было. Люди видели полицию и машину из морга, но не знали, что случилось. Кроме ребят, которые в аптеке на углу играют в автоматах. Эти знают все, кроме того, как удержаться на работе.

По-прежнему дул ветер, горячий, как из духовки, швыряя от стены пыль и рваную бумагу.

Я вошел в вестибюль своего дома и поднялся на лифте на четвертый этаж. Когда я вышел, то увидел высокую девушку, ожидающую лифт.

У нее были волнистые каштановые волосы, спрятанные под соломенной шляпой с широкими полями и бархатной лентой. У нее были широко распахнутые синие глаза и ресницы, которые чуть-чуть не доходили до подбородка. На ней было синее платье — вполне возможно, что из шелкового крепа — простого покроя, но все изгибы оно облегало как надо. Сверху была надета штука, которая вполне могла сойти за жакет типа «фигаро» из набивной ткани.

Я спросил:

— Это жакет «фигаро»?

Она скользнула по мне взглядом и сделала движение, словно отодвигала с дороги паутину.

— Да. Извините... Я очень спешу. Позвольте...

Я не двинулся, загораживая собой дверь лифта. Мы уставились друг на друга, и очень медленно она начала краснеть.

— Лучше в этом туалете на улицу не выходить,— сообщил я.

— Что такое, как вы смеете...

Лифт лязгнул и пошел вниз. Я не знал, что она собирается сказать. В голосе у нее не было нахальной гнусавости, как у вертихвосток из пивных баров. Он звучал мягко и тихо, словно весенний дождь.

— Я к вам не пристаю,— сказал я.— Вы попали в неприятность. Если они едут на лифте на этот этаж, вы еще успеете убежать по коридору. Только сперва снимите шляпу и жакет — да побыстрее!

Она не шевельнулась. Под не таким уж толстым слоем грима лицо ее слегка побелело.

— Полиция,— объяснил я,— ищет вас по этой одежде. Дайте мне возможность, и я объясню, почему.

Она быстро обернулась и посмотрела назад. Когда она попробовала обмануть меня еще раз, я не обиделся — с ее внешностью можно было себе это позволить.

— Вы нахал, кто бы вы ни были. Я мисс Лерой из тридцать первой квартиры, и уверяю вас...

— Тогда вы не на своем этаже,— сказал я.— Это четвертый.

Лифт внизу остановился. Донесся звук распахивающихся дверей.

— Пошли! — бросил я.— Живо!

Она быстро сдернула шляпу и выскользнула из жакета «фигаро». Я схватил их под мышку. Взял ее под руку, развернул, и мы пустились по коридору.

— Я живу в сорок второй. Прямо напротив вас, только этажом выше. Выбирайте. Повторяю — я к вам не пристаю.

Она пригладила волосы быстрым движением, словно птичка. Десять тысяч лет практики стоит за этим жестом.

— Ко мне,— сказала она, подхватила сумку под мышку и почти побежала по коридору. Лифт остановился этажом ниже. Когда он остановился, остановилась и она. Обернулась ко мне.

— Лестница сзади, за шахтой лифта,— мягко сказал я.

— Я здесь не живу,— произнесла она.

— Я так и думал.

— Они меня ищут?

— Да, но переворачивать квартал камень за камнем они начнут только завтра. И то, если не узнают ничего про Уолдо.

Она уставилась на меня.

— Уолдо?

— Ах, вы не знакомы с Уолдо,— сказал я.

Она медленно покачала головой. Лифт снова пошел вниз. В ее синих глазах, словно рябь на воде, мелькнул ужас.

— Нет,— еле выдохнула она,— но уведите меня из этого коридора.

Мы стояли почти возле моей двери. Я сунул ключ в замок, покопался в нем и распахнул дверь внутрь. Дотянулся до выключателя и зажег свет. Она скользнула мимо меня, словно волна. В воздухе поплыл очень слабый аромат сандалового дерева.

Я захлопнул дверь, бросил свою шляпу в кресло, а она подошла к карточному столику, на котором я расставил шахматную задачу, до сих пор не решенную. Теперь, в квартире, за запертой дверью, страх ее покинул.

— Значит, вы играете в шахматы,— сказала она настороженно, словно специально пришла посмотреть, как я живу. Хотел бы я, чтобы это было так.

Оба мы застыли, прислушиваясь к звуку хлопнувшей двери лифта и шагам, направившимся в другую сторону.

Я усмехнулся, но не весело, а напряженно, пошел в кухоньку, стал возиться со стаканами и тут обнаружил, что держу под мышкой ее шляпу и жакет. Я вошел в гардеробную рядом с выдвижной кроватью и сунул вещи в ящик шкафа, потом вернулся в кухню, извлек хороший шотландский виски и смешал пару коктейлей.

Когда я вернулся со стаканами, в руке у нее был револьвер. Небольшой, автоматический, с перламутровой рукояткой. Он подпрыгнул мне навстречу, и во взгляде ее был панический страх.

Я остановился — в каждой руке по стакану — и сказал:

— Может, и вы сошли с ума от этого горячего ветра. Я частный сыщик. Могу доказать, если вы позволите.

Она слегка кивнула, и лицо у нее было белое. Я медленно приблизился, поставил стакан с ней рядом, отошел, поставил свой и достал визитную карточку с целыми уголками. Она сидела, разглаживая одно колено левой рукой и держа револьвер на другом. Я положил карточку возле ее коктейля и сел, прихлебывая свой.

— Никогда не позволяйте подходить к вам так близко,— сказал я.— Если настроены серьезно. И у вас предохранитель не снят.

Ее глаза метнулись вниз, она вздрогнула и убрала револьвер обратно в сумку. Отпила полстакана одним духом, с силой поставила его и взяла карточку.

— Я не многих угощаю этим виски,— заметил я.— Не могу себе этого позволить.

Губы ее искривились.

— Вам, вероятно, требуются деньги.

— Чего-чего?

Она не ответила. Рука ее снова подползла к сумке.

— Не забудьте предохранитель,— напомнил я.— Рука застыла. Я продолжал: — Парень, которого я назвал Уолдо, довольно высокий, скажем, под метр восемьдесят, худой, смуглый, глаза карие, с сильным блеском. Нос и рот слишком узкие. Темный костюм, в нагрудном кармане — белый платочек. Напоминает вам кого-нибудь?

Она снова взяла стакан.

— Так вот кто такой Уолдо,— сказала она.— Ну и что с ним такое? — В голосе у нее появился намек на опьянение.

— Да забавная штука. Здесь у нас напротив бар... Слушайте, а где вы были весь вечер?

— Большую часть времени,— сообщила она холодно,— сидела в своей машине.

— И не заметили на той стороне никакой суматохи?

Глазами она пыталась сказать «нет» и не сумела. Губами сказала:

— Я поняла, что что-то произошло. Видела полицию и красные мигалки. Подумала, что с кем-то несчастье.

— Вот именно. А перед тем этот Уолдо вас искал. В баре. Описал вас и как вы одеты.

Глаза у нее сделались как заклепки, и выражение было такое же. Губы начали дрожать и не могли уняться.

— Я был в баре,— объяснил я,— болтал с хозяином, молодым парнишкой. Никого не было, кроме пьяного на табуретке, парнишки и меня. Пьяный ни на что не реагировал. Потом вошел Уолдо, спросил про вас, а мы сказали, нет, мы вас не видели, и он собрался уходить.

Я пригубил выпивку. Люблю драматические эффекты. Она впилась в меня глазами.

— Собрался уходить. Тут этот пьяный, который ни на что не реагировал, назвал его по имени и достал пистолет. Он выстрелил в него дважды...— я прищелкнул пальцами. — ... вот так. Наповал.

Она меня перехитрила. Засмеялась мне в лицо.

— Значит, мой муж нанял вас за мной шпионить,— сказала она.— Могла бы догадаться, что все это чепуха. Вы с вашим Уолдо.

Я смотрел на неё, разинув рот.

— Никогда бы не подумала, что он ревнует,— бросила она.— И к нашему же бывшему шоферу. К Стэну немного, что ж, это естественно. Но к Джозефу Котсу...

Я проделал несколько движений в воздухе.

— Леди, кто-то из нас открыл эту книжку не на той странице,— буркнул я.— Не знаю никакого Стэна или Джозефа Котса. Ей-богу, не знал даже, что у вас есть шофер. У нас по соседству они не водятся. Что касается мужей, эти иногда попадаются. Не слишком часто.

Она медленно покачала головой, и рука ее оставалась близ сумки, а в синих глазах блестели огоньки.

— Плохо сыграли, мистер Марлоу. Совсем неубедительно. Знаю я вас, частных сыщиков. Все вы гнусные люди. Вы заманили меня обманом к себе в квартиру, если это ваша квартира. Вернее всего, это квартира какого-нибудь мерзавца, который за несколько долларов поклянется в чем угодно. Теперь вы пытаетесь меня запугать. Чтобы шантажировать меня, получая в то же время деньги от моего мужа. Хорошо,— закончила она почти задыхаясь,— сколько я должна заплатить?

Я отставил пустой стакан и откинулся в кресле.

— Простите, если я закурю? — спросил я.— Нервишки не выдерживают.

Я закурил, а она наблюдала за мной, и страха в ней было недостаточно, чтобы за ним скрывалась какая-нибудь серьезная провинность.

— Значит, его зовут Джозеф Котс,— сказал я.— Парень, который убил его в баре, назвал его Уолдо.

Она улыбнулась с некоторым омерзением, но почти терпимо.

— Не тяните. Сколько?

— Зачем вы пытались встретиться с этим Джозефом Котсом?

— Разумеется, я собиралась выкупить одну вещь, которую он у меня украл. Это вещь ценная. Почти пятнадцать тысяч долларов. Мне подарил ее человек, которого я любила. Он умер. Вот! Погиб в горящем самолете. А теперь идите доложите это моему мужу, грязная тощая крыса!

— Я не тощая и не крыса,— заметил я.

— Все равно грязная. И не трудитесь сообщать моему мужу. Я скажу ему сама. Впрочем, он, наверное, и так знает.

Я усмехнулся.

— Ловко. Так для чего же меня наняли?

Она схватила стакан и допила остатки.

— Значит, он думает, что я встречаюсь с Джозефом. Что ж, может и так. Но не для любви же. Не с шофером же. Не с подонком, которого я подобрала на улице и дала ему работу. Если мне захочется поразвлечься, мне не придется копать так глубоко.

— Вот это верно, леди,— подтвердил я.

— А теперь я ухожу,— заявила она.— Попробуйте только меня остановить.— Она выхватила из сумки револьвер с перламутровой рукояткой. Я не шелохнулся.

— Ах вы, мерзкое ничтожество! — набросилась на меня она.— Откуда я вообще знаю, что вы частный сыщик? Может быть, вы жулик. Эта ваша карточка ничего не значит. Такие кто угодно может заказать.

— Конечно,— согласился я.— И, наверное, я до того хитрый, что прожил здесь целых два года, дожидаясь, пока вы появитесь и я смогу вас шантажировать из-за того, что вы не встретились с человеком по имени Джозеф Котс, которого пристукнули сегодня напротив под именем Уолдо. У вас есть деньги на выкуп этой вещи, которая стоит пятнадцать кусков?

— Ага! Вы, значит, собираетесь меня ограбить!

— Ага! — передразнил я ее,— теперь, значит, я специалист по грабежам? Леди, да спрячьте вы, пожалуйста, свой револьвер или уж снимите предохранитель. Мои профессиональные чувства страдают, когда я вижу, как издеваются над добротным оружием.

— До чего же вы мне отвратительны,— сообщила она.— Убирайтесь с дороги.

Я не шевельнулся. Не шевельнулась и она. Оба мы сидели — и даже не близко друг к другу.

— Прежде чем уйти, посвятите меня в одну тайну,— попросил я.— Какого черта вы сняли квартиру внизу? Только для того, чтобы встретиться с кем-то на улице?

— Не говорите глупостей,— отрезала она.— Я не снимала здесь квартиры. Я солгала. Это его квартира.

— Джозефа Котса?

Она резко кивнула.

— По моему описанию похож Уолдо на Джозефа Котса?

Снова резкий кивок.

— Ладно. Наконец хоть один факт установили. Вы что, не понимаете, что Уолдо, перед тем как его застрелили, и пока он вас искал, описал вашу одежду, что это описание было передано в полицию, что полиция не знает, кто такой Уолдо, и ищет женщину в этой одежде, чтобы она им все рассказала? Неужели это так трудно сообразить?

Револьвер у нее в руке внезапно затрясся. Она посмотрела на него каким-то отсутствующим взглядом и медленно убрала в сумку.

— Я дура,— прошептала она,— что вообще с вами разговариваю.— Она долго не сводила с меня глаз, потом глубоко втянула в себя воздух.— Он сказал мне свой адрес. Казалось, совсем не боялся. Наверно, все шантажисты такие. Он должен был встретить меня на улице, но я опоздала. Когда я приехала, кругом было полно полицейских. Тогда я вернулась к машине и посидела в ней немного. Потом поднялась и постучала в квартиру Джозефа. Потом опять пошла ждать в машину. Я поднималась сюда целых

три раза. Последний раз я пошла на четвертый этаж, чтобы вызвать оттуда лифт. На третьем меня уже два раза видели. И встретила вас. Это все.

— Вы что-то сказали насчет мужа. Где он?

— На совещании.

— Ах, на совещании,— язвительно заметил я.

— Мой муж занимает крупный пост. У него много совещаний. Он гидроинженер. Ездит по всему миру. Он...

— Не тратьте сил. Как-нибудь приглашу его пообедать, и он мне сам расскажет. То, что имелось на вас у Джозефа, теперь мертвый груз. Как Джозеф.

— Он правда умер? — прошептала она.— Правда?

— Он умер,— сказал я.— Умер, умер, умер. Леди, он умер.

Наконец-то она в это поверила. Почему-то я думал, что этого так и не случится. В тишине у меня на этаже остановился лифт.

Я услышал шаги по коридору. У всех у нас бывают предчувствия. Я приложил палец к губам. Она перестала двигаться. Лицо у нее застыло. Большие синие глаза стали темными, как тени под ними. Горячий ветер бился в закрытые окна. Когда дует «Санта Ана», их приходится закрывать даже при жаре.

Шаги в коридоре звучали, как обычные спокойные шаги одного человека. Но остановились они у моей двери, и кто-то постучал.

Я показал на гардеробную за выдвижной кроватью. Она без звука встала, прижимая сумку к боку. Я снова показал на ее стакан. Она быстро забрала его, скользнула по ковру в дверь и тихо прикрыла ее за собой.

Я так и не понимал, зачем я ввязался во все эти неприятности.

Стук раздался снова. Руки у меня были влажные. Я заскрипел стулом, встал и громко зевнул. Потом я пошел и открыл дверь — без револьвера. Это было ошибкой.

Перевела с английского М. ШАТЕРНИКОВА.

Продолжение следует.

Рэймонд Чандлер, один из основоположников современного детективного американского романа, родился 23 июля 1888 года в Чикаго.

В 1933 году в знаменитом журнале «Черная маска» вышел первый рассказ тогда еще неизвестного автора Рэймонда Чандлера.

За четверть века вышло семь романов Рэймонда Чандлера: «Длинный сон» (1939), «Прощай, моя прелесть» (1940), «Высокое окно» (1942), «Женщина в озере» (1943), «Младшая сестренка» (1949), «Долгое прощание» (1953), «Плей-бэк» (1958).

Естественно, американский кинематограф не мог пройти мимо такого блестящего разработчика интриги и сюжета, как Чандлер. В 1943 году голливудская студия «Парамаунт» приглашает его на работу в качестве сценариста. Перу Чандлера принадлежат такие сценарии, как «Двойная страховка» (1944), фильм поставил режиссер Билли Уайдер, «Незнакомцы в поезде» (1950), картину по этому сценарию снимал Альфред Хичкок. В конечном итоге были экранизированы все семь романов Чандлера, причем главного героя чандлеровской прозы, частного сыщика Филипа Марлоу, играл бессмертный Хамфри Богарт.

В 1959 году Чандлера не стало, но его произведения продолжают жить. Они переиздаются для все новых и новых поколений читателей.

Что же привлекает читателей? Может быть, динамичный, острый, насыщенный событиями сюжет? Безусловно. А может, удивительное стилистическое своеобразие чандлеровской прозы, которое, как признают многие критики, в значительной степени повлияло на развитие всей современной американской прозы и, в частности, на стиль Хемингуэя? Но не это главное.

Рэймонд Чандлер был глубоким психологом. Он создал новый американский детектив, порвав с английской традицией, хотя бы потому, что сорвал с преступного деяния всякий налет романтичности.

Расследование преступления у Чандлера — это не привычная игра сыщиков и воров. Все против Филипа Марлоу, частного детектива,— и клиенты, и полиция, и преступный мир. В схватке с ними Марлоу всегда побеждает, но в награду ему достаются только знание истины и... неприятности. «Моя профессия — неприятности»,— так сам Марлоу говорит о своем ремесле.

«Правосудие может победить, если ему поможет человек, готовый получить по морде рукоятью нагана»,— писал Чандлер. Опытный, суровый, в чем-то даже циничный, но одновременно нежный и ранимый, частный детектив Филип Марлоу — именно такой человек.

Таким он и предстает в одной из лучших повестей Рэймонда Чандлера «Рыжий ветер».

ПРОШУ СЛОВА!

Спасти детей от спида!

Евгения АЛЬБАЦ

Уважаемые коллеги! Позвольте поблагодарить вас за публикацию статьи «Лучше не думать?». Наконец-то точки над «i» поставлены. Наконец-то сделан какой-то шаг на пути предотвращения надвигающейся (или уже надвинувшейся?) катастрофы,— я имею в виду создание благотворительного валютного счета «АНТИСПИД».

Однако надо реально смотреть на вещи. Сегодня, по данным Минздрава СССР, потребность страны только в одноразовых шприцах 3 миллиарда 250 миллионов. Очевидно, что быстро собрать валюту для закупки заводов, способных обеспечить такие объемы, нереально. Что ж, мы все — все, подчеркиваю, повинны в этом — медики и журналисты, производственники и руководители государства. Одни молчали, другие ни черта не делали, третьи... Ситуация со СПИДом в стране, уровень готовности к нему — показатель уровня нашей нравственности. Нам за это расплачиваться, надо признать, по самому страшному счету.

Но есть, конечно, и среди нас, так сказать, «лидеры». Минздрав, который еще в 1985 году, когда СПИД уже шел по планете, давал промышленности анекдотически малую заявку на одноразовые шприцы — 100 миллионов на 280-миллионную страну. Минмедбиопром, который не торопится раскачаться. Минстанкопром и Минооборонпром СССР, сорвавшие поставки оборудования для производства одноразовой продукции. Наконец, прежний отдел науки ЦК КПСС, санкционировавший безгласность в проблеме СПИДа. Однако это все ныне разговоры из серии «доколе?». Они нужны. Но о них речь впереди. Сейчас главное — другое. Главное — спасти детей. Они в отличие от нас, взрослых, ни в чем не повинны. Они безгрешны. Их несчастье в том, что они родились в стране, которая не способна их защитить.

115 детей сейчас заражены СПИДом. Почти все они заражены в больницах. 80 процентов из них умрет. Это ли не убийство? Но и сии страшные цифры — лишь то, что лежит на поверхности. Сколько детей нам еще предстоит потерять? Этого не знает никто. Сегодня ни одна мать не может быть спокойна. Ребенка могут заразить в роддоме, где каждому малышу делается как минимум один укол, недоношенным же — три — пять инъекций. Его может заразить через грудное молоко мать, которую в том же роддоме заразят через инъекции или капельницу; он может заразиться в три месяца, когда получает свою первую прививку в поликлинике; его может заразить фельдшер в детском саду или в яслях, медсестра — в любой детской больнице. Насколько мне известно, ни в одной цивилизованной стране мира такого нет, только у нас и в Африке. Какой же грех мы на себя берем!

По данным Управления лечебно-профилактической помощи матерям и детям Минздрава СССР, сегодня в срочном порядке необходимо: 500 миллионов одноразовых шприцев для обеспечения стационарных детских медицинских учреждений, 350 миллионов — для детских профилактических лечебных учреждений, 14,5 миллиона нужно для новорожденных, 926 миллионов — для женщин, находящихся в роддомах. Итого — 1 миллиард 790 миллионов 500 тысяч шприцев. Только шприцев! О системах для переливания крови, диализаторах, внутривенных катетерах и так далее я не говорю,— о катастрофической ситуации с этой продукцией все написала А. Алова.

Как говорил в интервью «Огоньку» Главный санитарный врач СССР А. И. Кондрусев, Президиум Совмина СССР выделил около 40 миллионов инвалютных рублей на создание мощностей для производства одного миллиарда шприцев. Правда, А. И. Кондрусев утверждает, что линии уже закуплены и искомый миллиард будет к концу года. Специалисты же Минмедбиопрома СССР, которые будут выполнять задание правительства, объяснили мне, что это решение реально начнет работать лишь в 1990 году, то есть в следующем году предполагается освоить 60 процентов мощностей, остальное — в 1991-м. Главному санитарному врачу СССР это неведомо? Тогда приходится сомневаться в его компетентности. Сознательно говорит неправду? Что ж, не новость, привыкли. Откуда взята цифра «три миллиарда шприцев в 1991 году», мне и вовсе не ясно, хотя я не новичок в проблеме. Короче, в 1991 году, по моим данным, в лучшем случае будет 1 миллиард 200 миллионов. Это на полмиллиарда меньше, чем нужно для спасения детей. Поэтому я предлагаю:

ПЕРВОЕ. «Огонек» прежде всего должен поставить перед собой задачу направить собранную валюту на закупку, во-первых, одноразовой продукции для детских медицинских учреждений, во-вторых,— заводов для выпуска этой продукции для тех же детских учреждений.

ВТОРОЕ. Поскольку государство продемонстрировало свою неспособность защитить наших детей от СПИДа, общественность должна взять проблему под свой контроль. Надо организовать комитет или общество — не в названии суть — «Спасение детей от СПИДа».

ТРЕТЬЕ. Я обращаюсь ко всем матерям. Никто более не ответствен за жизнь наших детей, чем мы сами. (Те, кто за это ответствен по долгу, так сказать, службы, личного страха не испытывает,— их дети и внуки защищены.) Поэтому в каждой детской больнице, в каждом роддоме, в каждой поликлинике надо организовать контроль за стерилизацией медицинских инструментов. Этим тоже могло бы заняться общество «Спасение детей от СПИДа».

Я абсолютно согласна с позицией журнала «Огонек». Да, хватит краснеть от смущения и бесконечно повторять: «У советских собственная гордость». Какая гордость, если мы убиваем собственных детей? Надо обратиться за помощью. В Италии, насколько мне известно, затоваривание одноразовыми шприцами, в ФРГ — переизбыток, США выпускают шесть миллиардов в год. Да, надо просить, как бы ни было это унизительно. Думаю, что реально. Я получила письмо от американского калмыка Д. Н. Бурхинова, который послал соответствующие запросы президенту США Дж. Бушу, американским сенаторам, в международные неправительственные организации. Он надеется, что ему не откажут.

И последнее. Я полагаю, что министр, по вине подчиненных которого — медиков! — смертельной болезнью заражают детей, должен был бы с поста уйти. Во всем мире в таких случаях подают в отставку. Вряд ли это произойдет. Однако, думаю, народные депутаты СССР вправе потребовать расследования и выяснить, почему страна оказалась не готова к эпидемии СПИДа? Почему под боем оказались наши дети?

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

«В этом холодном и бесстрастном городе не трепещет ни одно сердце, не звучит ни одна струна... В особенности вечером это полное отсутствие жизни принимает грустный, даже мучительный характер. Здесь отсутствует всякая жизнь».

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

«...в целом является редчайшим... образцом старинного уездного города, все еще сохраняющего в основном облик своего исторического центра... После Октября в жизни города появилось много принципиально нового, невозможного прежде. Город растет и хорошеет, а горожане стараются не забывать те корни, что дали ему новую жизнь».

Сборник «По родному краю». 1987 г.

В ДЫРЯВОМ НЕВОДЕ

Олег ХЛЕБНИКОВ

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Представьте себе, читатель, что мы с вами совершаем путешествие. На теплоход можно сесть прямо в Москве. И потом уже по Волге — мимо старинных русских городов, по Каме — мимо Перми с ее деревянными богами мы приплываем... Но что же это за город такой чудесный? Сияют, отражаясь в реке, маковки его церквей, подпирает небо пожарная каланча, то там, то здесь возвышаются башенки этаких пряничных домиков. Рыбаки на пристани бойко торгуют стерлядью и другими щедрыми дарами Камы. От порта поднимается, набирая размах, центральная городская площадь — Красная. Посреди нее любовно отреставрированный прекрасный Вознесенский собор, который строили еще пленные французы (и многие остались здесь.) В Вятской губернии, отмеченной долгим вынужденным пребыванием М. Е. Салтыкова-Щедрина, этот собор единственный, где служили панихиду по великому писателю. По правую руку от собора — также восстановленный и отреставрированный дом городничего. Белые колонны, высокие окна... Дочь городничего, знаменитая кавалерист-девица Надежда Дурова, прожила в этом доме тридцать восемь лет. Сейчас здесь музей Дуровой, который с полным правом можно назвать музеем Отечественной войны 1812 года. Кивера, ментики, сабли, лепажевские стволы... Девичья комната Дуровой, «Спи, моя Светлана...».

По левую руку от собора — купеческие дома с башенками, флюгерами, затейливой резьбой и литьем. В первых этажах — мелочные лавки, трактиры с пузатыми самоварами. Индийский чай, бублики, печатные пряники, медовуха, сбитень. Впрочем, сбитнем да бубликами, так же как густым квасом, торгуют и прямо на площади с лотков дюжие молодцы с окладистыми бородами, в русских рубашках, у каждого на груди вышито: «Память»...

А от пристани на зеленые камские островки струги отплывают! Расписные, как Стеньки Разина челны. И правят ими такие же мо́лодцы с окладистыми бородами. А уж на островах-то, на островах!.. Вот ведь молодцы́ добры мо́лодцы с прекрасным словом Память на груди — наконец-то нашли себе дело по удалому плечу! Как городок уважили! Теперь ни одна залетная птица, которая у нас, как известно, и до середины Днепра не долетит, городок этот камский не минует. Эх!..

Но, кажется, я увлекся.

Нет, теплоход прямо от Москвы, старинные русские города на Волге, Пермь с деревянными богами — это все правильно. И Красная площадь, что от самого порта начинается, — тоже в наличии. Только не стоит посреди нее Вознесенский собор, где служили панихиду по Салтыкову-Щедрину (вообще с маковками не очень). Не восстановлен и дом городничего, в котором жила кавалерист-девица. Трактиро́в с пузатыми самоварами тоже что-то не видно. А что же тогда вместо них?

Современный социалистический город повел наступление на ветхую старину. Кругом благоустроенные домавиллы, построенные по индивидуальным проектам. Задолго до двухтысячного года здесь претворен в жизнь лозунг: каждой советской семье — отдельную квартиру! На месте дома городничего — фешенебельный отель с зеркальными стеклами. Там, где некогда стоял Вознесенский собор, — модерновый памятник Федору Раскольникову, кровно, как и Надежда Дурова, связанному с городом. В уцелевших реконструированных купеческих домах — бары с «видиками». На площади кафе под открытым небом: кофе, кока-кола, хамбургеры... От пристани к островам курсируют быстроходные катера. А на островах шикарные пляжи со светлым речным песком и снова бары, кафе, а еще шезлонги, лодки, речные велосипеды, водные лыжи для всех желающих. И над всем этим как забавный символ старого города — пожарная каланча. Каланча, которая однажды, говорят, чуть не сгорела. А сейчас в ней ночной ресторан с варьете. Замечательно!

И только по вечерам на площади, срывая уличные представления городского театра, устраивают свои митинги местные патриоты, протестуя против усиливающегося влияния Запада и полного забвения «русского духа» в родном городе. Но, не правда ли, их в этих условиях в общем-то можно понять?..

Увы, увы! Все это не более, чем сны Веры Павловны. Ничего описанного мною здесь нет. Ни того, ни другого. Только каланча — та самая, которая горела,— все еще действует. Непосредственно в ней неусыпно несут свою нелегкую службу по охране 110-тысячного, протянувшегося на пятнадцать километров вдоль Камы города все имеющиеся в наличии городские пожарные.

И еще квас есть. На весь город, когда мы приехали сюда (а день был жаркий), желтела одна-единственная вожделенная бочка — попробовать местного кваску, однако, не довелось: то ли кружек не было, то ли воды — их мыть, во всяком случае, продавали квас исключительно навынос (а выносить было не в чем и некуда). Вот, пожалуй, и все, ничего другого, вымечтанного в ожидании встречи с городом, не удалось обнаружить: ни медовухи, ни кока-колы, ни благоустроенной гостиницы, ни любовно отреставрированного собора...

Но что же это, наконец, за город такой? — спросите вы. Боюсь, его название большинству ничего не скажет. А название такое: Сара́пул. Странное? Это булгары виноваты, некогда жившие на камских берегах. В переводе с их языка «сара-пуль» — «желтая рыба». А желтая рыба — это, между прочим, стерлядь. Ну, что такое стерлядь, мы еще при некотором усилии можем вспомнить, но при чем тут Сарапул?

В самом деле, никакого отношения к стерляди этот городок на Каме не имеет. А имеет он отношение к Удмуртии — даже мог стать ее столицей, хотя всегда был и остается городом многонациональным, по преимуществу русским и — да не обидятся на меня сарапульцы — глубоко провинциальным. То есть стерляди не видящим не только в своих магазинах, но и в единственном положенном по штату ресторане (на пристани рыбаки стерлядью также не торгуют). Наряду с предприятиями тяжелой индустрии, чья продукция для жителей города неощутима, как магнитные волны, производимые при ее выпуске, есть еще в Сарапуле, например, своя кондитерская фабрика. А шоколадными конфетами на прилавках сарапульцы не избалованы, так же как и стерлядью. Хотя планы фабрика как будто выполняет и перевыполняет, и конфетами своими кормит не целую страну, а только ближайший регион. Но это к слову, это скорее одна из тех неразрешимых загадок, которые роднят Сарапул с сотней российских городов.

А что же все-таки отличает? Чем этот город может быть интересен стране? Думаю, настолько многим, что действительно мог бы стать одним из центров туризма. Тем более и стоит-то он, повторяю, на Каме. А Кама — об этом любят говорить наиболее просвещенные и патриотичные уроженцы камских берегов,— впадая в Волгу, несет больше воды, чем сама Волга, так что неизвестно, что во что впадает, и какая у нас в России главная река...

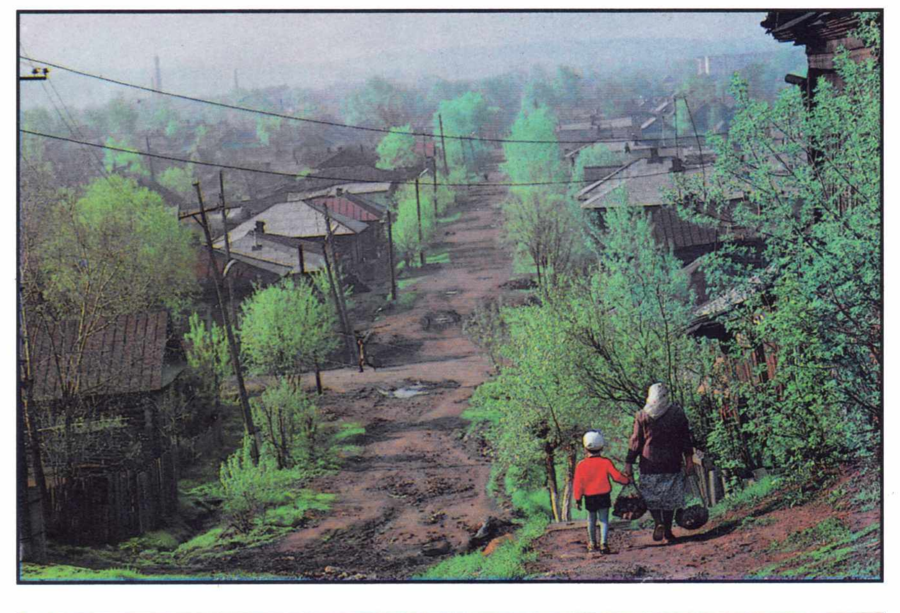
Но начну с себя. Жил я неподалеку от Сарапула — в Ижевске, городе и более крупном, и более известном, но практически начисто лишенном запаха истории (повзрывали, посносили, застроили, да и было в сравнении с некоторыми другими городами не так уж густо). В Сарапул я приезжал подышать. Случалось это в семидесятые годы, когда дышать становилось все труднее. А здесь, в Сарапуле, то старая надпись на стене остановит, то купеческий домик в стиле модерн глаз порадует. Даже то обстоятельство, что в одном из этих домов располагается местное КГБ, вроде бы тоже умиляет (хотя чему тут умиляться?), все-таки приятно: здание КГБ — и не сталинский ампир, а гонимый при Сталине и еще долго после него модерн!

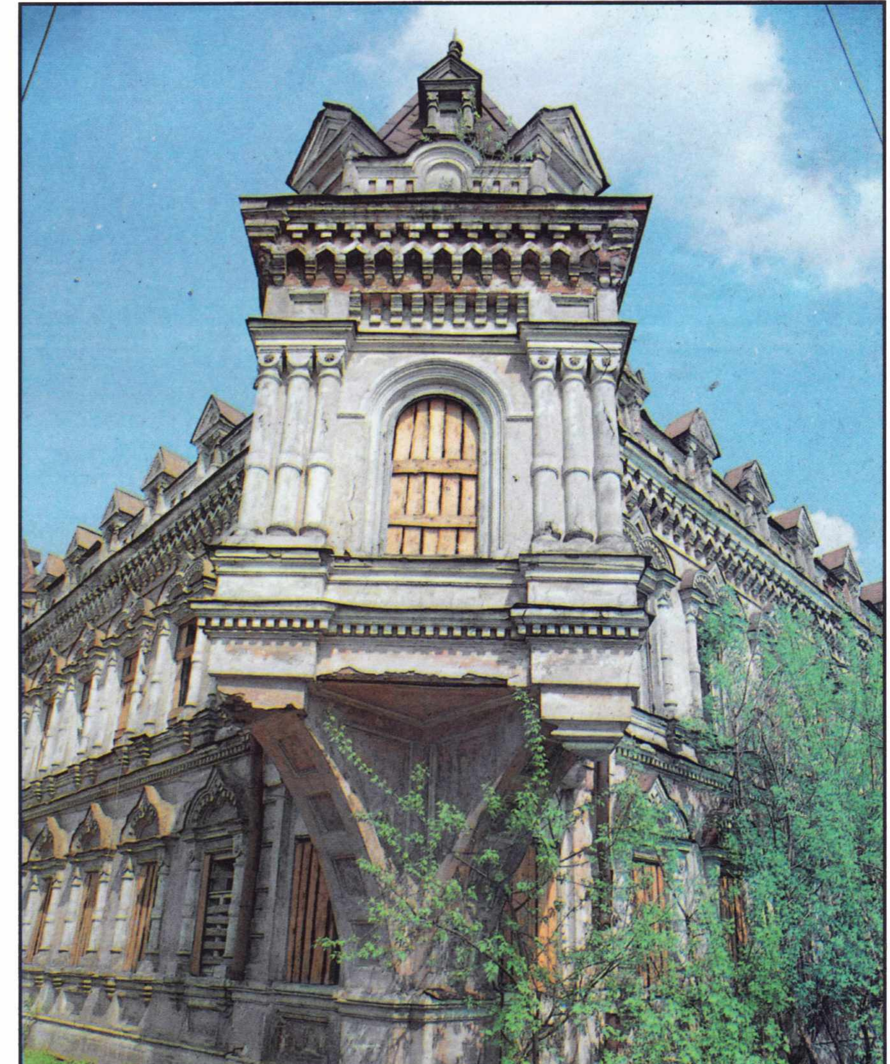
И уж совсем неожиданно: центральная улица — имени Федора Раскольникова, того самого, который написал свое знаменитое письмо вождю всех времен и народов. Причем ведет улица Раскольникова к Красной площади. Символично?

Появление в Сарапуле улицы Федора Раскольникова не удивляло. Во время оттепели Раскольников был реабилитирован, и как знаменитый земляк, именно в Сарапуле освободивший людей с баржи смерти, он вполне мог быть удостоен такой чести. Удивляло другое: как случилось, что в семидесятые, когда отношение к Сталину и сталинизму исподволь, но ощутимо реанимировалось, а за «хранение и распространение» известного письма Ф. Раскольникова немудрено было и в КГБ угодить,— могло сохраниться название центральной сарапульской улицы?

Короткое расследование дало следующий результат: да, были звонки из Москвы, да, местному руководству предлагалось подумать над названием улицы, а местное руководство подумало и — оставило прежнее. И ничего нехорошего не произошло. Оказывается, даже в те годы можно было посту-


Площадь
Красная



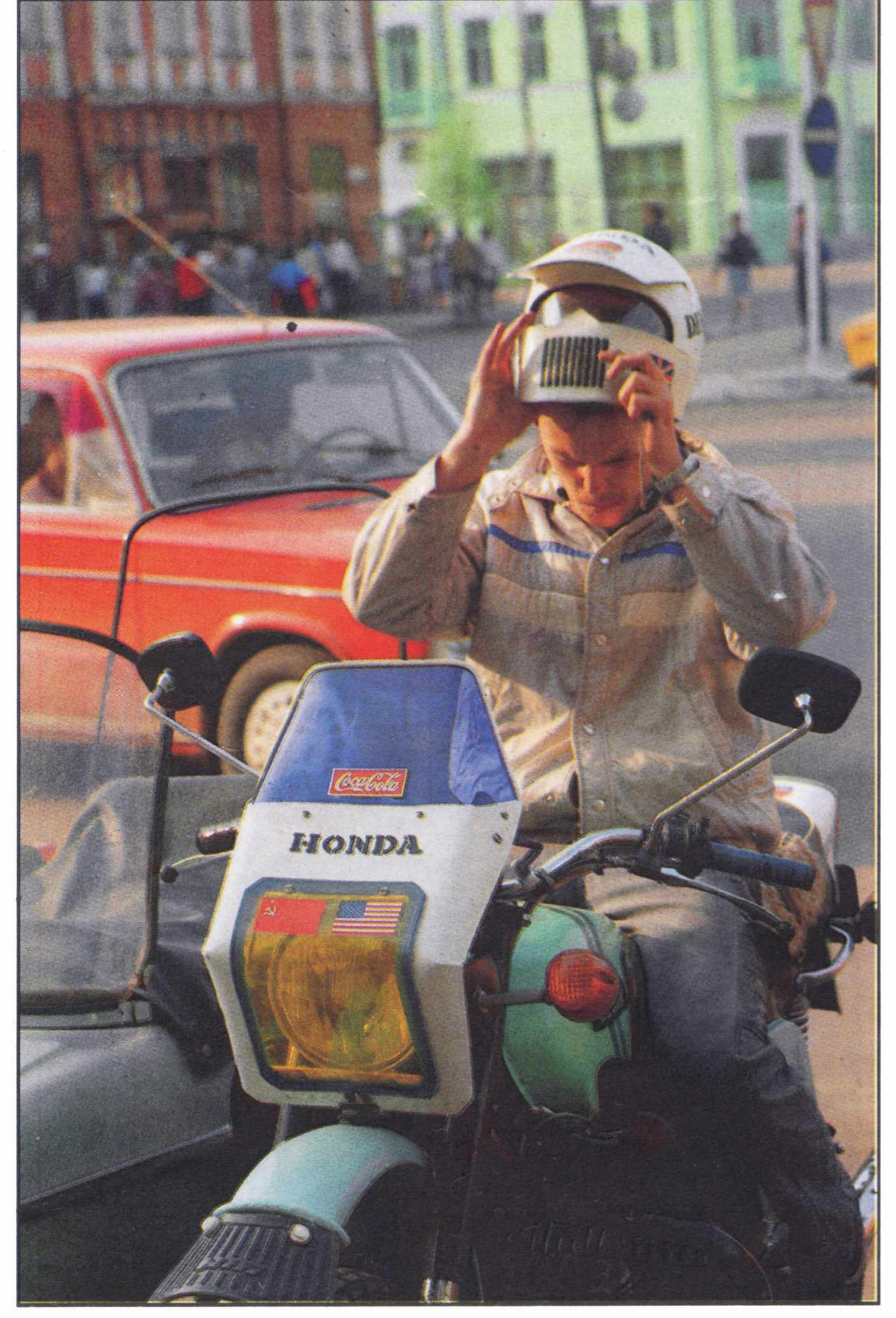



МОЛОКО
Горького




Улица
Раскольникова
Микрорайон закреплен за коллективом
12
14




Coca-Cola
HONDA


13
САРАПУЛ

пать, подумав. И это во времена, когда с легкостью менялись имена целых городов (вспомним тот же Ижевск, побывавший, к счастью, недолго, Устиновым).

Что ж, честь и хвала сарапульскому руководству за уцелевшее название. Что касается домов, на стенах которых оно красуется, тут другое дело.

Поскольку эти дома в основном старые, купеческие, никто до последнего времени трепетной заботы о них не проявлял, если только не были они связаны с историей революционного движения в Вятской губернии. О том же, что своеобразие городу придают именно эти дома — независимо от того, заседали в них большевики или нет,— как-то не думали. Как-то не приходило в голову, что само по себе социальное происхождение зданий — из купечества — не является удостоверением их порочности для социалистического города.

Кстати, поспорим о вкусах. Многие купцы, конечно, тонким вкусом не обладали. Так же, как многие рабочие и крестьяне. Но то, что некоторые, в том числе сарапульские, купцы были людьми своеобразными, видно по их уцелевшим домам. Сейчас-то дело, пожалуй, не во вкусах, не в эклектичности или архитектурной целостности того или иного здания — дело в проявленном или подавленном стремлении к красоте. У прежних хозяев города это стремление, как видно, было насущной потребностью, а вот у нынешних...

Кое-что в Сарапуле еще уцелело. Но практически все эти лепные завитушки, наличники, башенки сейчас в таком состоянии, что дети нынешней сарапульской молодежи в живых могут их уже не застать. Поэтому я и попросил нашего фотокора побольше поснимать старые здания — чтобы хоть на цветных слайдах сохранились. Но снимать сарапульские фасады оказалось делом непростым.

— Что вы внешность-то снимаете? Вы внутрь зайдите, посмотрите, как мы тут живем,— говорили нам жильцы буквально каждого интересовавшего нас дома. И мы входили в их полуподвальные (в самый раз для баров или трактиров) или, простите неологизм, «подкрышные» комнатенки. Сразу бросалось в глаза, что комнатенки сплошь заставлены кроватями, потому что надо ведь где-то спать пятерым, а то и шестерым прописанным в них жителям сарапульского центра. Сколько было обращено к нам жалоб, сколько надежд, что мы и есть та самая долгожданная московская комиссия, которая, наконец, разберется и поможет! Потому что в помощь местных властей обитатели комнатенок давно не верят. «Какое это руководство? Они сами стали, их никто не выбирал!»— сказала нам восьмидесятилетняя женщина, живущая в восьмиметровой комнатке-кухне. Сказала, заметьте, после первых в ее жизни выборов, действительно похожих на выборы. При этом побоялась назваться — наверно, из страха, что за такие слова ее могут и отсюда выселить.

Сомнение в способности местных властей решить проблемы сарапульского центра вполне основательно: в горисполкоме нас проинформировали, что в ближайшее время коренного улучшения жилищных условий жителей центральных районов города не предвидится. На средства города строится в среднем один дом в два года, а основную застройку ведут сарапульские заводы — для своих работников, в своих микрорайонах, по окраинам.

Вот и получается, что город буквально гниет, начиная с главной площади и центральных улиц. От камской воды (при строительстве новых водозащитных укреплений был нарушен дренаж), от отсутствия центрального отопления, от отношения к собственной истории и культуре как к чему-то третьестепенному.

Помните, была песенка с такими словами: «Вода, вода, кругом вода...»? Кажется, это именно про Сарапул. Кроме Камы, здесь есть еще и маленькая речка — Сарапулка. Но, несмотря на это, проблема водоснабжения города — одна из самых острых. До последнего времени работала единственная насосная станция, построенная еще купцом П. А. Башениным. Между прочим, построенная так, что и сегодня радует глаз, уже свыкшийся со сталкеровской эстетикой промышленных сооружений. Но, естественно, купец Башенин не мог предположить, что его насосная станция так долго будет обеспечивать водой весь Сарапул, с тех пор к тому же сильно разросшийся...

В общем, с водой в камском городе плохо. Выражение «сапожник без сапог» к сарапульцам применимо в полной мере. Тем более сапожным и кожевенным промыслом город славился еще в прошлом веке. Да и сейчас здесь работает большая обувная фабрика, выпускающая обувь в достаточном для магазинных прилавков количестве. Только, как сказал на Съезде народных депутатов Ю. Черниченко, лучше бы мы обувь вообще не производили.

Но вернемся к сарапульской воде. Поскольку водопроводы из старых домов поубирали (это оказалось легче, чем заменить трубы), вода проникает в них сама, без труб, через полы и потолки. Сыро в комнатенках.

Но если уж сыро, одно спасение — топить как следует.

— Две машины дров на зиму уходит,— жаловалась нам Анна Филипповна Бардукова,— и все равно холодно, а каждая машина в восемьдесят рублей обходится. При моей пенсии — семьдесят рублей — хоть не ешь, не пей и не одевайся...

Анна Филипповна одинока — детей нет, было пятеро братьев — все на фронте погибли, недавно умер муж — тоже фронтовик.

— Квартира? — переспрашивает она.— А за что же мне теперь-то, одной, квартиру давать?

По соседству с Анной Филипповной в том же доме на Красной площади, 5 — как раз напротив здания горисполкома,— живет семья Завьяловых. Николай Алексеевич — участник войны, инвалид. На особые льготы не претендует, только ванная очень нужна. До бани ему не дойти, вот и приходится мыться раз в два месяца здесь же, в комнатке, где живут пятеро, где мусорное ведро стоит у одной из кроватей: больше ставить негде.

Одним словом, обитатели этих интересных в краеведческом отношении домов живут в таких условиях, что приводить сюда экскурсии не рекомендуется.

А что, может, в самом деле посносить все и хоть коробки наши злосчастные наставить? Но чтоб каждой семье отдельную, пусть маленькую, квартирку со своей ванной, кухней... Думаю, очень многие сарапульцы с радостью согласились бы. Наверно, их можно понять?

И все-таки... Конечно, строить надо, а вот сносить — ни в коем случае. Да и строить — как-то бы все же поосновательней, поинтересней... Идею малоэтажной плотной застройки поддерживает новый главный архитектор города А. М. Силачев. Но поскольку в Сарапуле нет своего домостроительного комбината и могут быть использованы только те типовые проекты, которые были кем-то когда-то для города разрешены, он даже в самых смелых своих мечтах видит лишь комбинации из все тех же типовых проектов. Не знаю, меняется ли что-то в данном случае от перестановки слагаемых...

Но как бы то ни было, а переселять людей из домов с красивыми фасадами и сырыми потолками необходимо. Иначе желание любоваться этими фасадами пропадает очень скоро, издевкой кажется то там, то здесь мелькающая табличка: «Курение у фасада здания запрещено». Во всяком случае, я поймал себя на этом ощущении.

Но было и другое чувство: все-таки мне очень хотелось посмотреть на любимые места, ради которых несколько лет назад я без сожаления тратил два с лишним часа — туда и обратно — на междугородном автобусе.

Одно из этих мест — дача уже упомянутого купца П. А. Башенина, построенная им для жены-итальянки (видать, когда-то было не стыдно и знатную итальянку в Сарапул привезти!). Возможно, другого такого здания нет во всей стране. Как написано в сборнике «По родному краю» (Устинов, «Удмуртия», 1987 г.), в разделе «Удмуртский Суздаль», «...в облике дачи причудливо смешались старинные русские мотивы и элементы готики. Совершенно необычной особенностью памятника является то, что возведен он из кирпича и бетона, однако декорирован рустовкой и имитацией резных наличников, как деревянное здание. Обычно же встречается обратная имитация: дерева под камень...» (общий вид дачи с фонтаном — на нашей обложке).

Или другое место — над самой Камой — дом все того же П. А. Башенина. Когда я приезжал в Сарапул в последний раз, там была детская больница — решили отправиться туда...

Зрелище, открывшееся нашим глазам, было грустным. Дом, как принято писать, смотрел пустыми глазницами окон. Краска облезла. На крыше выросло деревце. «Юго-западный эркер, оригинально поставленный под углом к зданию» (цитирую ту же краеведческую книжку), грозит свалиться на головы прохожим. При расспросе живущих по соседству выяснилось: пять лет назад дом передали лесозаводу — в надежде, что более богатая организация его наконец отремонтирует (фиктивная бесплатность нашего медицинского обслуживания, очевидно, вынянчила у людей, ведающих госбюджетом, мысль, что и здоровье людей ничего не стоит, а лечебные заведения, не принося, таким образом, никакой прибыли, могут обойтись нищенскими средствами), однако новые хозяева не только не отремонтировали здание, но так и не нашли ему применения — до сих пор не въехали. В результате все пять лет дом не отапливается (ну, конечно, мы же помним: сапожник без сапог, а лесозавод, значит, без леса!), и сетуют сарапульцы, проходя мимо него: какая красота пропадает! Еще годик-другой посетуют, да и перестанут, ибо красота эта пропадет безвозвратно (см. вкладку).

Читатель может задаться вопросом: что это я какой-то дом в каком-то Сарапуле жалею, как будто в Москве и Ленинграде не происходит то же самое? О, эта поразительная наша черта: успокаиваться тем, что кому-то не лучше, чем тебе, да еще с азартом выискивать, кому и где хуже, тем и ограничивая решение всех своих проблем! Да, и в Москве, и в Ленинграде многие наши национальные сокровища в угрожающем состоянии. Говорит это об опасной болезни: нарушении у общества ценностной шкалы. Когда такое происходит с отдельным человеком, требуется помощь опытного психиатра. И все же в Москве и Ленинграде есть интеллигенция, которая бьет тревогу, что-то пытается делать. Потому есть надежда, что в столицах хоть что-то уцелеет (Кремль, например, и Эрмитаж). А вот в таких городках, как Сарапул, легко и просто может не остаться вообще ничего. Совершенно. Ну и что особенного? — возразят мне. Мало ли у нас таких городов? Им в свое время даже красивое название придумали: город-спутник. (Замечу в скобках: наверное, потому и придумали, что, как на спутнике Земли Луне, холодно в них человеку и пусто, выжить можно только с помощью личного скафандра.) Да, в самом деле у нас таких городов много и, по-моему, хватит. Больше не надо. Не хочется, проехав тысячу километров, попадать в точно такой же — типовой и тоскливый — город, как тот, из которого уезжал. И это при общепризнанной затейливости русского характера, многоукладности и многонациональности страны!

Что же нужно, чтобы еще один город, покуда имеющий свое лицо, не пополнил собой серый ряд? Средства? Конечно. Очень жаль в этой связи, что «Удмуртский Суздаль» не вошел в список городов, взятых под охрану ЮНЕСКО (все шансы войти в этот список у него были — не было людей, которые бы об этом подумали). Но не средства главное. Тем более при умелом использовании они бы очень быстро возместились, благодаря туризму в том числе. А нужно всего лишь из Васюков сделать Нью-Васюки. Уверяю вас, ничего смешного в этом нет. Если бы людям, подобным главному герою Ильфа и Петрова, не приходилось семьдесят лет смотреть на мчащийся мимо автопробег жизни с обочины, а можно было найти применение своей предприимчивости и изобретательности с выгодой для себя и общества, многие наши Васюки получили бы возможность принимать всемирные шахматные турниры. Времена меняются. Над Васиссуалием Лоханкиным все меньше хочется смеяться. Остап Бендер не кажется «лишним человеком».

Но вернемся в Сарапул. Не знаю, где нынче водятся Бендеры, но вот настоящих хозяев «Удмуртскому Суздалю» где-то найти надо. Причем обязательно людей деятельных и с выдумкой. Вроде купцов конца XIX — начала XX века, которые и сделали Сарапул «Удмуртским Суздалем». Где брать? Создать условия — и найдутся...

Сегодня же и в ближайшем будущем международные шахматные турниры посмотреть здесь не удастся. Их принимают в основном такие же небольшие города, как Сарапул, но только — в других странах...

А что же все-таки, кроме разрушающихся зданий в стиле модерн и «а-ля рус», можно здесь посмотреть? Ну что... Телевизор можно посмотреть. Кино. Есть еще краеведческий музей и театр...

Краеведческий музей в Сарапуле богатый и, кстати, первый на территории Удмуртии. Не только чучела приуральских животных можно в нем обнаружить. Во время войны сюда были эвакуированы пригородные музеи-дворцы Ленинграда — говорят, кое-что осело. Но и своего хватает. Есть здесь и деревянные боги — не надо в Пермь ехать, и редкие книги, и коллекция египетского искусства (опять же — один из сарапульских купцов собрал)... Интересен живописный отдел — когда-то сарапульцы переписывались с А. И. Куинджи и братьями Васнецовыми, имеющими непосредственное отношение к Вятской губернии, бывали здесь и написали несколько картин И. И. Шишкин и Н. А. Ярошенко... Ну и, наконец, хранятся в музее неопубликованные письма и фотографии Федора Раскольникова, овеществленные следы пребывания в Сарапуле легендарного комдива В. М. Азина, классика русской фольклористики Н. Е. Ончукова, академика, Н. В. Мельникова, Н. К. Крупской — всех не перечислишь.

Все бы хорошо, но сарапульцы вряд ли в полной мере представляют, какой у них интересный музей. Его директор В. А. Шадрин жаловался нам на то, что выставлять удается только малую часть собранного — слишком тесно для такого музея здание бывшей женской гимназии. Так что посмотреть сам краеведческий музей можно, а вот что вы увидите в нем — это кому как повезет...

Что касается театра. Когда несколько лет назад я приезжал в Сарапул, меня интересовали не только сохранившиеся приметы прежней уездной жизни, но и репетиции и спектакли его тогдашнего главного режиссера Анатолия Берладина. Режиссером он был талантливым. Незадолго до того создал один из первых в стране камерных театров — экс-театр в Тольятти: «экс» значит «бывший», то есть возрождающий традиции старого русского театра (до системы Станиславского), а еще «экс» — «экспериментальный». Об этом театре писали, его спектакли ви-

дели актеры с Таганки и из «Современника»... Большую часть времени в Сарапуле Берладин занимался тем, что подыскивал и отвоевывал здание под театр, а потом вместе с актерами перестраивал его. Несколько спектаклей успел поставить. Но открыть сезон в небольшом помещении, так подходящем Сарапулу, Министерство культуры УАССР театру не разрешило — предлагалось давать спектакли в огромном зале заводского ДК, аренда которого грозила превзойти кассовые сборы...

Квартиру в Сарапуле семья Берладиных так и не получила. Годами жить с маленьким ребенком в городской гостинице — скажем прямо, не слишком благоустроенной — было тяжело. Талантливый режиссер вынужден был уехать. С тех пор сменилось несколько главрежей. Сейчас театр снова без помещения, снова на распутье.

Так в Сарапуле обстоят дела со зрелищами. О хлебе говорить нет смысла — та же безрадостная картина, что и в большинстве наших небольших, а то и немалых российских городов.

Ау, патриоты Сарапула, этой желтой — или, может быть, золотой? — рыбки, запутавшейся в старом неводе! Не одна дымящая заводская труба вас зовет...

Кстати, есть у нас в стране, так сказать, «профессиональные патриоты», которые не стесняются бить себя кулаком в грудь, говоря о себе как о защитниках и спасителях всего русского. Вы догадались — члены общества «Память». Думаю, почему бы им не доказать свой патриотизм поступком: не тратить энергию на разоблачение мифических масонских заговоров, не лезть в литературные дискуссии, для которых им явно не хватает образования и культуры, а приложить силы на восстановление хотя бы одного старого русского города — такого, например, как Сарапул,— и организованность свою для этого использовать, и «партийную кассу». Ратовать за восстановление разрушенных Божьих храмов, конечно, стоит. Но почему бы не подумать и о старых русских крышах, протекающих над головами тех, кто под Богом ходит?

Может статься, «Память» не помнит о «Суздале на Каме»? Я, что мог, сделал — постарался напомнить, с удовольствием сделал бы и больше, да нет у меня под рукой сотни дюжих молодцев. Не в пример «сотникам» неформальной организации, претендующей на звание Народного фронта. Эх, эту бы силу да на благое дело!

Но, увы, боюсь, мои призывы со страниц «Огонька» не будут услышаны нашими «патриотами». Их восприятие настроено совсем на другую волну. Кроме масонов, теперь надо еще и «русофобов» выявлять. А это занятие долгое, непростое и особого ума требует. Лично мне иногда кажется, что бóльших русофобов, чем мы сами, русские, особенно те из нас, кто любит подчеркивать свое исконное происхождение, на целом свете не сыскать...

...Завершается пора летних отпусков. Вот бы из жаркой Москвы куда-нибудь вырваться. Только куда? На приморских курортах нельзя купаться: в Прибалтике одно, в Сухуми другое. То демократизация, то канализация... Подмосковные дома отдыха? Регламентированный распорядок, «все вместе дружно веселимся»... Что-то не хочется.

Хорошо бы — в небольшой, тихий городок на красивой русской реке, может быть, на Волге или на Каме... Маковки церквей, зеленые улочки... Широкие песчаные пляжи, уютные кафе... И, конечно, рыбалка: если сам не поймаешь, у рыбаков на берегу купишь — скажем, стерлядь!.. И чтоб приличный номер в гостинице можно было снять или опрятную частную квартирку... Что еще? Пожалуй, достаточно. За глаза.

А на теплоход можно сесть прямо в Москве. И — по Волге... По Каме... Только где он, такой городок?

Впрочем, и без всего этого — живем себе. И ничего? И ничего! И — ничего...

Начало на стр. 6.

в обобществленном стаде ЧССР возросло с 1 миллиона 530 тысяч до 1 миллиона 790 тысяч, то есть на 260 тысяч. За эти же годы индивидуальное — сократилось в семь раз: с 351 тысячи до 52,2 тысячи, иными словами, почти на триста тысяч голов. Выходит, и общее молочное стадо страны немного сократилось.

За тот же период у нас в обобществленном секторе количество коров увеличилось с 24 миллионов 242 тысяч до 29 миллионов 518 тысяч голов, а в частном (или, как говорит статистика, «у населения») сократилось с 15 миллионов 520 тысяч до 12 миллионов 925 тысяч голов. Таким образом, общее молочное стадо все-таки возросло на 2 миллиона 681 тысячу коров.

Теперь сравним, как справлялись с повышающимися запросами растущего населения обеих стран несколько сократившееся чехословацкое и немного увеличившееся советское молочные стада. В ЧССР за эти годы производство молока на душу населения увеличилось с 347 до 455 килограммов в год, у нас — с 342 до 365. Соотношение «чистой» прибавки 108:23 не в нашу, к сожалению, пользу.

Но это не все. В ЧССР на долю коров частного сектора приходится всего 2,83 процента общего поголовья, поэтому его влияние на валовое производство молока в стране малоощутимо. Практически всю нагрузку взял на себя общественный сектор. У нас население содержит почти треть (30,4 процента, если быть точным) общесоюзного стада, так что вклад этого сектора в решение молочной проблемы может быть достаточно весомым. Каким конкретно? Оказывается, личные хозяйства в 1987 году надоили всего 21,5 процента общего производства молока. Почти треть поголовья и чуть больше пятой части продукции — такое вот неожиданное соотношение. Вывод напрашивается сам: продуктивность животных на государственно-колхозных фермах выше, чем на личных подворьях. Объяснение проще простого: у частного поголовья хуже породность и постоянные проблемы с кормами.

Но причина низкой продуктоотдачи личных подворий, думаю, не только в этом. Социальные и экономические преобразования, происходящие в последнее время в нашем селе, не только не способствуют, а просто вступают в прямой конфликт с нашими планами вернуть крестьянскому подворью — как минимум — натуральную форму ведения хозяйства. Мы ностальгически мечтаем найти продуктивный симбиоз между современным положением дел в деревне и состоянием ее во времена тридцати-, сорока- или пятидесятилетней давности, когда колхозник, работая на общественной ниве, кормился все-таки с приусадебного участка и с личной, если бог дал, фермы.

Представление, что в былые времена колхозник в достатке кормил себя молоком и мясом, основано на незнании сути дела, на информации, умышленно искажавшей истинное положение вещей.

Обратимся к последнему предвоенному, 1940 году. Две трети населения страны живут в сельской местности. В личных подсобных хозяйствах содержатся три четверти коров: 21 миллион из 28 (тут, правда, следует оговориться, что в те времена коров держали не только в деревнях, но и жители рабочих поселков и даже городов). Средняя удойность каждой 1185 литров в год. Слезы, а не удои. Уму непостижимо, как можно было при таком мизере сытно кормиться да еще выгадывать толику для рынка.

Но ведь кормились и выгадывали. Только вот была ли та жизнь жизнью, вопрос другой!

В конце войны и сразу после нее мне пришлось некоторое время жить в деревне у тетки, под Ельцом. Хозяйство нашего колхоза «Красный пахарь» находилось в таком же подорванном состоянии, как и хозяйства всех артелей в округе. Практически все, что удавалось вырастить на полях, отвозилось на заготовки или шло в уплату за услуги МТС. Своим колхозникам на трудодень выдавали всего по двести граммов зерна. Фантастической легендой, поверить в которую было невозможно, выглядели воспоминания о том, как в последнем предвоенном году на трудодень отвалили по два килограмма пшеницы! Тогда выдался такой урожай, что старухи начали опасаться, не случилось бы какой большой беды. И конечно, накаркали,— следующим летом грянула война...

Вот и давайте подсчитаем. Те двести военных и послевоенных граммов зерна на трудодень стоят сегодня всего четыре копейки. Хорошая же корова могла дать в среднем в день молока (для сопоставимости будем и его считать по нынешним государственным розничным ценам) рубля на два, а то и на все два с полтиной. И было оно не только огромной, если судить по деньгам, ценностью, но и реальной пищей.

И вот недавно я вновь побывал в тех краях. Нет уже ни нашей деревни, ни соседних. Жители кто подался в город, кто съехал в село, центр сельсовета. Часть деревенских домов разобрали на кирпич, куда-то свезли. Те избы, что остались, едва торчат безжизненными развалинами из высоченной крапивы. Ни одной живой души, будто мор прошел. По пути в сельсовет встречаю старика, пасущего по обочине дороги корову. Разговорились. На все их, по здешним меркам, большое село осталось всего шесть коров. Невыгодно да и тяжело держать. Стали мы считать с ним, во что это обходится: переводили на рубли и собственные свеклу с картошкой (их ведь можно продать), вспомнили и покупной комбикорм; не забыли про деньги за сено; само собой, в учет пошли все поллитровки, которыми приходилось стимулировать труд шоферов за подвоз сена и «левого» силоса. Себестоимость литра молока потянула копеек под двадцать пять — тридцать. Сам старик со своей старухой всего удоя не выпьет, дочка с семьей живет в другой деревне. Хорошо летом: из города приезжают отдыхающие, платят за литр по полтине. А в межсезонье беда с излишками. Своим, деревенским, по такой цене не продашь. Кому очень надо, выпишет на совхозной ферме по твердой цене.

Самое интересное: дочь старика, доярка, своей коровы не имеет.

— А на кой она ей? Им, дояркам, по восемь рубликов в день платят, да у зятя-механизатора меньше десятки не выходит.— Деду считать по старинке, на трудодни, было сподручнее, чем выводить помесячную зарплату на нынешний манер.— А раз деньги есть, что хошь купят, и молоко тоже. У зятя вон своя машина: недолго и в город смотаться.

Я мысленно перевел заработки стариковой дочки на зерно. Получалось, что за день она зарабатывала столько же, сколько нашему деревенскому колхознику той давней послевоенной поры полагалось за год. Ну, зачем ей корова с ее хлопотами? Поднимись до зари. Три раза накорми-напои, три раза подои. А велик ли «чистый» доход, особенно если сопоставить его с официальным заработком?

Кому-то мои подсчеты могут показаться неубедительными. Тогда сошлюсь на данные, которые привел недавно в своем открытом письме главному редактору газеты «Правда» эстонский академик, делегат XIX Всесоюзной партийной конференции М. Л. Бронштейн. По словам этого специалиста, средняя цена реализации (с учетом надбавок) одного килограмма молока государству составляла в 1986 году для хозяйств Эстонии 34 копейки, Московской области — 46 копеек, некоторые же хозяйства Российского Нечерноземья «выколачивали» и по одному рублю тридцать копеек за килограмм. Стоит ли после этого удивляться многомиллиардным дотациям на мясо-молочную продукцию?

Но о дотациях чуть позже. Сейчас же предлагаю взглянуть на эти закупочные цены вот под каким углом. Государство вынуждено платить их не для того, чтобы озолотить животноводов, а лишь с целью обеспечить им более или менее сносные заработки и покрыть издержки, связанные с производством молока: стоимость кормов, амортизационные расходы, оплата электроэнергии, транспорта и так далее. Понятно, что в этих местностях аналогичные или, во всяком случае, очень близкие к ним траты (пусть меньшие, но все равно высокие) приходится нести и на личном подворье. Собственное парное молочко становится слишком дорогим удовольствием. И лучше всего, я думаю, понимают это сами владельцы коров. Иначе отчего бы это молочное поголовье в личных подсобных хозяйствах год от году неуклонно падает. В 1961-м, в самый разгар борьбы с личным скотом и порождаемыми им частнособственническими инстинктами, население держало 16,3 миллиона коров. В 1971-м, когда мы согласились «повернуться лицом» к крестьянскому подворью,— только 15,5 миллиона. В 1986-м, несмотря на звучавшие с высоких трибун и обращенные к селянам пламенные призывы перейти на самообеспечение животноводческой продукцией, у населения осталось только 13,2 миллиона коров. А к 1 января 1988 года и того меньше — 12,8 миллиона.

Экономика диктовала свои правила игры, абсолютно не беря в расчет наши благие пожелания.

Выходит, этот путь нам заказан? Отнюдь. Только нужно двигаться вперед, а не вспять. И прежде всего надо покончить с иллюзией, что в наше время возможен возврат к натуральному хозяйству колхозника эпохи тридцатых — пятидесятых годов. Только высокотоварный крестьянский двор может дать продукции много и по относительно низкой цене. Выгода тут обоюдная: и общества, и конкретного хозяина. Мало найдется охотников «ломаться» из-за «чистого» дохода, который приносит после вычета издержек одна корова. Зато прибыль от пяти — десяти дойных голов может стать стимулом, чтобы личную молочную ферму сделать главной опорой семейного бюджета.

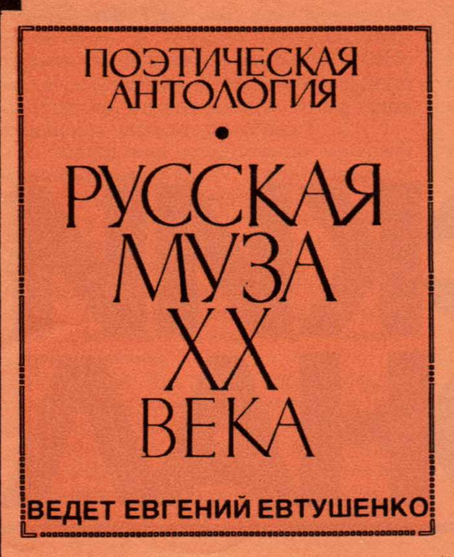
Но опять-таки испытывать новоиспеченного фермера на выживание, оставлять его один на один со всеми проблемами — значит провалить дело в самом зачатии.

Но начинать надо все-таки не с этого, а с нашей психологии. Несмотря на свою перестроечную прогрессивность, мы никак не можем побороть стереотипы, которые десятилетиями отравляли наше сознание. Десять коров на подворье? Да мы обладателя двух уже зачисляем в кулаки, «куркули», мироеды, эксплуататоры! Так уж воспитаны, что в упор не видим, не хотим видеть, что ладони мироеда и кулака задеревенели от трудовых мозолей.

Приверженность стереотипам — великая сила! Ломать хребты новому — у нее в крови. А уж опыта в этом деле...

Но, может быть, и вправду нам, подобно Чехословакии, с частным сектором не стоит огород городить? Ведь сумели же там, опираясь только на кооперативы и госхозы, решить свою молочную проблему!

Конечно, у наших друзей можно многому поучиться. Однако копирование один к одному без учета национальных особенностей не всегда дает желаемый результат. Тем более надо помнить об опыте другого нашего соседа, Венгрии, где достигнуты отличные результаты в животноводстве и в индивидуальном секторе. Разумное использование опыта и той и другой страны, приспособление его к нашим собственным условиям — самый оптимальный путь. Шарахаться из одной крайности в другую — слишком дорогое удовольствие. Шишек не оберешься. В этом мы не раз убеждались.





Константин ЛЕВИН

(1924—1984)

Знаменитое стихотворение Левина «Нас хоронила артиллерия» ходило по рукам в послевоенной Москве вместе со стихами Наума Коржавина. Константин Левин, элегантный независимый холостяк, жил литературными консультациями, к публикациям, казалось, не стремился. Перед самой смертью по моей просьбе сделал новую, лучшую редакцию своего шедевра. По мнению Слуцкого, один из лучших поэтов фронтового поколения.

* * *

Нас хоронила артиллерия.
Сначала нас она убила.
Но, не гнушаясь лицемерия,
Теперь клялась, что нас любила.

Она выламывалась жерлами,
Но мы не верили ей дружно
Всеми обрубленными нервами
В натруженных руках медслужбы.

Мы доверяли только морфию,
По самой крайней мере — брому.
А те из нас, что были мертвыми,—
Земле, и никому другому.

Тут все еще ползут, минируют
И принимают контрудары.
А там — уже иллюминируют,
Набрасывают мемуары...

И там, вдали от зоны гибельной,
Циклюют и вощат паркеты.
Большой театр квадригой вздыбленной
Следит салютную ракету.

Бойцы лежат. Им льет регалии
Монетный двор порой ночною.
Но пулеметы обрыгали их
Блевотиною разрывною!

Один из них, случайно выживший,
В Москву осеннюю приехал.
Он по бульвару брел, как выпивший,
И средь живых прошел, как эхо.

Кому-то он мешал в троллейбусе
Искусственной ногой своею.
Сквозь эти мелкие нелепости
Он приближался к Мавзолею.

Он вспомнил холмики размытые,
Куски фанеры по дорогам,
Глаза солдат, навек открытые,
Спокойным светятся упреком.

На них пилоты с неба рушатся,
Костями в тучах застревают...
Но не оскудевает мужество,
Как небо не устаревает.

И знал солдат, равны для Родины
Те, что заглотаны войною,
И те, что тут лежат, схоронены
В самой стене и под стеною.

1946—1984.

* * *

Был я хмур и зашел в ресторан «Кама».
А зашел почему — проходил мимо.
Там оркестрик играл и одна дама
Все жрала, все жрала посреди дыма.

Я зашел, поглядел, заказал, выпил,
Посидел, погулял, покурил, вышел.
Я давно из игры из большой выбыл
И такою ценой на хрена выжил...

1969

* * *

Чему и выучит Толстой,
Уж как-нибудь отучит Сталин.
И этой практикой простой
Кто развращен, а кто раздавлен.

Но все-таки, на чем и как
Мы с вами оплошали, люди?
В чьих только не были руках,
Все толковали о врагах
И смаковали впопыхах
Прописанные нам пилюли...

Ползет с гранатою на дот
Малец, обструганный, ушастый.
Но он же с бодрецой пройдет
На загородный свой участок.

Не злопыхая, не ворча,
Яишенку сжевав под стопку,
Мудрует возле «Москвича»,
Живет вольготно и неробко.

Когда-то, на исходе дня,
Он, кровь смешав с холодным потом,
Меня волок из-под огня...
Теперь не вытащит, не тот он.

И я давно уже не тот:
Живу нестрого, спорю тускло,
И на пути стоящий дот
Я огибаю по-пластунски.

70-е

* * *

Остается одно — привыкнуть,
Ибо все еще не привык.
Выю, стало быть, круче выгнуть,
За зубами держать язык.

Остается — не прекословить,
Трудно сглатывать горький ком,
Философствовать, да и то ведь,
Главным образом, шепотком.

А иначе — услышат стены,
Подберут на тебя статьи,
И сойдешь ты, пророк, со сцены,
Не успев на нее взойти.

70-е

СТАРИК

Хороший был старик Саид Умэр,
Дубленый и серебряный татарин.
Все знал про лошадей и все умел,
И был за то Аллаху благодарен.

Весьма приметен, хоть и невысок,
Был скор и прям для старого мужчины,
И белый шрам бежал через висок,
Перерубая жесткие морщины.

Бывало, за день не раскроет рта,
Толчется меж коней, широкогрудый,
Батыя забубенная орда
В нем с турками перемешалась круто,

И вышел ничего себе замес.
А в девяностые примерно годы,
Наехавши сюда из разных мест,
Томились барыньки — каков самец! —
На лоне расточительной природы.

Но тех забав сошел кизячный дым.
Запомнилось другое в полной мере:
Как раза два беседовал с Толстым
О лошадях, о жизни и о вере.

Мне было девять, шестьдесят ему.
И я за ним ходил, как верный сеттер,
В той, довоенной Гаспре, в том Крыму,
Годок стоял на свете тридцать третий.

Когда меня, плохого ездока,—
Не помогли ни грива, ни лука —
Конь сбросил, изловчившись втихомолку,
Тяжелая татарская рука
Мне на плечо сперва легла, легка,
Потом коню на трепетную холку.

Он примирял нас, как велел Аллах,
И оделял домашней вкусной булкой,
Старик в потертых мягких постолах,
Ах, как же бредил я такой обувкой!

Но вышло расставаться. Ухожу.
Прощаемся в рукопожатье твердом...
Как было в сорок первом — не скажу,
Но вот что деялось в сорок четвертом.

В тех, главных, что-то дрогнуло усах,
Судов не затевали и для вида.
На студебеккерах и на зисах
Та акция вершилась деловито.

В одном рывке откинуты борта.
В растерянности и с тоской немою
Стоял старик, не разжимая рта,
Глядел на горы, а потом на море.

С убогим скарбом на горбу в мешке
Грузился он с родней полубосою.
Нет, не укладывается в башке,
Что мог он к немцам выйти с хлебом-солью.

Быть может, кто и вышел. Этот — нет!
Не тот был норов и закал, и сердце.
В степи казахской спи, татарский дед,
Средь земляков и средь единоверцев.

70-е

ПАМЯТИ ФАДЕЕВА

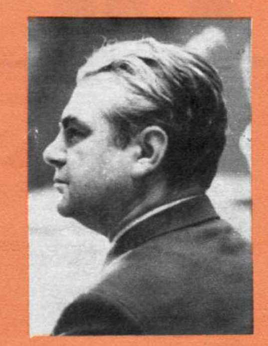
Я не любил писателя Фадеева,
Статей его, идей его, людей его,
И твердо знал, за что их не любил.
Но вот он взял наган, но вот он выстрелил —
Тем к святости тропу себе не выстелил,
Лишь стал отныне не таким, как был.

Он всяким был: сверхтрезвым, полупьяненьким,
Был выученным на кнуте и прянике,
Зубами скрежетавшим по ночам.
А по утрам крамолушку выискивал,
Кого-то миловал, с кого-то взыскивал.
Но много-много выстрелом тем высказал,
О чем в своих обзорах умолчал.

Он думал: «Снова дело начинается».
Ошибся он, но, как в галлюцинации,
Вставал пред ним весь путь его наверх.
А выход есть. Увы, к нему касательство
Давно имеет русское писательство;
Решишься — и отмаешься навек.

О, если бы рвануть ту сталь гремящую
Из рук его, чтоб с белою гримасою
Не встал он тяжело из-за стола.
Ведь был он лучше многих остающихся,
Невыдающихся и выдающихся,
Равно далеких от высокой участи
Взглянуть в канал короткого ствола.

60-е



Марк МАКСИМОВ

(1918 — 1986)

В 1940 году окончил литфак Киевского пединститута. Во время войны попал в плен, бежал, сражался в особом партизанском соединении «13» на Смоленщине. Лучшие стихи Марка Максимова — именно партизанские, имеющие силу поэтического документа.

МАТЬ

Жен вспоминали
на привале,
друзей — в бою.
И только мать
не то и вправду забывали,
не то стыдились вспоминать.

Но было,
что пред смертью самой
видавший не один поход
седой рубака вскрикнет:
«Мама!»
...И под копыта упадет.

1945

БАЛЛАДА О ЧАСАХ

Врага мы в полночь окружить хотели.
Разведчик сверил время — и в седло!
Следы подков запрыгали в метели,
и подхватило их, и понесло...

Но без него вернулся конь сначала,
а после мы дошли до сосняка,
где из сугроба желтая торчала
с ногтями почернелыми рука.

Стояли сосны, словно часовые...
И слушали мы, губы закусив,
как весело — по-прежнему живые —
шли на руке у мертвого часы.

И взводный снял их. Рукавом шершавым
сердито льдинки стер с небритых щек,
и пальцем — влево от часов и вправо —
разгладил на ладони ремешок.

— Так, значит, в полночь, хлопцы!
Время сверьте!..

И мы впервые поняли в тот час:
как просто начинается бессмертье,
когда шагает время через нас!

1943 — 1946

Игорь ФЕЙН

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ ПРОФЕССИОНАЛ

В ноябре 1982 года сборная СССР по баскетболу совершала традиционное турне по Соединенным Штатам. Хозяева были очень недовольны составом советской команды, ибо делали рекламу (и соответственно рассчитывали на доходы) для чемпионов мира: за несколько месяцев до турне наша сборная выиграла мировое первенство в Колумбии. Да, в той сборной не было пяти баскетболистов ЦСКА, в те годы игравших главные роли в мировом баскетболе: Еремина, Мышкина, Лопатова, Тараканова, Ткаченко. И вообще чемпионов мира было только шесть из одиннадцати. Но у Александра Гомельского, старшего тренера сборной, были два козыря, о которых американцы еще не знали. Вернее, об одном немного знали, но всерьез, как и остальных «мальчишек», еще не воспринимали. Я, конечно, об Арвидасе Сабонисе. Второй козырь — юноша со странным сочетанием имени и фамилии — Хосе, но Бирюков.

То турне сборная клубов СССР провела с поистине триумфальным успехом. Фурор произвели Сабонис и Бирюков. Гомельского и руководителя делегации Витаса Ненюса наперебой стали атаковать менеджеры профессиональных клубов и предлагать за этих двоих умопомрачительные гонорары. Естественно, все это было несерьезно: тогда советские спортсмены даже думать не могли о возможности выступать в зарубежном клубе (хотя это уже практиковалось в других социалистических странах). И не знаю, как бы сложилась судьба Хосе Бирюкова, если бы его мама, Клара Агиррегеврия, прибывшая из Испании во время второй мировой войны среди сотен других испанских детей, не получила приглашение уехать на родину.

После триумфальной поездки сборной СССР в США за Хосе всерьез «взялись» менеджеры одного из сильнейших и финансово благополучных, если прямо не сказать богатейших, клубов Европы — мадридского «Реала». Да, вот уже и Испания открыла Хосе Бирюкова, благо что он отменно проявил себя и на традиционном предновогоднем турнире в Мадриде, и в матчах московского «Динамо» в розыгрыше Кубка Корача (аналог футбольного Кубка УЕФА).

Летом 1983 года сборная СССР едет на чемпионат Европы, едет без Хосе. Почему? Одни утверждали, что он еще не готов для сборной (был готов, а теперь нет?). Другие — что просто не прошел в состав, оказался «тринадцатым лишним» (в команду входят двенадцать игроков). Правы же были третьи, поведав мне «под большим секретом» (да, к сожалению, тогда об этом можно было говорить с оглядкой), что Хосе — «в подаче». Что означает этот своеобразный термин, объяснять, видимо, нет нужды.

И действительно, в новом сезоне Хосе Бирюкова в составе московского «Динамо» уже не было.

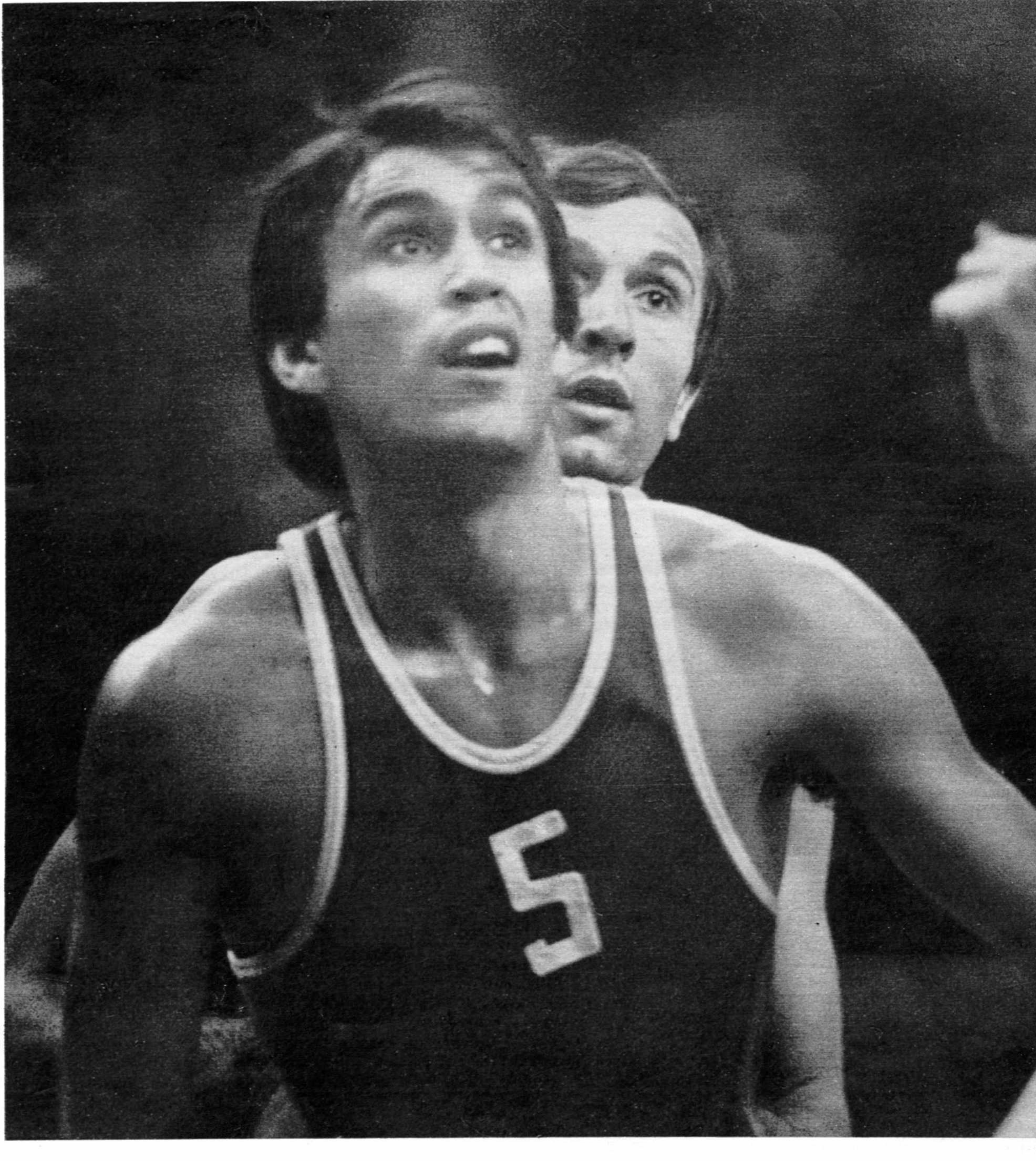


Фото Дмитрия Азарова

Что же произошло? Кое-что выяснилось при скомканных встречах (Хосе усердно оберегали от общения с соотечественниками, оберегали, как вы понимаете, не испанцы) в Москве и Каунасе, куда «Реал» приезжал играть с ЦСКА и «Жальгирисом», в европейских кубковых турнирах. Да, Хосе был с командой, с «Реалом», но сидел «на банке», даже не переодевался в спортивную форму, не был и в заявочном списке мадридцев....

— Все в порядке, но жду гражданства,— сказал он мне в первый приезд.

То же самое («все „о'кей"»), но добавив: «Жду натурализации»,— сказал и в Каунасе.

Это мало что добавляло к недоумению по поводу его отсутствия в большом баскетболе. Хотелось узнать подробности. Способ был найден простой. Воспользовавшись командировкой в Испанию своего коллеги, передал с ним большой вопросник для Хосе с просьбой как можно четче ответить на все мои вопросы. Знал, что Хосе очень ответственно относился к нашим беседам, но тут он превзошел все мои ожидания. Мне привезли не листочки с ответами, а подробнейший, полуторачасовой рассказ Хосе Бирюкова, записанный на магнитофонной кассете. Так и появилось это интервью первого советского профессионала.

— Почему же ты так долго не появлялся в составе «Реала», хотя ребята из сборной страны, из ЦСКА, из «Жальгириса», которые выступали в Испании, рассказывали, что в товарищеских матчах ты играл?

— Когда мне предложили контракт в Испании, в «Реале», мама решилась: можно ехать. Она верила в меня, верила, что я пробьюсь в испанском баскетболе, если уж в советском кое-чего добился. Советский баскетбол в Европе котируется очень высоко. За меня говорило только одно: что я играл за сборную Советского Союза. Это — лучшая характеристика.

В первый год я не играл вообще, практически начинал с нуля. Да и надо было ждать гражданства Испании (советское у Хосе осталось.— **И. Ф.**). Меня «выпускали» только в контрольных или товарищеских матчах. Выпускали не то слово: «подпускали», на несколько минут. Так было и на второй год, когда я уже получил право выступать в чемпионате Испании, розыгрыше Кубка страны, в очень для испанских баскетболистов престижном турнире — Кубке короля. Как говорят в баскетболе, я был «седьмым», то есть вторым запасным. На третий год я уже выходил в стартовой пятерке. На четвертый — основной игрок «Реала», сборной Испании. Так что я не спился, не разбился, как ходили, я знаю, слухи в Москве...

— Где тебе было труднее: в «Динамо», когда ты туда только пришел, или в «Реале»?

— В общем-то, и тогда, и теперь встретили хорошо. В «Динамо» создавалась фактически новая команда, почти все были молоды, амбициозны, хотели играть и побеждать, меня приняли как равного. В «Реале» отнеслись очень дружелюбно. Не знаю уж, чем это объяснить, но даже ветераны и звезды — Карбалан, дель Корраль, Руллан, Мартин — встретили очень хорошо, никаких проблем не возникало. Если и были, то чисто игровые, рабочие — это в порядке вещей. Окружили меня теплотой, заботой. Может быть, понимали, как мне непросто. Был ведь и языковой барьер. А я знал, что обычно новичков встречали совсем по-другому.

— А отношение к делу в советском клубе и в «Реале»?

— Вот тут разница колоссальная. Во всем. Мог бы ответить одним словом: здесь мы — профессионалы. Профессионалы относятся к делу очень серьезно и ответственно. Хочешь хорошо зарабатывать, нужно много играть. Хочешь играть, надо как следует вкалывать. Все зависит от тебя, никаких нянек, контролеров. У всех очень сильное внутреннее чувство ответственности. Главное — самодисциплина, самоконтроль. Никакого дуракаваляния, никакого разгильдяйства, «нарушений режима», гулянок. Конечно, ничто человеческое нам не чуждо. И в гости ходим, и в рестораны, особенно в вечер после матча, когда впереди день отдыха. Но гулять без удержу не можем, никаких развлечений до трех — пяти утра. Каждый блюдет себя, каждый сам себя готовит к тренировке, к игре. В «Динамо», что скрывать, и я, и другие молодые, да и ветераны тоже, позволяли себе многое из того, что там проходило, а здесь не прошло бы. Вернее, раз проскочил бы, два, три, а потом все равно такие «расслабления» сказались бы на игре, и ты бы вылетел из команды.

В «Динамо» у нас постоянно были сборы. Мы уезжали в Новогорск, на другие базы. Сидели на сборах месяцами, почти без перерывов. Здесь тренировались, здесь питались, здесь отдыхали, здесь спали. То же было и в сборной СССР. За нами был постоянный контроль. Может быть, и поэтому некоторые срывались: запретный плод сладок. В Испании никаких сборов нет. Нет таких жестких тренировок — двух-, а то и трехразовых. Только недели за две до начала чемпионата Испании мы тренируемся так напряженно: тоже по два раза в день, по полтора-два часа. Однако живем дома, завтракаем, обедаем, ужинаем дома, досуг проводим, как кто и где хочет. К определенному времени собираемся на тренировку, на матч, то есть, все построено на доверии.

— Где лучше готовят игроков: в Испании или в СССР? Где тебе проще было играть?

— Конечно, в Союзе дело подготовки баскетболиста поставлено значительно лучше. Через сеть ДЮСШ, под руководством квалифицированных тренеров проходят сотни, тысячи ребят. С десяти и до восемнадцати лет ты получаешь такую закалку, о которой можно только мечтать. Особенно если говорить о физических качествах. Я легко адаптировался в Испании, поскольку здесь нагрузки не идут в сравнение с теми, что я испытывал в детской спортшколе, в ЦСКА, в «Динамо», в сборной СССР. Такой постепенной системы «подводки» игрока здесь нет. Здесь парень, любящий баскетбол, предоставлен сам себе. Он тренируется в обычной школе, в которой и учится, под наблюдением преподавателя физкультуры. По окончании школы приходит в клуб, где с ним занимаются уже серьезнее, занимаются тренеры основной команды. И лишь богатые клубы («Реал», «Барселона», КАИ из Сарагоссы, «Хувентут» из Бадалоны и некоторые другие) могут позволить себе брать 13—15-летних юнцов и готовить их для себя. Поэтому здесь нет понятия «первый тренер», каким для меня был и остается Равиль Семенович Черементьев из ДЮСШ Советского района. Он научил меня азам баскетбола, он многое сделал, чтобы я стал мастером. Но он же был для меня как второй отец, он вел меня по жизни, когда я был в том возрасте, который называют «трудным». Ему я благодарен по сей день и навсегда. Прошу передать ему и привет, и мою признательность...

И вообще я крайне тепло вспоминаю людей, которые дали мне дорогу в Большой спорт, в Большой баскетбол. Скажем, Евгений Яковлевич Гомельский как бы вытолкнул меня наверх. Он доверял мне, что очень важно: я играл — играл много. А только играя, становишься чем-то... Его старший брат, Александр Яковлевич Гомельский, взял меня в сборную, возил в США, на турниры в другие страны. Я много испытал и многое понял, поверил в себя. Без всего этого не было бы баскетболиста Хосе Бирюкова, игрока такой команды, как «Реал», где звезд повидали.

— Не жалко было уезжать?

— Страшно жалко. Первый год в Испании даже думал, что не выдержу. Нет, не из-за незнания языка: это быстро ушло. Просто тосковал по родной динамовской команде, по Москве, по друзьям: у меня их много. Команда же у нас была очень неплохая. Мы играли в интересный, своеобразный, я бы даже сказал, в свой, фирменный динамовский баскетбол (кстати, похожий на испанский — тоже резкий, азартный, динамичный, быстрый). Никто больше так не играл. И это сделали мы, молодые, с тренерами и ветеранами — Володей Жигилием, Колей Фесенко, Володей Головенко, которые рядом с нами и сами помолодели. Была у нас и стабильность. Никого не боялись, а нас все, даже ЦСКА, побаивались. Такое не забывается.

— Какая была система оплаты игрока в «Динамо» и какая она у тебя в «Реале»?

— Ну, в «Динамо», теперь, кажется, об этом можно говорить, была у нас фиксированная зарплата и премии за отдельные матчи. Здесь все по-другому.

В Испании действует система контрактов. Иногда контракты пересматриваются по окончании сезона. Так было и у меня: начал с одной суммы (высокой по меркам европейского баскетбола), сегодня получаю значительно больше. Выплачиваются не все деньги сразу. Ты получаешь 2 тысячи долларов в месяц лишь на необходимые расходы. Скажем, при контракте в 100 тысяч долларов тебе выдаются, значит, 24 тысячи. Затем оставшуюся сумму делят пополам и выплачивают по 38 тысяч два раза в год: в июне и в декабре. Но есть еще и премии. Они для всех игроков — первых номеров и последних запасных — одинаковы. Сумма премии разнится в зависимости от того, в начале или конце сезона выигран матч (в конце сезона размер премии повышается, матчи ведь более важные), на своем или чужом поле, в предварительной части чемпионата или в серии «плей-офф». За год «набегает» еще тысяч 15—20 долларов.

Что касается «порше», на котором меня видели и в Москве, то я его не покупал: фирма предоставила мне его для рекламы. От рекламы, естественно, и другие доходы. Правда, я только-только начинаю присматриваться к предложениям рекламировать ту или иную продукцию...

— Да, но по последним сведениям от ребят из нашей сборной, если ты заключишь договоры на рекламу, то будешь стоить 3,5 миллиона долларов...

— Приблизительно так...

— Если игрок заканчивает карьеру, чем он занимается? Действительно ли, как у нас раньше писали, его выбрасывают на улицу, и он оказывается у разбитого корыта?

— Ерунда. Практически все баскетболисты получают образование (я вот тоже хочу закончить учебу в Центральном институте физкультуры в Москве, поскольку вроде бы не исключен, а переведен на заочное отделение) и могут работать по профессии. Например, наши ветераны Карбалан и дель Корраль — медики, в медицину и ушли. А можно вложить заработанные за годы в спорте деньги в какое-нибудь дело, в бизнес. И я подумываю об этом. У меня есть менеджер, это близкий мне человек, которому всецело доверяю — двоюродный брат. Он занимается моими проблемами.

Вообще же я еще собираюсь долго играть. Здесь никто не выгоняет, как это делается в СССР, только за возраст. В Испании (да и вообще в Европе, тем более в НБА) играют до тридцати пяти, даже до сорока лет. Игрок сам чувствует, готов он играть в сильном клубе или не готов. Тогда уходит в клуб послабее, доигрывает там, но ущемленным себя не чувствует. Так поступил наш Руллан, ему 39, а он играет. Нет, за бортом оказываются только разгильдяи, пьяницы. Такие и здесь есть, но их единицы.

— Кстати, а как ваша семья устроилась?

— Нормально. Обо мне ты уже знаешь. Отец работает: был шофером, развозил школьные завтраки. Теперь сам владеет небольшой фирмой, которая тем же и занимается. Работает и старший брат. Так что жаловаться нам не на что. У меня игра идет, стал основным игроком сборной Испании. До 35 лет буду играть непременно.

— А можешь уйти в другой клуб, в НБА?

— Туда очень трудно попасть: и своих игроков хватает, из университетов каждый год столько классных ребят заключают контракты! За их спиной такая школа, какой у нас нет. Поэтому никто из европейцев в НБА не пробился по-настоящему и не прижился там. А быть на вторых ролях не хочется. Я играть хочу. Во-вторых, финансово в Испании ничуть не хуже.

— Какие у тебя отношения с публикой, с прессой? Важно ли это в Испании? Ведь в СССР, если помнишь, от этих отношений ничего не зависит: потому и капризничают звезды, когда просишь их об интервью, потому и публика не ходит на стадионы, во дворцы, что практически не чувствует своей причастности к происходящему...

— Э, у нас так нельзя. С прессой надо дружить. Журналисты здесь народ бесцеремонный, пишут, что хотят — свобода слова. Никто им запретить не может. Не будет контактов с прессой — такое понапишут! Или, наоборот, вообще писать не будут, замечать перестанут. И то, и другое плохо: сразу скажется на доходах. Кому ж резон из-за каких-то капризов терять собственные деньги. Поэтому и интервью даю (правда, я от них и в Москве, как ты знаешь, никогда не отказывался), и автографы.

— Где выше средний уровень баскетбола — в СССР или в Испании? Где сильнее тренеры?

— Сложный вопрос. Его надо расчленить. Вернее, так: сборная СССР намного сильнее сборной Испании (хотя испанцы не раз советскую команду «наказывали»). Но клубы сильнее здесь. Ведь и мы, «Реал», уже обыгрывали сборную СССР. И если идти по турнирной лестнице сверху вниз, скажем, «Реал» против ЦСКА, «Барселона» против «Жальгириса» и так далее, то перевес на стороне испанцев. Может быть, только «Жальгирис» посильнее. Так ведь это когда играет Сабонис.

Такое соотношение сложилось по двум причинам. Во-первых, наличие американцев, югославов. Во-вторых, регулярное участие в серьезных международных турнирах, прежде всего в розыгрышах европейских кубков. В СССР один-два клуба усиливаются за счет других. У нас равные возможности для усиления имеют все. В СССР лишь шесть команд за последние пятнадцать лет выступали в Кубке чемпионов, Кубке кубков или Кубке Корача, а в основном играют две — ЦСКА и «Жальгирис», то есть два с половиной десятка игроков.

Общий уровень тренеров в Испании тоже выше, хотя, может быть, нет таких метров, как Гомельские, Кондрашин, Селихов, Гарастас. И объясняется это просто: наличием информации. То же участие в кубках — информация. Постоянные трансляции матчей чемпионата НБА — информация и учеба. Газеты и журналы (в Испании четыре специальных баскетбольных журнала — в СССР ни одного.— **И. Ф.**) с очень скрупулезным, подробным рассказом и анализом матчей внутреннего чемпионата, кубковых турниров, первенства НБА, даже чемпионатов других стран — тоже информация. Советские тренеры, основная их масса, такой информации лишены.

— Кто из баскетболистов сегодня в Европе сильнейший? Какова твоя позиция в испанском баскетболе? Прочитал в западногерманском журнале "Дер Баскетбалль", что два последних сезона тебя называли лучшим игроком Испании...

— Нет, я не лучший, не лучший. Скажем так: один из лучших. Правда, у нас трудно выделить лучшего. Ведь выбор делают не среди одних только испанцев, но из всех, кто играет в испанских клубах, а это и американцы классные, и югославы (один Дражен Далипагич чего стоил). Так что если взять пятнадцать самых-самых безотносительно к национальности, то я в это число вхожу. Лучший в Европе, безусловно, Сабонис.

— Что ты ощущаешь, играя с советскими баскетболистами?

— Сначала странное было какое-то ощущение: против своих же играл, против тех, с кем еще недавно играл за сборную Союза. Потом волнения стало меньше, хотя некоторую дрожь чувствую до сих пор. Но желание всегда только одно: сыграть как можно лучше. Вроде бы получается. Тем не менее у меня среди них много друзей, мы с удовольствием общаемся, когда есть возможность, вспоминаем былое. Да и в Москве я нередко бываю. Так что чужим себя для советских баскетболистов не считаю. И буду рад, если не ошибаюсь, если они тоже меня своим считают. Так что желаю им успехов и обязательно удачи. Удача спортсмену очень нужна. И — до новых встреч как на площадке, так и вне ее. В конце концов не одним же баскетболом мы живы....

СТАРЕНЬКИЙ ИВАНОВ

Кир БУЛЫЧЕВ

РАССКАЗ

Разумеется, он не всегда был стареньким. Это он только в последние годы стал стареньким. Его койка стоит в убежище рядом с моей, и он мне показывал свои детские фотографии.

Иван Иванович, серьезный, худенький, одетый почему-то в девичье платьице, сидит на коленях у массивной женщины в большой шляпе и с выходящим из живота обширным бюстом.

— Похож? — спросил Иван Иванович.

— Похож,— сказал я.

— И всегда был похож,— сказал Иван Иванович.— А это моя мать. Она меня воспитывала в бедности, но строгости. Папа нас оставил в младенчестве.

С первого взгляда ясно, что иначе воспитывать она не умела.

Историю своей интересной жизни Иван Иванович рассказывал мне не по порядку. Теперь же, когда его нет среди нас, я разложил его воспоминания в хронологическом порядке. И мне открылись некоторые любопытные закономерности.

1917-й год Иван Иванович встретил гимназистом последнего класса. Он был хорошим учеником, но не блестящим, и потому его любили учителя. В классе он ни с кем не дружил, потому что друзей ему подбирала мама, а ему хотелось дружить с другими. Самое яркое воспоминание того года — получение премии за перевод Овидия.

На демонстрации Иван не ходил, потому что мама велела ему получить достойный аттестат зрелости, полагая, что он пригодится при любой власти. К тому же Иван Иванович всегда боялся толпы. Он был невелик ростом, худ и очкаст. Таких бьют при любом народном возмущении.

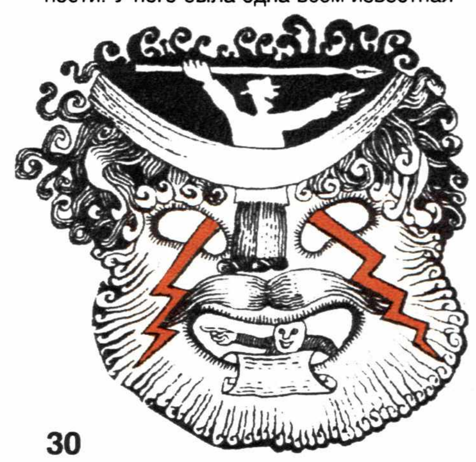
В 1918 году Иван Иванович поступил на службу. Аттестат ему не понадобился. Он был делопроизводителем в Москультпросвете, но ездить на работу было далеко. Они с мамой жили на Сретенке, а учреждение располагалось на Разгуляе. Так что когда Иван Иванович увидел объявление о том, что делопроизводители требуются в Госзерне, что помещалось напротив клиники на Садовом, он перешел туда.

Впервые его исполнительские способности проявились именно там.

То есть способности были и ранее. Иван Иванович был аккуратен, вежлив и тих. Он никогда не выступал на собраниях и чурался общественной деятельности. У него была одна всем известная слабость. Смысл жизни для Ивана Ивановича заключался в получении премий. Обычно он работал от сих до сих. Правда, добросовестно. Но, если он узнавал, что за такое-то задание положена премия, он мгновенно преображался. Он готов был просиживать на службе ночами, мог своротить Гималайские горы совершенно независимо от размера этой премии. Само слово «премия» вызывало в нем внутренний ажиотаж, подобно тому как словом «щука» можно свести с ума заядлого рыболова, а запахом водки — алкоголика.



Рисунок Виктора КОВАЛЯ



В период нехватки продовольствия произошел первый случай из длинной череды подобных, который обратил на исполнителя внимание руководства.

— Если кто-нибудь из вас, архаровцы, придумает, как отыскать эшелон с пшеницей, что затерялся на пути между Белгородом и Москвой,— сказал начальник подотдела Жариков, заходя в большую гулкую комнату, где сидели тридцать сотрудников подотдела,— он получит премию.

— Я найду,— сказал тихий Иванов, приподнимая худенький зад над стулом.— Только мне надо выписать мандат.

В комнате засмеялись, а товарищ начальник подотдела Жариков, однорукий матрос с «Ретвизана», сказал:

— Зайди ко мне.

Иванов, под хихиканье коллег, прошел за перегородку, где проницательный Жариков сказал:

— Если не шутишь, бери мандат и чтобы через два дня зерно было в Москве. Не доставишь, пойдешь под ревтрибунал. Охрану дать?

— Ни в коем случае,— испугался Иванов. Он не выносил вида винтовок.

Вечером второго дня осунувшийся Иванов, в пальто без правого рукава, с кровавой ссадиной через щеку вошел в кабинетик товарища Жарикова, который за неимением другого угла там и ночевал.

— Состав на Брянском вокзале,— сказал он и упал в обморок.

Жариков отпоил Ивана Ивановича горячим чаем. Потом взял трубку и позвонил на Брянский вокзал. Иванов не врал. Состав стоял там. Может быть, Иванов и рассказал Жарикову, как он совершил такой революционный подвиг, но мне Иван Иванович о подробностях не рассказывал. Известно лишь, что Жариков предложил Иванову наградить его почетным революционным оружием, но тот сказал, что хотел бы получить положенную премию. На следующее утро Иванов сложил в дерматиновую сумку два фунта воблы, фунт муки и полфунта леденцов. Остальные сотрудники подотдела готовы были растоптать его от ненависти.

С тех пор так и пошло. Если надо было сделать невыполнимую работу, Жариков приходил в комнату и говорил Ивану Ивановичу, что тот по выполнении ее получит премию. И тот выполнял любую работу. Одна недоброжелательница прозвала его даже Василисой Премудрой. Но прозвище не привилось, потому как было длинным.

Тем более она сама его быстро забыла, потому что Иван Иванович, теперь уже замначальника подотдела, сделал ей предложение, и она переехала к нему на Сретенку. Они прожили два года, но потом Соня, как звали жену Иванова, не выдержала притеснений его мамы, которые были тем более невыносимы, что приходилось жить в одной комнате в коммунальной квартире, уехала от него, хотя развода не взяла.

В 1924 году Госзерно реорганизовали, Жарикова кинули на укрепление коммунального треста, и тот, уходя, взял с собой Ивана Ивановича.

Там прошло несколько лет. Иван Иванович ничем особенным не отличался, хотя и совершил несколько небольших подвигов, оцененных премиями. Года через два умерла мама, полагавшая, что сына недооценивают. Жена Соня после этого вернулась к Ивану Ивановичу, и у них родилась дочь. Жизнь налаживалась.

Иван Иванович показывал мне фотографии того времени. Он, еще молодой, но строгий, стоит рядом с женой Соней, которая держит на коленях дочку, очень похожую на Ивана Ивановича в детстве.

Ивану Ивановичу запомнилась от тех лет премия в виде наручных часов в стальном корпусе — эту премию он получил за то, что разработал и провел в жизнь идею товарища Жарикова о создании цепи современных бань в подотчетном районе. Задача была сложная, достойных помещений не хватало, а народу надо было мыться. Жариков обратился к Ивану Ивановичу и сказал:

— Будет премия.

Иван Иванович думал три дня. Он ходил по Москве, рассматривал дома и строения. Наконец, удовлетворенный, вернулся за свой небольшой стол и написал, а затем подал по начальству докладную записку о размещении бань в некоторых церквах. Там толстые сте-

ны и даже встречаются подвалы, где можно разместить котлы.

Жариков несколько смутился, опасаясь, не слишком ли радикально решение Иванова. И премию выдать воздержался, пока не провентилирует вопрос в Моссовете.

Иванов был обижен. Он привык уже, что, если премию обещали, премию должны дать. Так и сказал жене. Жена Соня сказала, что лучше пожить без премии, чем принимать такое решение. Иванов ничего не ответил жене, но той же ночью написал письмо в ОГПУ, где разъяснил свои разногласия и честно поведал об обещанной премии. Жариков больше на работу не пришел, но Иванову его место не отдали, как беспартийному. Впрочем, Иванов на него и не претендовал, так как был идеальным исполнителем, а не организатором.

Новый начальник подтвердил, что премия Иванову положена, однако после того, как тот лично проведет операцию по передаче церквей под бани. Иванов честно провел эту операцию и был премирован стальными часами, которые носил до старости.

Умение с выдумкой исполнить принесло Ивану Ивановичу еще одну премию в размере месячного оклада в середине тридцатых годов, когда в коммунальном тресте был обнаружен правотроцкистский заговор на немецкие деньги. Сверху спустили разнарядку, в которой было сказано, что в тресте есть восемнадцать участников заговора, во главе которых стоит Семенов. Но более ничего не уточнили.

Начальник был растерян и призвал Иванова.

Иванов прочел письмо из ОГПУ и спросил, а может ли он рассчитывать на премию, если удачно выполнит поручение? Когда получил соответствующее обещание, он взял список сотрудников, в котором нашел семнадцать Семеновых и двадцать одну Семенову. Из них и составил список участников правотроцкистского заговора на немецкие деньги. Начальник колебался, потому что от него требовалось лишь восемнадцать заговорщиков, а если отыскать тридцать восемь, то не останется кандидатов для следующих заговоров.

Тогда Иванов, почувствовав, что рискует остаться без премии, переслал второй экземпляр списка в ОГПУ. На следующий день начальник не пришел на работу, а Иванов получил премию в размере месячного оклада.

Его жена Соня выразила сомнение, правильно ли Иванов ведет себя. Тот даже не рассердился.

— Я же получил премию,— сказал он.— Зря премии не дают. Мама была бы рада.

Его жена Соня навсегда уехала от мужа, взяв с собой дочку. Она поселилась у родственников под Запорожьем.

Иванов посылал алименты на воспитание дочери, а когда получал премию, присылал больше. Если Соня получала денег больше, чем рассчитывала, она долго плакала.

Последний раз Иван Иванович прислал дополнительные тридцать рублей в 1947 году, в день восемнадцатилетия дочери.

В то время он уже работал в Академии наук, но не ученым, а исполнителем в Президиуме. Тогда случился казус: к нам в страну приехала высокопоставленная делегация из недружественной страны, чтобы ознакомиться со Сталинским планом преобразования природы. Для делегации был выделен специальный участок, где должны были колоситься поля, огражденные буйными лесными посадками. Однако за день до приезда делегации стало известно, что посадки, созданные на принципах внутривидового сотрудничества и взаимопомощи, завяли, а поля, засеянные ржаной пшеницей, перерожденной из яровой, пусты. Ни остановить делегацию на правительственном уровне, ни пустить ее на сторону не удалось. Тогда тот академик, который придумал дружбу между деревьями, отыскал Ивана Ивановича и обещал ему премию.

Иван Иванович, как он мне признался, взял географическую карту того района и выяснил, что выше его находится большая плотина. По согласованию с академиком и другими лицами он предложил выход. Он сам отправился на ту плотину и в нужный момент открыл все ее створы. Река, разлившаяся по полям и лесным полосам, нечаянно утопила иностранную делегацию, а также несколько деревень. Были принесены соответствующие извинения за стихийное бедствие. Больше подобные делегации не ездили. Иван Иванович получил свою премию, но был строго наказан за самоуправство и три года провел в лагерях строгого режима.

Денег оттуда он семье не посылал, потому что дочь достигла совершеннолетия, и никто не ждал от отца вестей. В то же время он четырежды получал в лагере премии. В первый раз за то, что исполнил просьбу начальника лагеря экономить ватники заключенных, которые за пятилетку изнашивали ценную одежду до дыр. Он предложил совместить борьбу за экономию ватников с экономией питания. Двойная экономия привела вскоре к тому, что ватники стали освобождаться от содержимого вдвое быстрей, а из сэкономленных продуктов удалось выделить премию Иванову.

Иванов был освобожден досрочно. Он не изменился, лишь облысел. Обиды ни на кого не таил, так как все премии, которые ему были обещаны, как до ареста, так и во время жизни в лагере, он получил.

Я пропускаю здесь несколько лет плодотворной работы Ивана Ивановича. Но надо сказать, что за эти годы он получил более двадцати премий, и репутация его настолько укрепилась, что его стали использовать в самых различных областях хозяйства.

Однажды судьба свела его с бывшей женой Соней.

Проблема, стоявшая перед проектировщиками большого комбината в Запорожской области, заключалась в том, что комбинату требовалось много воды, а воды было мало. Пригласили Иванова. Обещали премию.

Иван Иванович решил, что посетит во время этой командировки свою семью. Семья встретила его прохладно. Дочь была замужем и отца не узнала. А Соня узнала, но не обрадовалась. Чтобы не тратиться на гостиницу, в которой были номера лишь по три рубля, тогда как командировочные Ивана Ивановича предусматривали оплату в размере полутора рублей, Иванов решил переночевать в домике у Сони.

Ему постелили у окна на диване.

Утром Иван Иванович проснулся от звона цепи. Его жена набирала воду из колодца. Он встал, подошел к колодцу и увидел, что до воды метров десять.

Попрощавшись с Соней, Иван Иванович отправился в Запорожье и узнал у специалистов, что в том районе есть большая подводная линза, из которой черпают воду местные жители. Иван Иванович обрадовался, вернулся в Москву и там сообщил, что воду для комбината можно найти, если выкопать возле него колодцы глубиной в пятьдесят метров и качать воду прямо из линзы.

Некоторые специалисты подняли шум, уверяя, что этим будет ликвидировано местное сельское хозяйство. Однако они не знали, как суров становится Иван Иванович, когда дело идет о заслуженной премии. Он смог пробиться к министру, и комбинат получил воду, а Иванов премию. Четыре близлежащих района области были выселены, так как невозможно возить воду в цистернах для ста пятидесяти тысяч семей.

Когда в другом министерстве, которое прознало о способностях Ивана Ивановича, решено было повернуть на юг северные реки и таким образом насытить влагой поля юга, исполнителем пригласили Иванова. Иванов уже стал пожилым человеком. Он получил отдельную однокомнатную квартиру, где повесил фотографию мамы и почетные грамоты, но жениться снова не стал.

Ученые и любители старины сильно возражали и рвались в кабинет к министру, чтобы объяснить, почему нельзя губить север ради спасения юга. Иван Иванович добился в министерстве, чтобы другим ученым, которые будут доказывать обратное, тоже дали премии. Другие ученые, узнав о премиях, стали доказывать общественности, что опасения первых ученых напрасны. Тем временем, пока никто не мог разобраться в споре, Иванов дал сигнал бульдозерам и экскаваторам двинуться на север, где они срочно прокопали каналы. Эта борьба, закончившаяся победой Ивана Ивановича, заняла три года. Но для Иванова не прошла бесследно. Он получил премию в размере ста двадцати рублей. И смог купить красивый импортный торшер.

Еще пятьдесят рублей премии он получил за то, что ему удалось уничтожить озеро Байкал. А потом шестьдесят пять за ликвидацию Аральского моря.

Газеты и журналы метали громы и молнии в министров и академиков, полагая, что это они уничтожают природу и культурные ценности. Что из-за их легкомысленных, корыстных и даже преступных действий нашим детям нечего будет есть и нечем дышать. Но никто не метал молний в Ивана Ивановича, потому что он был совершенно незаметен. И никто так и не догадался, что именно его страсть к получению небольших, честно заработанных премий и есть главная причина упадка нашей цивилизации.

На рубеже девяностых годов Иван Иванович, согбенный возрастом, собрался уйти на пенсию. Но тут его вызвал к себе сам Петрищев.

— Иван Иванович,— сказал Петрищев.— Как ты знаешь, народ у нас за последние годы очень разболтался. Все труднее строить новые заводы, так нужные нашему министерству для выполнения плана. Мы, конечно, не возражаем с тобой против охраны окружающей среды.

— Нет, не возражаем,— сказал Иванов.

Петрищев налил в стакан воды из графина, подошел к подоконнику и лично полил стоявшие в горшках цветы.

— Боюсь, что златогорский комбинат нам не дадут пустить. И тогда мы не реализуем ассигнования.

— Плохо,— сказал Иванов.

— Мне хотелось бы дать тебе премию, Иванов,— сказал Петрищев.— И немалую. Рублей в сто. Как ты на это смотришь?

— А чем они мотивируют?

— Ах, не говори. Типичные демагоги. Говорят, что дым этого комбината уничтожит воздух над европейской частью территории нашей страны. А это преувеличение.

— А премия когда будет? — спросил Иванов.

— Сразу, как только задымят трубы комбината.

Удивительная сила духа и упорство крылись в этом немощном на вид старичке. Не прошло и шести месяцев, как, несмотря на протесты общественности, на три специальных постановления правительства и даже резолюцию ООН, златогорский комбинат дал первый дым.

Вскоре половина человечества была вынуждена перейти в газоубежища.

Премию Иван Иванович получил вместе с противогазом.

Он отложил ее на черный день и переселился в газоубежище.

Там мы с ним и познакомились.

Длинными вечерами Иван Иванович дребезжащим голосом рассказывал мне о своей жизни, и постепенно я стал понимать, какую громадную, неоцененную роль он сыграл в жизни нашего государства. Я сказал ему об этом, и Иван Иванович удовлетворенно кивнул. А на следующей неделе, когда из-за кислотных дождей никто не мог выйти из газоубежища, мы с ним занялись подсчетами. Оказалось, что за свою жизнь Иван Иванович получил в общей сложности сто сорок две премии общей суммой в восемь тысяч тридцать два рубля. Это помимо зарплаты. Затем мы с ним стали подсчитывать, во сколько его деятельность обошлась стране. Без ложной скромности Иванов согласился на мои неполные выводы: восемнадцать триллионов с хвостиком. И каждый новый день, сколько бы их ни осталось до конца света, стоил не меньше шестнадцати миллиардов.

— Что ж, внушительно,— сказал старенький Иванов. Впрочем, эти цифры на него не произвели большого впечатления, так как были абстрактны. Я сужу об этом, потому что за последующие дни он ни разу не вспомнил о них, зато как-то утром растолкал меня, чуть не свалил с раскладушки.

— Послушайте,— шептал он.— Мы ошиблись. Я забыл о трех премиях. Общая сумма восемь тысяч триста тридцать шесть рублей. Вот так-то!

Вчера Иван Иванович покинул нас.

В полдень в газоубежище вошли три человека в галстуках и противогазах. Они долго шептались с Иваном Ивановичем. Наконец, один из них внятно произнес:

— Премию вам гарантирую.

Иван Иванович подмигнул мне и ушел вместе с ними, натягивая противогаз.

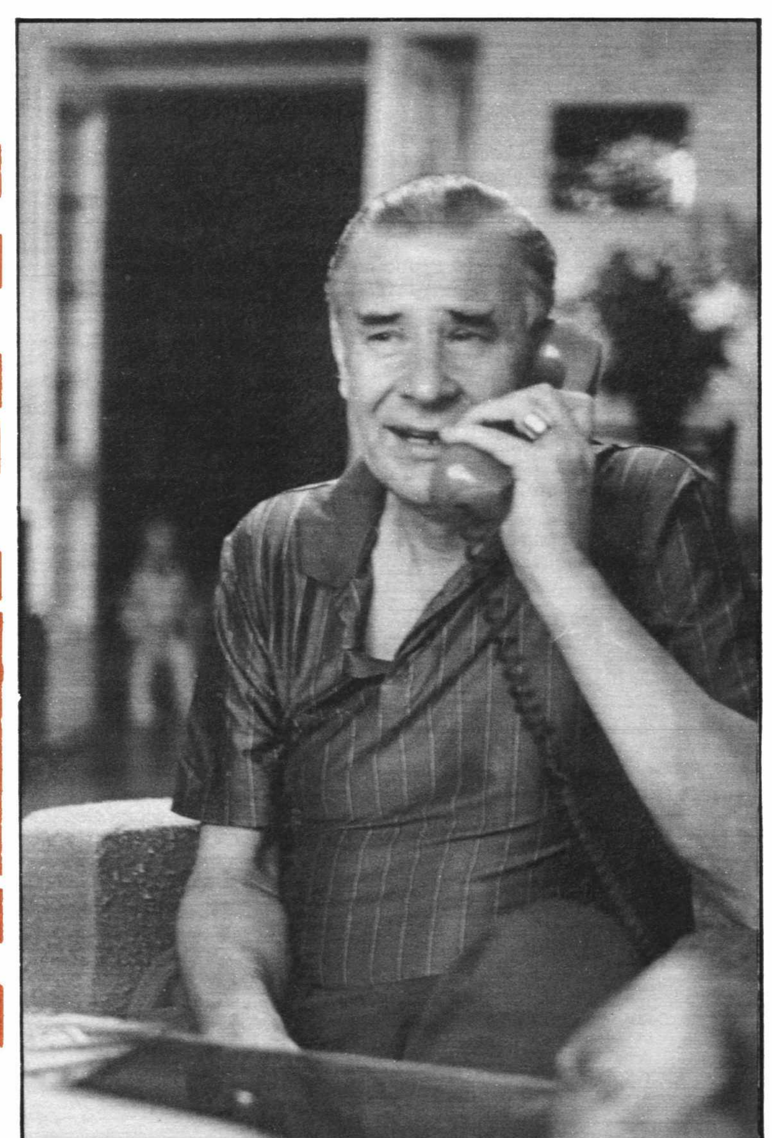
Уже третий день я жду конца све...

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Андрея ВАНСОВИЧА



ЯШИНУ — ШЕСТЬДЕСЯТ!







ДОРОГОЙ НАШ ЛЁВА!
УВАЖАЕМЫЙ НАШ ЛЕВ ИВАНОВИЧ!

СЕГОДНЯ МЫ СНОВА ВСЕ В ТВОЕЙ КОМАНДЕ! МЫ ВСЕ ПРИБЫЛИ НА СБОР ВЕТЕРАНОВ МИРОВОГО ФУТБОЛА В ЧЕСТЬ ТВОЕГО ЮБИЛЕЯ. МЫ ГОРДИМСЯ, ЧТО ИГРАЛИ С ТОБОЙ, А ТЫ ИГРАЛ С НАМИ. МЫ С ТОБОЙ ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ИГРОКОВ, ЗНАЮЩИХ И НЕ ЗАБЫВШИХ ДО СИХ ПОР, ЧТО ТАКОЕ НАСТОЯЩИЙ ФУТБОЛ - СТРАСТЬ МИЛЛИОНОВ ЗЕМЛЯН. МЫ ПОМНИМ И ЗОЛОТЫЕ МАТЧИ В МЕЛЬБУРНЕ. ТО БЫЛ НАШ С ТОБОЮ ТРИУМФ. ТОГДА ПОБЕДИЛИ СТРАСТЬ К ЛЮБИМОЙ ИГРЕ, ЧУВСТВО ПАТРИОТИЗМА И УВАЖЕНИЯ К ЗРИТЕЛЯМ, МИЛЛИОНАМ БОЛЕЛЬЩИКОВ, РАДИ КОТОРЫХ МЫ ИГРАЛИ С ТОБОЙ ДОМА И ЗА ОКЕАНОМ. И ТО, ЧТО ЭТО БЫЛА ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА, ПОДТВЕРЖДАЕТ ФАКТ - ТАКУЮ ЖЕ СЛАВНУЮ ПОБЕДУ СОВЕТСКИЕ ФУТБОЛИСТЫ ОДЕРЖАЛИ ТОЛЬКО 32 ГОДА СПУСТЯ - ТЕПЕРЬ ПОБЕДИЛИ НАШИ ВНУКИ!

ДА, ЛЕВ ИВАНОВИЧ, МЫ ДАВНО УЖЕ ДЕДЫ. НО - ФУТБОЛЬНЫЕ ДЕДЫ! МЫ ЕЩЕ НЕ УШЛИ С ПОЛЯ. КОНЕЧНО, В НАШЕЙ ИГРЕ ВСЕ БОЛЬШЕ ПРОПУЩЕННЫХ ЛЕТ... И ВСЕ-ТАКИ, ЛЁВА, НАПОМИНАЕМ СЕГОДНЯ ТЕБЕ, ЧТО ИГРА ДЛИТСЯ ДЕВЯНОСТО МИНУТ, А ЖИЗНЬ ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ - 90 ЛЕТ! ТАК ЧТО ДО ФИНАЛЬНОГО СВИСТКА ЕСТЬ ЕЩЕ ВРЕМЯ... ЖЕЛАЕМ ТЕБЕ, ЛЕВ ИВАНОВИЧ, ОТСТОЯТЬ ВСЕ ДЕВЯНОСТО! И ЕЩЕ ДВА ТАЙМА ПО 15 лет, ЕСЛИ НАЗНАЧАТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ. МЫ ВЕРИМ ТЕБЕ СЕГОДНЯ, КАК ВЕРИЛИ ВСЕГДА.

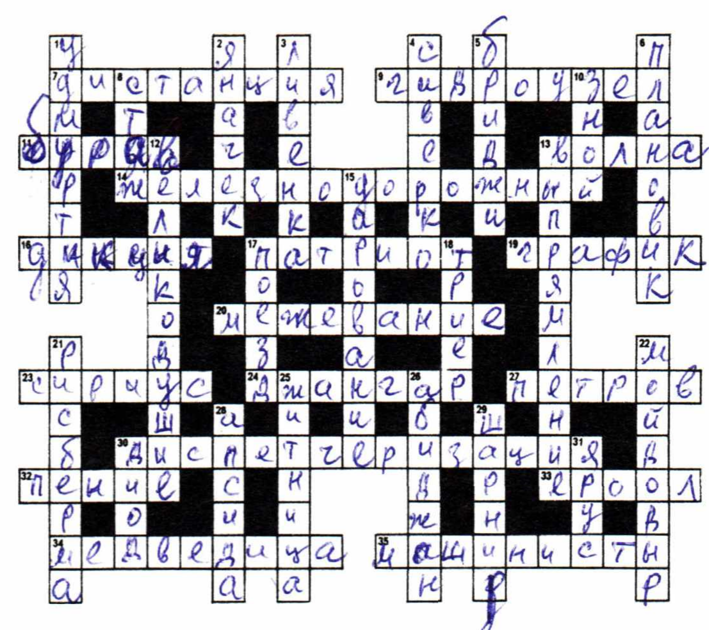
ВЕРИМ, ЛЁВА, В НОВУЮ ХВАТКУ.

ОЛИМПИЙЦЫ МЕЛЬБУРНА

ЗНАМЕНИТОМУ ВРАТАРЮ — ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ... ЭТО КАЖЕТСЯ СТРАННЫМ, ПОТОМУ ЧТО В НАШЕМ СОЗНАНИИ И ПАМЯТИ КУМИРЫ НЕ СТАРЕЮТ. ОНИ ОСТАЮТСЯ ТАКИМИ, КАКИМИ МЫ ЗАПОМНИЛИ ИХ В ЗВЕЗДНОЕ ВРЕМЯ УСПЕХА. И СЕГОДНЯ БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ЯШИН ОСТАЕТСЯ ТАКИМ ЖЕ ЗНАМЕНИТЫМ, КАК И МНОГО ЛЕТ НАЗАД,— НАСТОЛЬКО ЯРКОЙ БЫЛА ЕГО ЗВЕЗДА, СВЕТ КОТОРОЙ ДО СИХ ПОР СОГРЕВАЕТ НАШИ СЕРДЦА. «ОГОНЕК» ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ К МНОГОЧИСЛЕННЫМ ПОЗДРАВЛЕНИЯМ!

Фото Анатолия БОЧИНИНА





КРОССВОРД

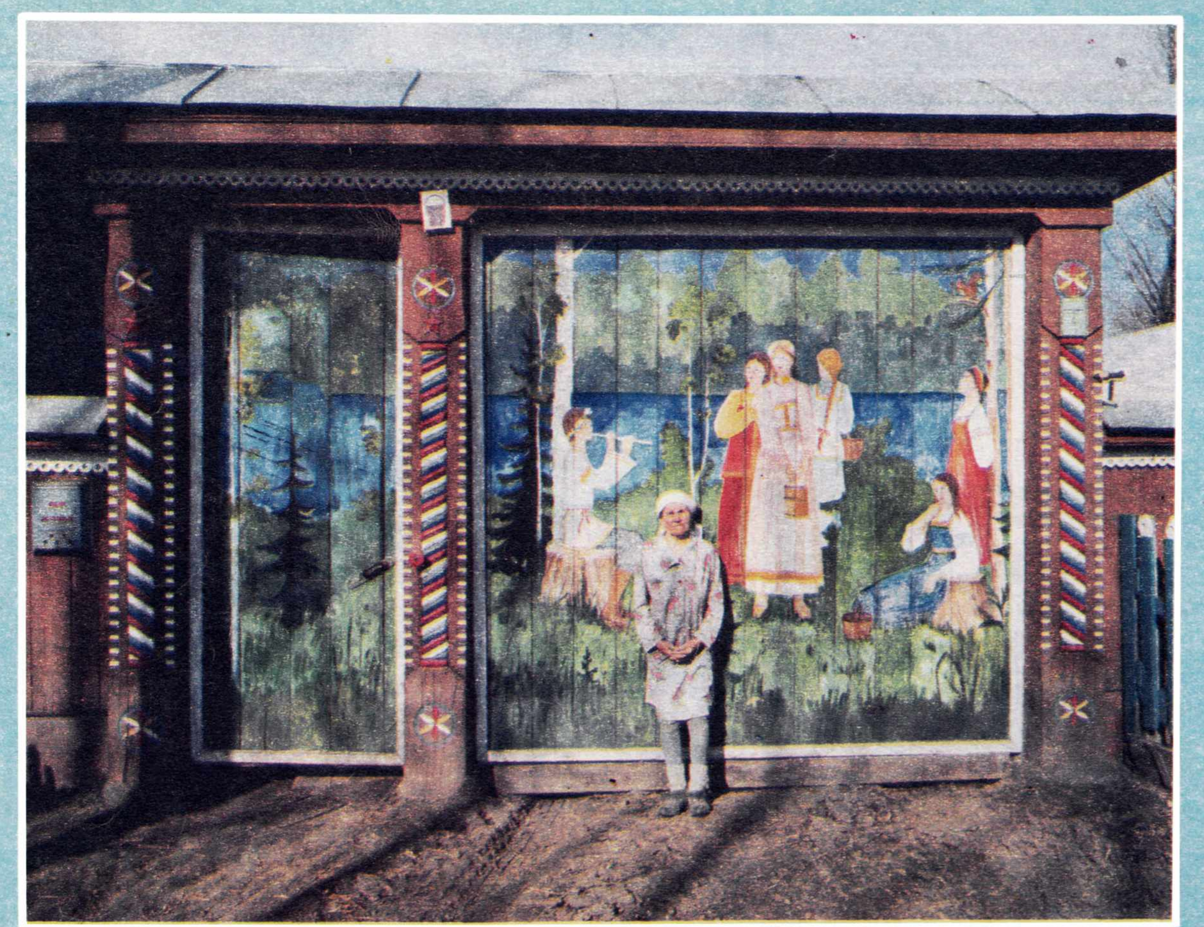
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Административная единица на железной дороге. 9. Объединенные энергетические сооружения. 11. Инструмент для сверления. 13. Большевистская легальная газета в начале XX века. 14. Город в Московской области. 16. Произношение, манера выговаривать слова. 17. Человек, преданный отечеству, своему народу. 19. Способ изображения движения поездов. 20. Определение границ земельных участков. 23. Самая яркая звезда на небе. 24. Героический эпос калмыцкого народа. 27. Ученый в области внедрения АСУ на железнодорожном транспорте, Герой Социалистического Труда. 30. Централизация оперативного контроля и управления транспортом. 32. Вокальное искусство. 33. Форма устно-поэтического творчества монголов. 34. Приток Дона. 35. Стихотворение Я. В. Смелякова.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Автономная республика в РСФСР. 2. Чешский композитор. 3. Разновидность русской гармони. 4. Картина художника-передвижника И. С. Остроухова. 5. Брюки особого покроя. 6. Специалист по составлению системы последовательности и сроков выполнения работ. 8. Продолжительность трудовой деятельности. 10. Сильная жара. 12. Снисходительность к другим, готовность бескорыстно жертвовать своими интересами. 13. Преобразование переменного электрического тока в постоянный. 15. Талант. 17. Состав железнодорожных вагонов. 18. Зерноочистительная машина. 21. Укрепленный участок русла реки водосбросного гидротехнического сооружения. 22. Произведение К. И. Чуковского для детей. 25. Хлебородный, богатый урожаями край. 26. Порт государства Кот-д'Ивуар. 28. Полукруглый выступ здания. 29. Подвижное соединение деталей. 30. Полупроводниковый прибор, применяемый в радиоаппаратуре. 31. Один из этажей в зрительном зале.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 31

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Мичман. 7. «Пролог». 8. Игумнов. 9. «Людмила». 11. Перископ. 13. Любаша. 14. Оборот. 15. Верн. 16. Ризалит. 17. Бобслей. 18. Грим. 20. Массне. 22. Анабас. 24. Тральщик. 25. Ряпушка. 27. Великая. 29. Китель. 30. Король.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Пицунда. 2. Оман. 3. Фонд. 4. Повидло. 6. Неверов. 7. Пеликан. 8. Иллюминатор. 10. Аэротерапия. 11. Паритет. 12. Потомак. 18. Грабарь. 19. Мещовск. 21. Сюрприз. 23. Алаколь. 26. Шлем. 28. Лира.



КАРТИНЫ НА ВОРОТАХ

Так уж повелось, что ворота в чувашском доме всегда были предметом особого внимания и гордости хозяина. Строили их высокими, широкими, крепкими, обязательно под козырьком, украшали орнаментом. А в последние годы в Ядринском районе появилась новая мода: живопись на воротах. Сюжеты картин самые разнообразные — от копий шишкинских мишек до семейных портретов. Благо, есть кому этим заниматься — в колхозе «Ленинская искра» своя художественная школа. Вот ее выпускники и украшают быт своих односельчан. Пройдешь по улице Верхних либо Нижних Ачаков, как в Третьяковке побываешь.








40 коп.
Индекс 70663

Фото Марка ШТЕЙНБОКА



